

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭПИСТЕМОЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ

**Новые книги, справочные материалы,
рецензии и обзоры (2000–2011)**

Москва
2012

УДК 165.0
ББК 15.1
Э 71

Ответственный редактор

кандидат филос. наук *А.Ю. Антоновский*

Научно-вспомогательная работа выполнена *Е.М. Пушкиной*

Рецензенты

доктор филос. наук *И.А. Герасимова*

доктор филос. наук *В.П. Филатов*

Э 71

Эпистемология в XXI в.: Новые книги, справочные материалы, рецензии и обзоры (2000–2011) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.Ю. Антоновский. – М.: ИФ РАН, 2012. – 207 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0230-0.

В издании представлены эпистемологические новинки, вышедшие в зарубежных издательствах за 2000–2011 гг. Особое внимание уделено работам в области философии языка и сознания, философии науки и социальной эпистемологии. Книга предлагает уникальный справочный материал, практически полный и аннотированный список англоязычной, немецкоязычной и франкоязычной литературы последних лет, а также рецензии на современные труды по эпистемологии в России и за рубежом. Авторский коллектив по преимуществу составляют сотрудники сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

ISBN 978-5-9540-0230-0

© Институт философии РАН, 2012

© Коллектив авторов, 2012

Содержание

Введение. ЭпистемогRAFия – отсутствующая дисциплина	5
---	---

РАЗДЕЛ 1

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ. ОБЗОР ИНОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТРУДОВ ПО ЭПИСТЕМОЛОГИИ ЗА 2000–2011 гг.

<i>А.Ю. Антоновский, Е.В. Вострикова, П.С. Куслий</i> Англоязычная эпистемология в первой декаде XXI века	7
<i>А.Ю. Антоновский</i> Немецкоязычная теория познания и социальная эпистемология в первой декаде XXI века	37
<i>А.Ю. Антоновский, Е.В. Вострикова, А.С. Игнатенко, П.С. Куслий</i> Франкоязычная эпистемология в первой декаде XXI века	65
<i>Е.О. Труфанова</i> Эпистемология в изданиях Института философии РАН	89

РАЗДЕЛ 2

РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ ПО ЭПИСТЕМОЛОГИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ В 2001–2011 гг.

<i>И.Т. Касавин</i> Теория как образ и понятие. Размышления о книге В.С. Стёпина «Теоретическое знание»	99
<i>Л.А. Микешина</i> Прорыв в новую эпистемологическую проблематику. О книге И.Т. Касавина «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в эпистемологию языка»	112
<i>И.Т. Касавин</i> Субъект интерпретирующий: синтез когнитивных практик	119
<i>А.Л. Никифоров</i> Объективность или релятивизм? Размышления о книге Е.А. Мамчур «Объективность науки и релятивизм»	129
<i>Н.А. Касавина</i> Наука и искусство: субъективное измерение знания	132
<i>А.С. Игнатенко</i> Гетеротропия. Рецензия на книгу И.Т. Касавина «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в эпистемологию языка»	139
<i>А.С. Игнатенко</i> Фуко, Автономова и рационализм. Рецензия на книгу Н.С. Автономовой «Познание и перевод»	149

П.С.Куслий

Пропозиции и факты. Рецензия на книгу Джеффри Кинга
«Природа и структура содержания»
(King J.C. The Nature and Structure of Content)..... 160

Е.В.Вострикова

Как нам следует понимать значения?
Рецензия на книгу П.Богоссиана «Содержание и обновление»..... 166

В.А.Колпаков

Ощущение знания и социально-историческая эпистемология.
Рецензия на двухтомник М.Шульмана «Ощущение знания»..... 173

Е.В.Вострикова

«Знание-как»: между лингвистикой и эпистемологией..... 177

А.Ю.Антоновский

Фантазия – ключ к intersubjectivному единству.
Размышления о книге В.Ю.Кузнецова «Мир единства»..... 187

Е.В.Вострикова

Реальность значения. Рецензия на книгу
В.А.Ладова «Иллюзия значения.
Проблема следования правилу в аналитической философии»..... 197

Список авторов..... 207

Введение. Эпистемография – отсутствующая дисциплина

Почему до сих пор не возникло «вспомогательной» философской дисциплины, специализирующейся на историях *предметно*-определенных философских исследований, в нашем случае – эпистемологии? С этой задачей, очевидно, не справляется история философии, почему-то предпочитающая регионализировать философскую мысль на основании таких контингентных маркеров, как языки, государства, нации, эпохи, функции (группируя эти переменные друг с другом). Такая гипотетическая наука выполняла бы собственную автономную задачу, наподобие той, которую сегодня выполняет историография применительно к наукам историческим. Конечно, во всяком полноценном философском исследовании, в особенности в диссертационном, непременно присутствует разбор предшествующих трудов на предмет адекватности применяемых методов, ценности аргументов, непротиворечивости теоретических подходов. Но в каждом случае такого рода интерпретация предшествующих достижений встраивается в собственное исследование, исходит из его логики, оставляя без внимания авторские стилистики и пристрастия, его ориентированность на специфические аудитории, социокультурные контексты его исследований.

Личностное или авторское измерение, как правило, упускается и формами предметной философской рецепции, распространенными за рубежом: многочисленными «ридерами», «компэньонами» и «интродукциями». Последние в гораздо большей степени сосредоточены на «внутренней» истории самого предмета, нежели на внешних факторах или измерениях – личности автора и специфическом «интересе эпохи».

Остается вопросом и то, насколько этот дефицит способен восполнить особый жанр философской рецензии, приближающий философию и эпистемологию, скорее, к художественному творчеству, литературе, театральному искусству и кино.

Авторы книги попытались соединить два слабо согласующихся подхода – дать сухой справочный, предметно определенный материал и одновременно предложить некоторую выборку рецензий на актуальные эпистемологические труды.

В течение десяти лет авторы книги (аспиранты и молодые сотрудники сектора социальной эпистемологии ИФ РАН) скрупулезнейшим образом отслеживали эпистемологические новинки¹, выходящие в зарубежных издательствах, и публиковали обзоры и рецензии в журнале «Эпистемология и философия науки». При этом выборки трудов и их аннотирование непременно сопровождалось выявлением тенденций, особенностей актуальных издательских политик, доминирующих предметных интересов. Конечно, некоторые темы разрабатываются полнее, больше внимания было уделено работам в области философии языка и сознания, философии науки и социальной эпистемологии, но в целом, как нам кажется, автором удалось выдержать «гёделевские требования» полной и непротиворечивой презентации современной, преимущественно зарубежной, эпистемологической литературы. К сожалению, объем книги не позволяет представить испаноязычную «эпистемографию», а также обзоры украинских трудов по эпистемологии. Интересующийся может обратиться к соответствующим томам нашего журнала.

Книга предлагает уникальный справочный материал. С ее выходом любой диссертант, специализирующийся на эпистемологических проблемах, получает возможность просмотреть новейшую зарубежную литературу по своему предмету, составить список интересующих его источников, существенно экономя время на – зачастую оказывающихся бесплодными – поисках в каталогах. Мы будем продолжать нашу «летопись новых книг» и через десять лет представим списки новых эпистемологических достижений.

А.Ю. Антоновский

¹ Такую возможность предоставляли нам и международные стипендии фондов А. фон Гумбольдта, ДААД, программ Фулбрайта и Эразмус-Мундус.

РАЗДЕЛ 1
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ.
ОБЗОР ИНОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТРУДОВ
ПО ЭПИСТЕМОЛОГИИ ЗА 2000–2011 гг.

А.Ю. Антоновский, Е.В. Вострикова, П.С. Куслий

Англоязычная эпистемология в первой декаде XXI века¹

В этой рубрике мы публикуем подборку англоязычной литературы по эпистемологии за последние десять лет. Принципом отбора этой литературы явилась новаторская, нестандартная, неклассическая интерпретация их авторами традиционных проблем или их критическое отношение к господствующим в современной эпистемологии подходам. В обзоре мы попытались указать на некоторые тенденции издательских политик известных зарубежных издательств, выявить предпочтения в выборе авторов, философских подходов и направлений, зафиксировать отношение к классическим философским проблемам, а также проанализировать попытки их переформулировать и степень готовности обратиться к нетрадиционным сферам и объектам эпистемологического исследования, таким, например, как феминистская философия, эпистемология этнических меньшинств².

Новинки эпистемологической литературы, вышедшие в последнюю декаду на английском языке, демонстрируют определенные тенденции, все четче прослеживающиеся в англо-американской философии. Главным образом, это касается антирелятивистского и антискептицистского настроения, свойственного целому ряду появившихся исследований (см. книги Богоссиана,

¹ В данном обзоре приняла участие также Ю.С.Моркина.

² См. обзор такого рода эпистемологий: *Де Блазио А.* Новые тенденции в современных эпистемологиях // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 1.

Франкфурта, Бенсон и Стэнгрума). Также следует отметить целый ряд прикладных эпистемологических исследований (см. издание под ред. Мур и Сандерса, книги Лаудана и Руни).

Кроме этого, в свет продолжают выходить ставшие уже традиционными сборники статей ведущих эпистемологов как по классическим, так и по новым проблемам эпистемологии (в частности, сборники под ред. Сцабо и Хоуторна, Гетерингтона, а также Форда, Глаймура и Хэйеса). К сфере проблем, ставших в последние десятилетия для эпистемологии также традиционными, следует отнести противостояние экстернализма и интернализма (см. книги Бергмана и Макгрю).

Наконец, появились исследования на темы, которые вряд ли можно отнести к магистральным в современной эпистемологии (сборник под ред. Деброка и Халсвита, а также издание под ред. Матилала и Ганери).

* * *

Audi R. Epistemology: A Contemporary Introduction (Routledge Contemporary Introductions to Philosophy). Routledge, 2003.

Книга представляет собой одно из самых последних введений в современную эпистемологию. Ее автор, Роберт Оди – профессор университета Небраски и главный редактор кембриджского философского словаря. Основной интерес Оди сосредоточен на проблемах стандартов обоснования истинностного знания и деятельности. Во втором издании добавлены такие нетрадиционные для российской философии разделы, как виртуальная эпистемология и эпистемология феминистская.

Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Clarendon Press, 2002.

Монография является антологией избранных статей, главные темы которых – самопознание и рациональность. В своем труде «Субъективное, intersубъективное, объективное» Дональд Дэвидсон развивает концепцию об отношении языка, знания и сознания, получившую известность еще в шестидесятые годы. Данная монография явилась последним прижизненным изданием этого известного исследователя.

Gaddis J.L. The Landscape of History: How Historians Map the Past. Oxford Univ. Press, 2002.

Джон Льюис Гэддис в книге «Ландшафт истории» задается вопросом о научном статусе своей науки, о том, реализуются ли в ней подлинно научные методы и историческая истина. Гэддис рассматривает различие между реконструкцией исторического метода и нерефлексивными представлениями о нем в среде самих практикующих историков. Автор сравнивает исторические изыскания с топографической ландшафтной съемкой. Поскольку историк, по мнению автора, не в состоянии наглядно воспроизводить свои репрезентации, он, скорее, должен быть уподоблен художнику, который хотя и может верно изображать исторические ландшафты, однако не может называться ученым в его традиционном понимании. К художественной технике историк, по мнению Гэддиса, должен добавить и технику геолога, палеонтолога и эволюционного биолога. Автор сопоставляет подходы означенных дисциплин, находя в них методическую общность, состоящую в их обращенности к теории хаоса, комплексности и в особой критичности. В книге ставится вопрос о том, кто же является подлинным ученым, как и о том, какие дисциплины являются подлинными науками: социальные науки с их вечными поисками независимых переменных и статических (и статистически фиксируемых) систем или история с ее меняющимся, а значит, живым предметом. Книга написана в традициях «Школы Анналов» и служит вызовом постмодерным утверждениям о невозможности познания прошлого.

Gigerenzer G. Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition Series). Oxford Univ. Press, 2002.

В книге «Адаптивное мышление: рациональность в реальном мире» Герда Гайджернцера переосмысливается понятие рациональности, типология которой выстраивается на основе особых типов адаптации: с одной стороны, к социальному окружению (социальная рациональность), а с другой – к окружающей природе (экологическая рациональность). Адаптивная психология рациональности Герда Гайджернцера помимо результатов психологических исследований привлекает данные, почерпнутые из наук, изучающий и так называемый «реальный мир»: миры, изучаемые

таким дисциплинами, как экономика, теории искусственного интеллекта, социология, физиология животного поведения, медицина и уголовное право.

Kolbel M. Truth Without Objectivity. Routledge, 2002.

Макс Колбел, преподаватель философии Бирмингемского университета, в своем труде «Истина вне объективности» подвергает критическому разбору главные философские течения в их истолковании понятия «смысла». В стандартных истолкованиях, предпринимаемых в рамках этих течений, он обнаруживает имманентные противоречия и пытается устранить их, утвердив свою собственную релятивистскую теорию истины. По мнению автора, в основе ставшего классическим понимания смысла лежит ложная предпосылка, будто понимание смысла высказывания подразумевает знание условий, определяющих истинность этого высказывания. Но существует и масса иных осмысленных высказываний, не являющихся ни истинными, ни ложными (вопросы, суждения вкуса, восклицания, выражения желаний и т. д.). Анализ такого рода самостоятельных смыслов, к которым очевидно бессмысленно было бы применять дистинкцию *истина/ложь*, и посвящена эта книга.

McCulloch Gr. The Life of the Mind: An Essay on Phenomenological Externalism. Routledge, 2003.

Грегори Маккалок, профессор философии университета Бирмингема, получил известность благодаря своим книгам «За помощью к Сартру» (1994) и «Мышление и его мир» (1995). В своем новом исследовании «Жизнь мышления» Маккалок представляет концепцию человеческого интеллекта в его отношении к природе, весьма отличающуюся от общепринятых. Рассматривая три крупных комплекса идей — экстернализм, феноменологию и отношение между научным и повседневным мышлением, автор проводит радикальную антикартезианскую концепцию ментальной жизни, отрицая какую бы то ни было дуальность мышления и бытия. Понять жизнь человеческого разума, по мнению автора, можно, лишь отказавшись от ряда фундаментальных предпосылок или предрассудков и осознав его сущностную укорененность в мире и слитность с ним. Так, для понимания жизни мышления следует отказаться от идеи необходимо-«сциентистского» понимания разума, нужно отказаться и от раздельного рассмотрения интенционально-

сти (абстрагирующей или направленной на собственные содержания мышления, а не на мир) и феноменологии, дающей целостное представление предметов собственно мира.

Preston J. (Ed.), Bishop M. (Ed.). Views into the Chinese Room: New Essays on Searle and Artificial Intelligence. Oxford Press, 2002.

Книга представляет собой сборник статей, посвященных проблеме создания искусственного интеллекта. Темы исследований концентрируются вокруг сходства и различий машинной и специфически-человеческой символической переработки информации. Эта проблема была сформулирована Джоном Сёрлем в виде так называемого «аргумента китайской комнаты», где указывается на непреодолимую недостаточность машинного «ввода-вывода» информации, в котором отсутствует «понимание» используемых символов. В 19 статьях ведущие ученые и философы обсуждают эту проблему.

Reyna S.P. Connections: Mind, Brain and Culture in Social Anthropology. Routledge, 2002.

Стивен Рейна – профессор антропологии Нью-гемпширского университета. В своих трудах, привлекая данные нейрофизиологии и нейропсихологии, автор формулирует концепцию антропологической «нейрогерменевтики»: биологической взаимобусловленности человеческой культуры и социальной жизни. «Нейрогерменевтика» исследует «нейрокогнитивные системы» – особые коннекторы, обеспечивающие связь прошлых и будущих социальных событий, подобно тому «как лук мечет стрелы из прошлой реальности в будущую». Такой методический синтез позволяет связать две враждующие интеллектуальные традиции – герменевтику и нейрокогнитивную науку. Причинно-следственные связи в последовательностях социальных событий («string being») обеспечиваются посредством нейронных сетей мозга, «функционирующего посредством культуры подобно двигателю, функционирующему посредством топлива».

Oxford Studies in Epistemology: Vol. 1. Edited by Tamar Szabo Gendler and John Hawthorne. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. 352 p.

Исследования по эпистемологии. Т. 1. Под ред. Т.С.Сцабо и Дж.Хоуторна.

Данное издание представляет новейшие статьи ведущих специалистов Северной Америки, Европы и Австралии по самому широкому спектру вопросов эпистемологии. К традиционным проблемам эпистемологии, рассмотренным в сборнике, относятся проблемы природы верования, обоснования, знания, статуса скептицизма и природы априорного знания. В качестве новых проблем эпистемологии исследуются вопросы, связанные с натурализованной эпистемологией, феминистской, социальной и аретической (virtue) эпистемологией, а также с контекстуализмом. Отдельно исследуются фундаментальные вопросы теории принятия решений, теории обоснования знания, когнитивной науки и социальной психологии.

Epistemology futures. Edited by Stephen Hetherington. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. 258 p.

Будущее эпистемологии. Под ред. С.Геттерингтона.

Как ясно из названия, данная книга посвящена взгляду на будущее эпистемологии, т. е. на то, какими исследовательскими методами эпистемологи будут пользоваться, а какие отбросят, какие явления и концепты будут заслуживать более подробного внимания, какие препятствия стоят сегодня на пути развития эпистемологии, каковы пределы скептического аргумента, возможен ли вообще прогресс в эпистемологии в будущем и т. д. Все эти вопросы рассматриваются в предлагаемых тринадцати очерках, написанных ведущими современными специалистами в области эпистемологии, среди которых особого внимания заслуживают П.Черчленд, Р.Фельдман, У.Лайкан и др.

McGrew T., McGrew L. Internalism and Epistemology. (Routledge Studies in Contemporary Philosophy). Routledge, 2006. 224 p.

Макгрю Т., Макгрю Л. Интернализм и эпистемология.

Считается, что статья Э.Геттиера под названием «Является ли знанием истинное обоснованное мнение?» явилась одним из серьезнейших возражений классической платоновской теории знания. В связи с этим в последние десятилетия в эпистемологии имеет место противостояние между интерналистами и экстерналистами. Интерналисты утверждают, что факторы, обуславливающие обоснованность верования, должны быть внутренними, т. е. доступными для когнитивных и интроспективных способ-

ностей агента. Экстерналисты, в свою очередь, это отрицают, указывая на то, что не все факторы, делающие мнение обоснованным, доступны таковому агенту. В данной книге авторы предлагают новую версию интерналистской эпистемологии, рассматривая аргумент о том, что экстернализм приводит не только к скептицизму, но и к нигилизму, т. е. отрицанию возможности обоснования вообще.

Bergmann M. Justification without Awareness: A Defense of Epistemic Externalism. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. 266 p.

Бергман М. Обоснование без осознания: защита эпистемического экстернализма.

Новая книга профессора Бергмана посвящена аргументу в защиту эпистемологического экстернализма. Автор утверждает, что верование может быть обоснованным и без осознания этого обстоятельства его обладателем. Книга Бергмана делится на две части. Первая посвящена критике интернализма. В ней утверждается, что интерналистский аргумент приводит к бесконечному регрессу и в конечном счете к радикальному скептицизму. Вторая часть книги посвящена развитию экстерналистской теории. Важным аспектом аргумента Бергмана является утверждение о несостоятельности критики интерналистов. Данная книга не только предлагает аргумент в пользу одной из противостоящих позиций, но и представляет достаточно обширный обзор общей географии тем, обсуждающихся в рамках дискуссии интернализма и экстернализма в эпистемологии.

Boghossian P.A. Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. 152 p.

Богоссиан П. Боязнь знания: против релятивизма и конструктивизма.

Книга Пола Богоссиана направлена на критику постмодернистского скептицизма в стиле Р.Рорти относительно истины и знания. В ней утверждается, что мы можем прийти к знанию о том, каков мир, которое будет объективным и рациональным. Богоссиан вскрывает несостоятельность скептического аргумента, исследуя три возможных способа утверждения того, что знание конструируется социально. Один из них касается истины, два других – обоснования. Автор отвергает все три, указывая на несостоятельность и

даже бессмысленность каждого из них. Вопрос же об объективной истине и обосновании он рассматривает как сложный, но вполне разрешаемый современными методами философского анализа.

Benson O., Stangroom J.. Why Truth Matters. Continuum International Publishing Group, 2006. 202 p.

Бенсон О., Стэнгрум Дж. Почему важна истина.

Цель данной книги – вернуть истине статус ценности, который она, по мнению авторов, утратила в XX в. вследствие распространения релятивистских и постмодернистских интерпретаций этого понятия и утверждения в современных университетах ряда «псевдонаучных» дисциплин. Авторы борются с «модным нонсенсом», исследуя вопросы религиозного фундаментализма, отрицания Холокоста, постмодернизма и деконструкции, свободной интерпретации эволюционной биологии и т. д.

Frankfurt H.G. On Truth. Knopf, 2006. 112 p.

Франкфурт Г. Об истине.

Гарри Франкфурт, профессор философии в Принстоне, автор нашумевшего философского бестселлера «О чепухе» («On Bullshit»), в котором он исследовал техники, используемые людьми для словесной манипуляции мнениями и поведением других людей. Новая книга Франкфурта исследует природу истины и в известной степени является продолжением более общего эпистемологического исследования. Автор исследует причины того, почему такие категории, как «истина» и «ложь», сегодня рассматриваются как утратившие содержательность, как и то, каковы эпистемологические следствия подобного отношения к истине. Несмотря на большое количество остроумных замечаний и примеров, данная книга представляет глубокое и серьезное исследование.

The Epistemology of Testimony. Edited by Jennifer Lackey and Ernest Sosa. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 320 p.

Эпистемология свидетельства. Под ред. Дж.Лэки и Э.Сосы.

Данный сборник из 12 статей посвящен одной из наиболее бурно обсуждаемых проблем современной эпистемологии – проблеме свидетельства. Мы очень часто узнаем что-то через свидетельства других людей. Каков статус такого знания? Какие проблемы с ним могут быть связаны? Статьи написаны такими из-

вестными специалистами в области эпистемологии, как Э.Соса, К.Лерер, С.Голдберг и др. Книга разделена на пять основных разделов: 1. Свидетельство и наследие Томаса Рида, 2. Свидетельство и его место в эпистемологии, 3. Редукционизм и нередукционизм в эпистемологии свидетельства, 4. Свидетельство и степень нашей зависимости от него, 5. Новые области и направления в эпистемологии свидетельства. Редакторы сборника рассматривают его как отправную точку для более глубокого исследования знания, основанного на свидетельстве.

Thinking about Android Epistemology. Edited by Kenneth M. Ford, Clark Glymour and Patrick J. Hayes. AAAI Press, 2006. 384 p.

Размышляя об андроидной эпистемологии. Под ред. Кеннета Форда, Кларка Глаймура и Патрика Хейса.

Главной темой вошедших в книгу статей является вопрос о возможности существования других сознаний, т. е. физических систем, организованных отлично от строения человеческого мозга, но способных продуцировать знание и компетентность. Данные работы написаны ведущими специалистами в области философии и компьютерных наук, такими как Г.Саймон, Д.Деннет и П.Черчленд, и обращены к следующим проблемам исследования искусственного интеллекта: (1) проблема абстрагирования операционной системы компьютера от конкретных особенностей аппаратного обеспечения, что, в свою очередь, ставит вопрос о возможности существования различных физических носителей знания и компетенции; (2) проблема сравнения познавательных способностей человека и робота; (3) проблема творческой активности роботов и (4) проблема установления каузальных связей с помощью алгоритмов.

Stanley J. Knowledge and Practical Interests. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2005. 208 p.

Стэнли Дж. Знание и практические интересы.

В своей новой книге профессор университета Ратгерс Джейсон Стэнли предлагает оригинальное обоснование тезиса о том, что знание той или иной пропозиции определяется практическими интересами конкретного человека. Иными словами, Стэнли утверждает: знает человек нечто или нет, зависит от того, какова для него практическая выгода от знания или незнания этого обстоятельства.

Свою позицию Стэнли защищает от аргументов контекстуализма и релятивизма. Стратегии, предлагаемые автором для разрешения ряда философских парадоксов, различны и зачастую опираются на языковые аргументы. Поэтому данная книга может представлять интерес не только для специалистов в области эпистемологии, но и для более широкого круга философов, в частности лингвистов и философов языка.

Edwards J., Harvey P., Wade P. Anthropology and Science: Epistemologies in Practice, Oxford, Berg Publishers, 2007.

Эдвардс Ж., Харвей П., Вэйд П. Антропология и наука: эпистемологии в действии.

Вопрос о природе знания ставится в широком смысле: что значит знать нечто в научном, антропологическом и социальном контексте? Авторы исследуют взаимоотношение между различными формами знания и способами познания с позиции того, как и для каких целей знание производится в обществе. С одной стороны, данный вопрос изучается на многочисленных этнографических примерах того, как различные виды развивающихся эпистемологий, практик и научных видов знаний реализуются во внешнем мире науки. С другой, – авторы обращаются к природе научного и эмпирического знания и анализируют политику и этику науки в обществе и показывают, почему определенные типы знания признаются авторитетными и правильными.

The Challenge of the Social and the Pressure of Practice: Science and Values Revisited / Ed.: Martin Carrier, Don Howard, Janet Kourany. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press, 2007.

Вызов социального и давление практики: пересмотр науки и ценностей. Под ред. М.Кариера, Д.Ховарда, Дж.Курани.

В этом сборнике работ философов, социологов и историков науки предлагается междисциплинарный взгляд на сложные отношения между ценностями науки и общества, как в современном, так и в историческом контексте. Авторы анализируют роль коммерциализации и политизации в эпистемических устремлениях ученых, а также этические дилеммы, вызванные практически ориентированной наукой. Книга ставит роль ценностей и вопросов о моральности в центр философских споров.

Исследуется вопрос о соотношении собственно эпистемических и внешних социальных ценностей. Авторы показывают, как социальные ценности влияют на объективность теории и направление исследования.

Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. Viking, 2007.

Пинкер С. Материя мысли: язык как окно в человеческую природу.

Эта книга мгновенно стала бестселлером и получила многочисленные отзывы. Центральный тезис работы Пинкера состоит в утверждении, что язык является ключом к пониманию человеческой природы. Анализ языка способен пролить свет на образ мышления людей. Новизна книги Пинкера состоит в привлечении к обоснованию этой идеи широкого материала философии, эволюционной психологии, физики, нейрологии, антропологии.

Пинкер полагает, что язык отражает врожденную структуру мозга и служит не столько для того, чтобы описать реальность, сколько для того, чтобы ее создавать. Поток ощущений, презентующий мир, мы организуем как объекты и события, при том что сознание развивает способность конструировать разными способами одну и ту же ситуацию. Особое внимание Пинкер уделяет здесь роли метафоры, что сближает его работу с известной книгой Дж. Лакоффа и М.Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Рассматриваются такие аспекты сознания, как чувство времени, пространства и каузальности, а также модусы поведения — грубость и вежливость как своего рода когнитивные инструменты организации информационных потоков. Пинкер показывает, как наше употребление предлогов и времен отражает наши понятия времени и пространства, а существительных и глаголов — понятие вещества.

Еще одна книга, в которой проблема сознания рассматривается в широком эпистемологическом контексте:

Churchland P. Neurophilosophy at Work. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

Черчлэнд П. Нейрофилософия в действии.

Черчлэнд приобрел известность в качестве страстного адепта элиминативного материализма в философии сознания, теории, согласно которой язык так называемой «народной психологии» сле-

дует элиминировать из психологии научной. Книга представляет последние результаты его исследований в рамках исследовательской программы, начавшейся более чем 30 лет назад, которую можно обозначить как нейрофилософия.

Черчлэнд исследует возможности применения результатов, полученных различными эмпирическими науками о сознании (в особенности, когнитивной нейробиологией и математической нейронаукой) к широкому кругу традиционных и центральных для философии тем. В книге исследуются такие проблемы, как природа сознания, природа мышления и разума, природа морального знания и морального мышления, нейросемантика и способность мозга к репрезентации, природа субъективных чувственных *квалиа*. Исходным пунктом исследования Черчлэнда является убеждение в том, что наука имеет непосредственное отношение к решению практически всех фундаментальных философских проблем.

Doguoglu U., Kuenzle D. Epistemology and Emotions. Farnham, 2008.
Догуюглу У., Кюнцле Д. Эпистемология и эмоции.

Эта книга стала примером взаимодействия эпистемологии с психологией и когнитивными науками, результатом которого явился новый взгляд на взаимоотношение эмоций и познания. Традиционно считалось, что эмоции иногда мешают чистому эпистемологическому осмыслению мира. В книге ставится вопрос: могут ли эмоции, в свою очередь, приводить к эпистемическому успеху? Тезис о том, что эмоции «искажают эпистемический пейзаж», долго обсуждался в эпистемологии. В настоящее время философы призывают к систематической переоценке понятия эпистемической уместности эмоций. В дебатах, затрагивающих эпистемологию, теорию эмоций и когнитивные науки, рассматривается широкий диапазон функций, которые выполняют эмоции. Эти функции включают мотивацию научного исследования, обеспечение доступа к фактам, верованиям и нелогическим аспектам знания. Книга является первым сборником работ, в основе которых лежит убеждение, что мы не можем объяснить эмоции, если не поймем процессы, связанные с эмпирическим знанием. Все эссе, составляющие эту книгу, написаны ведущими исследователями в этой относительно новой и развивающейся области, пытаются

примиришь концепции прагматизма и скептицизма с когнитивными концепциями эмоций и когнитивными науками, а последние – с декартовской эпистемологией.

Междисциплинарным является и исследование.

Napier S. Virtue Epistemology: Motivation and Knowledge (Continuum Studies in Philosophy). London, N.Y., 2008.

Нэпье С. Эпистемология добродетели: мотивация и знание (философские исследования).

Философы, ведущие современные дискуссии в эпистемологии, в значительной степени заняты формулировкой определения знания, которое было бы свободно от контрпримеров. До настоящего времени такого определения не было найдено. Автор книги формулирует критерии, которые он считает существенными для этого понятия, применяя свой подход к различным областям знания. В основании его подхода к понятию знания лежат эмпирические исследования в когнитивных науках и психологии морали. Автор считает, что он отвечает на два ключевых вопроса: «что является знанием?» и «как мы его получаем?».

Jenkins C.S. Grounding Concepts: An Empirical Basis for Arithmetic Knowledge. Oxford, 2008.

Дженкинс К.С. Фундаментальные понятия: эмпирические основания арифметического знания.

Автор занимается проблемой арифметического знания, развивая новый подход, соединяющий три фундаментальные интуиции: априоризм, реализм, утверждающий независимость математической реальности от сознания, и эмпиризм. Привлекая широкий диапазон философских работ, автор обосновывает тезис о том, что арифметику можно исследовать посредством изучения эмпирических понятий. Эти понятия непосредственно связаны с органами чувств, и поэтому являются точными представлениями независимого от сознания мира. Изучение таких понятий позволяет выявить информацию, которая закодирована в способе их репрезентации.

Garcia-Carpintero M., Kolbel M. Relative Truth. Oxford, 2008.

Гарсия-Карпинтеро М., Колбэл М. Относительная истина.

В книге обсуждается вопрос истинности высказываний и факторов истинности. Помимо таких «традиционных» факторов истинности (значение произнесенного предложения, контекст, в ко-

тором оно было произнесено, положение дел в мире) в последнее время обсуждалось множество иных «производителей истинности». Таковы предложения о ценностях, предложения, приписывающее знание, предложения о вероятности или эпистемической возможности, предложения о контингентном будущем. Вопрос о том, какие именно дополнительные факторы имеют значение для определения истинности таких высказываний, является дискуссионным. В книге обсуждаются вопросы: относительно ли истина к стандартам вкуса, ценностям или субъективным состояниям сознания. Эту проблему автор связывает и с другими областями философии – такими как метаэтика, метафизика и эпистемология.

Следует отметить нарастающий интерес эпистемологов всего мира к богословию и появление ряда работ, в которых анализируются эпистемологические аспекты религиозной веры.

Moser P.K. The Elusive God: Reorienting Religious Epistemology. Cambridge, 2008.

Мозер П.К. Неуловимый Бог: переориентация религиозной эпистемологии.

Автор начинает свое исследование не с положений о критериях очевидности существования Бога, а с утверждения, что в любое время следует ожидать вторжения в наши жизни таких событий, которые убедили бы нас, что Бог существует. Результатом такого изыскания стало переосмысление эпистемологической картины возможности познания Бога.

Inman A.E. Evidence and Transcendence: Religious Epistemology and the God-World Relationship. Paris, 2008.

Инман Э.Э. Очевидность и трансцендентность: религиозная эпистемология и отношения Бога и мира.

Автор рассматривает проблемы современного богословия. Работа освещает центральные теологические проблемы: понимание Бога, требование очевидности, рациональность христианской веры, отношения между философией и богословием. В ней представлен обзор нескольких главных современных религиозных эпистемологий (аналитическая философия религии, американский неопрагматизм и континентальное богословие) и сформулирована собственная позиция, в которой автор стремится соединить луч-

шие стороны каждого подхода. Христианская апологетика, как показывается автор, стоит перед двумя главными вызовами: с одной стороны, это классические представления эпохи Просвещения о том, что предмет веры должен быть очевиден, с другой – аргумент о том, что человеческое знание ограничено конечной реальностью и никакое знание бесконечного невозможно. Современные христианские апологеты понимают свою задачу прежде всего, если не исключительно, в терминах одного из этих вызовов. Автор заключает, что ни одна из анализируемых позиций не является удовлетворительной. Первопричину таких неудач автор видит в неадекватном понимании отношения Бога и конечного мира.

Boghossian P.A. Content and Justification. Philosophical Papers. N.Y., 2008. 376 p.

Богоссиан П. Содержание и обоснование. Философские работы.

Книга профессора философии Нью-Йоркского университета Пола Богоссиана представляет собой сборник его наиболее обсуждаемых из ранее опубликованных статей, а также содержит ряд новых работ по теории ментального содержания и его отношения к феномену априорного знания. Часть первая содержит статьи, представляющие анализ концепции следования правилу применительно к теории ментального содержания, критику элиминативизма и натурализма в эпистемологии, а также распространенного сегодня нормативистского подхода к анализу значения.

Часть вторая посвящена исследованию феномена самопознания и тех способов, посредством которых он может быть совместим с тезисами экстенционалистских эпистемологических теорий. Часть третья представляет исследование классического, но, по словам автора, плохо понятого феномена знания, определяемого в терминах значения концептуальной компетенции. Здесь особое внимание уделено анализу понятия аналитичности и его связи с понятием априорного знания.

Наконец четвертая, заключительная часть содержит статьи по более общим вопросам понятия ментального содержания. Центральное внимание уделяется рассмотрению понятия цвета (цветовых свойств) и его связи с содержанием сознания.

Peacocke Ch. Truly Understood. N.Y., 2008. 360 p.

Пикок К. Понимать по-настоящему.

Первая и вторая части, составляющие новую книгу известного современного специалиста по философии сознания и профессора философии Колумбийского университета Кристофера Пикок посвящены формулировке его оригинальной концепции понимания и ее применения к ряду проблемных случаев для современной философии. Пикок утверждает, что понятия истины и референции играют гораздо большую роль в объяснении феноменов значения и понимания, чем это ранее предполагалось. Его теория понимания основывается на идее о том, что ментальные понятия индивидуализируются основополагающими правилами референции. Автор применяет ее к объяснению ряда проблемных феноменов сознания, в частности, к концепции полисубъективности опыта, концепции сознательных состояний, ментального действия, а также способности делать предмет своего сознания само содержание нашего сознания и сознаний других людей.

Свой подход Пикок резко противопоставляет теории значения как концептуальной роли, а также прагматистским и некоторым иным интерпретациям этого понятия.

Fodor J.A. LOT 2. Language of Thought Revisited. N.Y., 2008. 240 p.
Фодор Дж. Язык мысли.

Книга одного из наиболее известных и влиятельных современных специалистов в философии сознания Джерри Фодора представляет целый ряд новых аргументов в развитие ставшей уже классической гипотезы о существовании языка мысли. Основные тезисы этой гипотезы сводятся к утверждению о том, что наш мыслительный процесс может быть представлен как реализуемая мозгом символическая система. Данная установка становится весомым аргументом в поддержку восходящего к работам А.Тюринга подхода к анализу когнитивных процессов не как ассоциативных, а как вычислительных. Именно такая установка, по мнению автора, с неизбежностью требует допущения существования языка мысли.

Новую версию старой гипотезы Фодор представляет более полным и обстоятельным обоснованием роли композиционности в репрезентационной теории сознания (относящейся к содержанию состояний сознания), атомистического подхода к индивидуации ментальных понятий, а также расширенной критикой прагматизма как источника множества ошибок в современной

философии сознания. Свои идеи Фодор формулирует в свойственной ему провокационной манере, что заставляет читателя если не согласиться с ними, то, по крайней мере, подвергнуть их самому серьезному анализу.

Martin C. (ed.). The Philosophy of Deception. N.Y., 2009. 292 p.
Философия обмана. Под ред. К.Мартина.

Данная книга является сборником статей, посвященных философскому анализу феномена обмана и самообмана. Авторы сборника исследуют проблемы, связанные с природой и определением обмана, вопрос о том, подлежит ли обман моральному осуждению, рассматривают доводы «за» и «против» возможности самообмана, а также анализируют концепцию лжи И.Канта. Проведенные исследования обнаруживают тесную связь между «обманом другого» и «самообманом», которая ранее недостаточно четко осознавалась философами. Среди авторов сборника такие известные философы как Р.Соломон, Г.Франкфурт и др.

Wedgwood R. The Nature of Normativity. Oxford, 2009. 320 p.
Уэджвуд Р. Природа нормативности.

Нормативное мышление, т. е. мышление, осуществляющееся согласно определенной норме долженствования, всегда сталкивалось с трудностью определения объективности критериев должного. В своей книге профессор Мертон-Колледжа Оксфордского университета Ральф Уэджвуд предлагает теорию нормативности, отвечающую на вопрос о том, как возможен реализм относительно нормативных истин и фактов. Принадлежность последних к объективной реальности Уэджвуд объясняет посредством обращения к интенциональным состояниям сознания. По его мнению, такие состояния, как верования, желания и т. п. невозможно объяснить без установления тех или иных нормативных фактов. Исходя из этого утверждения, автор в трех частях книги анализирует три основные проблемные области теории нормативности: (1) значение утверждений о том, что является должным, (2) природа фактов, описываемых в этих утверждениях, (3) способы обоснования наших верований о том, что является должным.

Mendola J. Anti-Externalism. N.Y., 2008. 368 p.
Мендола Дж. Антиэкстернализм.

Книга профессора философии Университета Небраски в Линкольне Джозефа Мендолы посвящена обоснованию интернализма в философии сознания посредством критики экстерналистской концепции. Если интернализм в современной философии сознания в общем виде представлен как тезис о том, что все условия, конституирующие мысли и ощущения человека, являются для него внутренними, т. е. доступными его сознанию, то экстернализм это отрицает. Данная книга состоит из трех частей. В первой автор исследует известные аргументы в поддержку экстернализма, восходящие к работам С.Крипке, Х.Патнэма и Т.Берджа, предлагая интерналистские альтернативы, объясняющие указанные данными философами проблемные ситуации. Вторая часть посвящена анализу идей, лежащих в основании экстерналистской установки и связанных с каузальным анализом перцептивного содержания (Дрекке, Фодора, Милликана и Папино). В противовес данным концепциям автор предлагает собственный интерналистский и одновременно физикалистский подход к описанию чувственного содержания, опирающийся на понятие интенциональных *квалиа*. В третьей части книги предпринято критическое рассмотрение теоретических оснований экстернализма, связанных с интерпретацией языка и представленных в работах Брэндома, Дэвидсона и Винтгенштейна.

Soames S. Philosophical Essays: The Philosophical Significance of Language. Vol. I–II. Princeton, 2009.

Соумс С. *Философские очерки: философская значимость языка.*

Два тома, вышедших под одним общим названием, состоят из тридцати одной статьи, которые принадлежат одному из ведущих современных специалистов в области философии языка, профессору Школы философии Университета Южной Калифорнии Скотту Соумсу. Скотт Соумс известен как один из философов, существенно развивших так называемую *новую теорию референции*, разработанную в начале 1970-х С.Крипке, К.Доннеланом и Х.Патнэмом. Его наиболее известная книга – «За пределами жесткости: неоконченная программа “Именования и необходимости”».

В статьях первого тома данного сборника, который называется “Естественный язык: что он значит, и как мы его используем”, исследован вопрос о природе лингвистического значения, свя-

зи значения предложения с его употреблением, пределах наших ожиданий от эмпирических теорий, объясняющих значение обычного языка. Статьи второго тома посвящены вопросам значимости лингвистического анализа для решения целого ряда более широких философских проблем. В частности, анализируются отношения между языком и мышлением, природы объектов наших пропозициональных установок, различия между метафизической и эпистемологической возможностями, феномен необходимых апостериорных и случайных априорных истин.

Sainsbury R.M. Fiction and Fictionalism. Routledge. N.Y., 2009. 264 p.
Сэйнсбери Р.М. Вымысел и фикционализм.

Книга известного американского философа языка Марка Сэйнсбери, профессора философии Техасского университета в Остине, посвящена анализу природы вымысла и онтологического статуса вымышленных объектов. В книге рассмотрены типы реализма относительно вымышленных объектов (рассмотрение таких объектов как реальных, но не существующих, или как реальных, но фактически не наличествующих, или как реальных, но не конкретных), проанализированы отношения между вымышленными персонажами и «недействительными мирами», причем вымысел концептуализируется как разновидность абстрактных артефактов и др. Автор обстоятельно анализирует концепции таких философов, как А.Мейнонг, Д.Льюис и Б.Ван Фраасен, внесших существенный вклад в разработку этой темы, а также дает целый ряд отсылок на работы других современных авторов, исследующих тему вымышленных объектов.

Gaskin R. The Unity of Proposition. Oxford, 2008. 480 p.
Гаскин Р. Единство пропозиции.

Книга профессора философии Ливерпульского университета Ричарда Гаскина посвящена одной из основополагающих тем современной философии языка: вопросу о единстве пропозиций (мысли или суждений). Исследуя этот вопрос, Гаскин анализирует подходы, предложенные Г.Фреге и Б.Расселом, однако удовлетворительный ответ он находит не у основателей аналитической философии языка, а в обращении к так называемому регрессу Брэдли (аргумент о том, что единство суждения <Pа> не может конституироваться суммой частей, представленными субъектом а и пре-

дикатом Р. По мнению Гаскина, именно пропозициям свойственна регрессивно бесконечная структура и именно она обуславливает их единство. Специфической особенностью сформулированной концепции становится не только то, что регресс Брэдли, вопреки, казалось бы, устоявшейся традиции, рассматривается Гаскиным как нечто позитивное, но и то, что автор, обосновывая свою концепцию, исходит из предположения, что природа реальности конституируется множеством истинных и ложных пропозиций.

Cappelen H., Lepore E. Language Turned on Itself The Semantics and Pragmatics of Metalinguistic Discourse. Oxford, 2009. 184 p.

Канпелен Х., Ленор Э. Язык, обращенный на самого себя. Семантика и прагматика металингвистического дискурса.

В данной книге специалисты в области лингвистики и философии языка Херман Кэппелен (Университет Осло) и Эрнест Лепор (Университет Ратгерс) исследуют метаязык как феномен лингвистического анализа и связываемый с ним технический аппарат, при помощи которого мы можем в языке говорить о языке. Основным же предметом их исследования является цитирование. По мнению авторов, цитирование проявляет ряд важных теоретических аспектов языка и является непростым для анализа феноменом, открывающим новые неисследованные сферы в области философии языка. Первая часть книги посвящена перечислению и анализу различных аспектов металингвистической практики. Вторая часть представляет собой критику авторами современных металингвистических теорий, формулировку новой оригинальной концепции цитирования и рассмотрению целого ряда философских проблем, порождаемых сформулированным авторами подходом. В целом же данное издание интересно еще и тем, что детально знакомит читателя с содержанием текущих дебатов в металингвистике.

Brandom R.B. Between Saying and Doing. Towards an Analytic Pragmatism. Oxford, 2008. 288 p.

Брэндом Р. Между высказыванием и действием. На пути к аналитическому прагматизму.

Новая книга одного из наиболее часто обсуждаемых в Европе американских философов, профессора Питтсбургского университета Роберта Брэндона состоит из шести лекций, главная цель которых заключается в соединении или даже примирении праг-

матизма (как в его американской версии, так и в той, что восходит к работам позднего Витгенштейна) и современной аналитической философии.

Исследуя связи между значением языковых выражений и их использованием, автор пытается показать, что высказывания непосредственно связаны с действиями и наоборот. В рамках такой семантико-прагматической дихотомии автор анализирует функции логических, индексикальных, модальных, нормативных и интенциональных выражений.

В рамках проводимого анализа Брэндом вырабатывает новый взгляд на такие классические исследовательские философские программы как натурализм, эмпиризм и функционализм, а также формулирует ряд полемических утверждений относительно природы логики и интенциональных отношений, существующих между субъектами и объектами.

Kukla R., Lance M. 'Yo!' and 'Lo!': The Pragmatic Topography of the Space of Reasons. Cambridge, 2009.

Какла Р., Лэнс М. "Эй!" и "вот!": прагматическая топография пространства оснований.

Книга профессоров философии Ребекки Каклы (Университет Южной Флориды) и Марка Лэнса (Джорджтаунский университет) посвящена критике двух утверждений, центральных для современной философии языка, лежавших в основе так называемого лингвистического поворота в философии. Конкретно речь идет о тезисе, что именно семантический анализ языка является основным инструментом исследования широкого спектра философских проблем, и о тезисе, согласно которому философский интерес представляют исключительно декларативные (повествовательные) языковые утверждения.

В качестве альтернативы авторы предлагают взгляд на философские проблемы не с позиций семантики, а с позиций прагматики. В результате они формулируют оригинальную типологию прагматических категорий речи, в рамках которой декларативные утверждения больше не имеют приоритета над другими типами высказываний. Авторы книги показывают, что с точки зрения лингвистической прагматики недеklarативные речевые акты, такие как «эй!» и «вот!», оказываются столь же фундаментальными для понимания природы языка (его осмысленности и структурированности), как и декларативные утверждения.

В своем исследовании авторы обращаются не только к работам англо-американских философов (У.Селларсу, Р.Брэндому, Дж.Макдауэлу), но и к работам европейских континентальных мыслителей (М.Хайдеггер, Л.Альтюссер и др.).

Recanati, F. Truth-Conditional Pragmatics. Oxford, 2010.

Реканати Ф. Прагматика условий истинности.

Новая книга французского философа Франсуа Реканати, научного сотрудника Института Жана Нико (Национальный центр научных исследований) в Париже, посвящена исследованию проводимого в современной философии языка противопоставления семантики и прагматики. Автор критикует данное различие и приводит аргументы в поддержку тезиса о том, что конституирование семантического содержания языковых выражений невозможно без участия интенций говорящего. Такую зависимость семантических фактов от прагматических Реканати называет «прагматической модуляцией». Соответственно, анализ семантического содержания выражения оказывается зависимым также и от анализа контекста его употребления.

Центральный тезис исследования заключается в утверждении, что даже истинностные условия предложения, считавшиеся объектом исключительно семантического исследования, не могут рассматриваться без учета прагматики. Данный тезис Реканати отстаивает путем опровержения контр-аргументов (в частности, сформулированных в работах Г.Каппелена и Э.Лепора), а также проводя целый ряд случаев языковой практики, иллюстрирующих невозможность полного отделения содержания произнесения от намерений говорящего.

Azzouni, J. Talking About Nothing. Oxford, 2010.

Аззуни Дж. Разговор ни о чем.

Книга профессора Университета им. Тафтса (США) Джоди Аззуни посвящена ставшей в последние годы вновь популярной тематике природы фиктивных сущностей и проблемам референции единичных терминов, призванных обозначать данные сущности. Среди спектра вопросов, возникающих в рамках исследований подобного рода, такие как: онтологический статус вымышленных или абстрактных объектов, семантическая интерпретация предложений об этих объектах, способы указания на эти объекты. В случае придания вымышленным и абстрактным объектам онто-

логического статуса последние два вопроса решаются автоматически так же, как и для всех остальных объектов. Однако если мы, исходя из философских соображений, отказываемся принимать подобный универсум абстрактных сущностей, то перед нами встает вопрос: что делает такие предложения, как «Шерлок Холмс живет на Бейкер-стрит» истинными и, соответственно, какова референция единичного термина «Шерлок Холмс».

На эти и другие вопросы автор пытается ответить в своей книге с позиции, которую он называет обыденной установкой. Речь идет об отказе допускать абстрактный универсум сущностей и о демонстрации того, что наш обыденный способ обсуждения абстрактных объектов способен избежать проблем семантического характера.

Jeshion R. (ed.). New Essays on Singular Thought. Oxford, 2010.
Новые очерки по сингулярной мысли. Под ред. Р.Джешиона.

Сборник статей ведущих современных философов по проблемам мыслей и суждений об индивидуальных объектах и вопросам, связанным с соотношением проблематики философии сознания и философии языка. Среди авторов такие известные исследователи, как К.Бах и Н.Сэлмон, Р.М.Сэйнсберри и Франсуа Реканати, М.Гарсия-Карпинтеро и Дж.Кэмпбелл.

В представленных работах исследуется три основных проблемных поля. Первым из них является проблема отношения между сингулярной мыслью и восприятием: каким образом восприятие обуславливает наши мысли об объектах и *de re* установки сознания? Оправданно ли говорить о данных наших чувств как посреднике между сингулярной мыслью и реальностью?

Ко второму проблемному разделу относятся вопросы семантического характера: каково отношение между сингулярной мыслью и семантикой индексных выражений, имен собственных, местоимений и т. д.? Каково семантическое содержание этих терминов и какие ответы дают новейшие результаты логико-семантических исследований для решения классических головоломок и парадоксов семантики?

Третье проблемное поле представляет анализ эпистемических условий, требуемых для обладания субъектом сингулярной мыслью: необходимо ли для обладания сингулярной мыслью знать объект по знакомству (как говорил Б.Рассел)? Можно ли перево-

дить дескриптивные мысли *de dicto* в сингулярные, и в какой степени сознание зависит от языка в процессе придания структуры сингулярной мысли?

Patterson, D. (ed.). New Essays on Tarski and Philosophy. Oxford, 2008.

Новые очерки о Тарском и философии. Под ред. Д.Паттерсона.

Эта книга – сборник статей, посвященных исследованию наследия польского логика, философа и математика А.Тарского. Международный коллектив авторов, среди которых такие современные философы, как Ян Воленский, Джоди Аззуни, Питер Саймонс и др., концентрируется на рассмотрении четырех базовых проблем, связанных с понятием логического следования: (1) экспликация истины как центрального понятия, в терминах которого объясняется логическое следование, (2) природа объектов, связываемых отношением логического следования, (3) содержание процесса логического следования и природа сохранения истинностного значения и, наконец, (4) связь понятия истины и обоснованного вывода с понятием значения. Данные темы рассматриваются со ссылкой на важные составляющие исторического контекста, в котором работал Тарский, а также ключевых этапов в его философском развитии. Подборка материалов призвана способствовать более глубокому пониманию идей великого польского мыслителя.

García-Carpintero M., Kölbel M. (eds.) Relative Truth. Oxford, 2008.
Относительная истина. Под ред. М.Гарсиа-Карпинтеро и М.Кёльбела.

Данный сборник статей отражает основные направления в современных дискуссиях в области философской семантики в отношении факторов, влияющих на истинностное значение высказываний (utterances), высказываний (propositions) и предложений (sentences). До недавнего времени к данным факторам принято было относить значение произносимого предложения, контекст произнесения и природу той реальности, о которой идет речь. Однако в последние годы все чаще стали обсуждаться случаи, требующие учета и других факторов. К таким случаям относятся ценностные высказывания, высказывания, в которых приписывается знание или утверждается вероятность или эпистемическая возможность чего-либо. Наконец, случаи высказываний о случайных будущих событиях.

Авторы сборника приводят доводы о том, что в подобных случаях перечисленных стандартных факторов истинности не достаточно, и исследуют вопрос о том, какими могут быть дополнительные факторы, определяющие истинные значения высказываний.

Barth Ch. Objectivity and the Language-Dependence of Thought. A Transcendental Defence of Universal Lingualism. Routledge, 2010.

Барт К. Объективность и зависимость мысли от языка. Трансцендентальная защита универсального лингвализма.

Книга Кристиана Барта, научного сотрудника Университета им. Гумбольдтов в Берлине, посвящена, казалось бы, избитой и уже давно ставшей непопулярной теме о зависимости мысли от языка. Присущий современной философии сознания «когнитивный поворот» сделал распространенными иные подходы к объяснению мыслительной деятельности человека, основанные на данных экспериментальной психологии и других эмпирических дисциплин. Однако автор приводит целый ряд философских аргументов против сторонников мейнстрима, существенным образом опираясь на аргументы, сформулированные такими известными философами, как П.Стросон, Д.Дэвидсон и Р.Брэндом. Свою концепцию Барт называет «универсальным концептуальным лингвализмом». Отдельной особенностью издания является то, что автор подробно исследует ряд текущих аргументов и контраргументов вокруг позиции Брэндома, современного американского философа, популярного в мире, но все еще плохо известного в России.

Livingston P.M. Philosophy and the Vision of Language. Routledge, 2010.
Ливингстон П. Философия и видение языка.

В книге доцента философского факультета Университета Вилланова (США) Пола Ливингстона аналитическая философская традиция с ее ориентацией на языковой анализ представлена в исторической перспективе. Исследуются мотивы, которыми руководствовались, и результаты, которые получили ведущие представители аналитической философии от Г.Фреге до Р.Брэндома. Их концепции рассматриваются автором в параллели с другими развивавшимися в XX в. философскими традициями: феноменологией, критической теорией, деконструкцией. Особенное внимание уделяется тем следствиям в социальной и политической жизни современности, к которым привело более чем вековое внимание

к языку. Автору удается установить новые связи между аналитической философией и социально-политической мыслью. Несмотря на широту диапазона анализируемых проблем, данная книга написана простым языком, понятному даже неспециалисту, и поэтому служит весьма значимым вкладом в историю философских идей прошедшего столетия.

Beebe H., Sabbarton-Leary N. The Semantics and Metaphysics of Natural Kinds. Routledge, 2010.

Биби Х., Саббартон-Лири Н. Семантика и метафизика естественных видов.

Сборник статей коллектива авторов, подготовленный профессором Бирмингемского университета (Великобритания) Хелен Биби и докторантом Найджелом Саббартоном-Лири, посвящен обзор центральных проблем, связанных с метафизикой естественных наук и философией языка. Главным понятием, исследуемым авторами сборника, является понятие необходимого апостериори, введенное С.Крипке. Является ли допустимой метафизика естественных видов в свете современной философской критики понятия необходимого апостериори? Как соотносится данная метафизика с семантикой Крипке? Выводим ли эссенциализм из концепции жестких десигнаторов? Эти и многие другие темы обсуждаются в данном сборнике, ознакомление с которым будет интересно всем специалистам, работающим в соответствующей области философии языка, а также тем, кто интересуется более широкими следствиями семантики Крипке.

Abbott, B. Reference. Oxford, 2010.

Эббот Б. Референция.

Монография Барбары Эббот, заслуженного профессора лингвистики и философии Мичиганского государственного университета (США), посвящена центральной теме всей философии языка, а именно понятию референции. При этом историко-концептуальный анализ данного понятия автор предлагает в языке, более привычном для лингвистов, с особым акцентом на композициональной семантике обыденного языка, построении «синтаксических деревьев» и использовании формального инструментария генеративной грамматики.

Автор исследует классические философские проблемы, связанные с философией языка: соотношение двухчастных и трехчастных семантических схем, семантическое содержание имен собственных и возможность прямой референции, индексные выражения и др.

Безусловно, является значимым философским событием выход в свет новой книги.

Kripke S.A. Philosophical Troubles. Collected Papers. Vol. 1. Oxford Univ. Press, 2011.

Крипке С. Философские проблемы. Сборник статей. Т. 1.

Эта первая новая книга знаменитого американского философа за последние 20 лет. Книга представляет собой сборник статей, в который включены как старые и хорошо известные работы Крипке («Референция говорящего и семантическая референция», «Загадка о веровании»), так и прежде неопубликованные. К последним относятся «Два парадокса о знании», «Пустые имена и вымышленные сущности», «С точки зрения первого лица», «Загадка о времени и мысли». В книге обсуждаются вопросы эпистемологии, лингвистики, философии языка, истории аналитической философии, теории истины, метафизики.

Stanley J. Know how. Oxford Univ. Press, 2011.

Стэнли Дж. Знание-как.

Это третья книга известного философа и профессора Ратгерского Университета Джейсона Стенли. Стенли опубликовал ранее в соавторстве с Т.Вильямсоном статью, в которой подвергается критике сформулированное Г.Райлом различие между «знанием-что» и «знанием-как». В данной книге основные идеи той статьи излагаются в развернутом и уточненном виде, а также предлагаются ответы на многочисленные критические аргументы. Согласно позиции Стенли, которую можно назвать интеллектуалистской, *знание-как* может быть сведено к *знанию-что*, а именно, оно представляет собой знание некоторых истин (что данное действие можно сделать этим способом). Стенли опирается на достаточно стандартный для лингвистов анализ предложений «знать, где он», «знать, почему он не пришел», согласно которому подчиненное предложение является вопросом с соответствующим вопросительным словом («Где он?», «Почему он не пришел?»). Тогда

соответствующее знание является знанием пропозиции (предложения), отвечающей на этот вопрос. Таким образом, *знание-как* – это знание пропозиции, отвечающей на вопрос «Как...?». Стенли не исследует природу когнитивных состояний, отвечающих за действие, оставляя этот вопрос психологии и нейрофизиологии. Аргументы Стенли, так же как и аргументы Г.Райла, основываются на семантическом анализе предложений обыденного языка.

В последние годы проблема *знания-как* находится в центре внимания аналитической философии. В качестве примера приведем еще одну книгу на эту тему, изданную в начале 2012 года –

Eds.: Bengson J., Moffett M.A. Knowing How. Essays on Knowledge, Mind, and Action. Oxford Univ. Press, 2012.

Познавая-как. Опыты о знании, сознании и действии. Под ред. Дж.Бенгсона и М.А.Моффет.

Это сборник статей, специально написанных для данного издания лингвистами и философами. Здесь также несколько статей посвящены анализу идей Г.Райла, синтаксису и семантике предложений со структурой «знать-как». В книге также представлены другие междисциплинарные исследования, основанные на эмпирических психологических исследованиях по проблемам неявного знания, отношения теории к практике и т. п.

Хотелось бы особо отметить выход книги.

Kratzer A. Modals and Conditionals. New and Revised Perspectives. Oxford University Press, 2012.

Кратцер А. Модальные глаголы и условные предложения.

Анжелика Кратцер специализируется по формальной семантике, и ее работы хорошо известны, как лингвистам, так и философам, работающим в этом направлении. В книге представлены переработанные версии ее классических статей по данной тематике, таких как «Что “должен” и “может” должно и может означать?», “Условные предложения”».

Eds.: A.Egan, B. Weatherson. Epistemic Modality. Oxford University Press, 2011.

Эпистемическая модальность.

Книга представляет собой сборник новых статей известных лингвистов и философов (среди авторов Д.Чалмерс, Ф.Джексон, К.Бах, Р.Сталнакер и др.), посвященных анализу таких модальных глаголов,

пропозициональных глаголов и других выражений, которые выражают оценку говорящего, его степень уверенности в высказываемой пропозиции. В центре внимания книги вопрос о природе эпистемических возможностей. Несмотря на то, что сборник ориентирован в первую очередь на решение эпистемологических проблем, ряд статей (Р.Сталнакера, К. фон Финтеля, С.Ябло и др.) посвящен именно лингвистическому анализу модальности. В этом смысле сборник может быть полезным для понимания того, каким образом формальный анализ выражений естественного языка может быть применим для решения фундаментальных проблем философии.

Чрезвычайно полезное издание представляет собой *Рутледжский справочник по философии языка* (Eds. G.Russell, D.G.Fara. *Routledge Companion to Philosophy of Language*. Routledge, 2012). Книга представляет собой сборник 70 статей ведущих философов языка и лингвистов по фундаментальным проблемам семантики и прагматики. Среди авторов статей такие известные исследователи, как Дж.Стенли, Дж.Кинг, Б.Эббот, С.Соамс, С.Стич, К.Файн, З.Забо и др.

Сборник состоит из семи секций. В секции «Фундаментальные проблемы» исследуются такие вопросы, как различие между семантикой и прагматикой, интенционалом и экстенционалом, понятия логической формы, пресуппозиций, имплицатур, значения и референции и т. п. Секция «Основания семантики» посвящена вопросам о природе пропозиций, понятий, семантике возможных миров и т. п. В секции «Части речи» рассматриваются имена, глаголы, кванторы и детерминанты, анафорические выражений, наречия, индексные выражения, вопросы и др. В «Методологии» исследуется роль эксперимента в философии языка, соотношение между лингвистикой и философией, значение психологии, математики для философии языка, оценивается интуиция как метод философии.

В разделе «Логика для философов языка» рассматривается природа теоретико-модельной семантики, логические кванторы, временная логика, модальная логика и ее роль для философии языка, двухмерная семантика, грамматика Монтегю. В секции «Философия языка для других разделов философии» рассматривается применение философии языка к другим разделам философии, таким как этика, эпистемология, метафизика, гендерные исследования, философия сознания.

Ludlow P. The Philosophy of Generative Linguistics. Oxford Univ. Press, 2011.

Первая книга по философии генеративной лингвистики без сомнения, будет интересна всем философам языка. Здесь опубликовано интервью с Н.Хомским. В книге рассматривается теория управления и связывания, а также минималистская программа Хомского. Лудлау объясняет мотивацию, которая стоит за этими теориями, и исследует ряд интересных философских проблем и загадок, которые возникают, если мы принимаем данный подход. Автор исследует вопрос о том, какую онтологию и какое отношение между миром и языком предполагает генеративный подход.

Lepore E., Loewer B. Meaning, Mind, and Matter. Philosophical Essays. Oxford Univ. Press, 2011.

Лепор Э., Лоевер Б. Значение, сознание и материя.

Работа посвящена анализу идей Д.Дэвидсона. В частности, авторы рассматривают три его тезиса: утверждения о том, что теория значения для языка идентична теории истины для этого языка; о том, что теория интерпретации может прояснить отношения между языком и мышлением; и о том, что ментальное несводимо к физическому.

Elbourne P. Meaning. A Slim Guide to Semantics. Oxford University Press, 2011.

Элбурн П. Значение. Краткое руководство по семантике.

Книга представляет собой введение в формальную семантику. Автор рассматривает вопросы о том, что такое значение, как мы понимаем предложения, которых никогда не слышали ранее, какую роль играет время и контекст в конституировании значения, влияет ли наш язык на то, каким мы видим мир.

Soames S. Philosophy of Language. Princeton Univ. Press, 2010.

Соумс С. Философия языка.

Автор предлагает свой взгляд на развитие данной области философии в целом: он выделяет его основные достижения, самые острые неразрешенные вопросы и перспективные направления для дальнейшего развития. В книге анализируются основополагающие понятия, такие как понятие пропозиции, истины, референции, значения, утверждения. Часть книги посвящена историко-философскому анализу идей Г.Фреге, Б.Рассела, С.Крикке, Д.Каплана, Р.Монтегю и др.

Немецкоязычная теория познания и социальная эпистемология в первой декаде XXI века¹

В этой главе приводим краткий обзор немецкоязычных книг по теории познания, вышедших из печати в последние десять лет. Несмотря на относительную скудость новой литературы за период 2001–2005 гг., можно констатировать, что, как и прежде, основной интерес исследователей обращен к классическим проблемам и, прежде всего, направлен на реконструкцию условий возможности, источников и границ познания. При этом особое внимание уделяется статусу ложного или ошибочного знания, проблеме (социально и психологически обусловленных) источников человеческих заблуждений и иллюзий, проблемам преодоления теоретико-познавательного скептицизма как применительно к человеческим познавательным способностям, так и по отношению к отдельным естественным и гуманитарным дисциплинам.

Примечательно, что практически всем представленным авторам присущи явный эпистемологический оптимизм и надежда на экспликацию надежных критериев достоверности как теоретического, так и практического знания.

Так, Мартин Карриер, профессор западногерманского университета г. Билефельд, в своей работе «Теории, парадигмы, методы» рассматривает классическую проблему поиска критериев превосходства некоторой научной теории над теориями-конкурентами. В книге реконструированы и критически противо-

¹ Глава написана при поддержке фонда РГНФ, проект № 11-03-00672a

поставлены различные аргументы и позиции в отношении того, какие теории следует признать устаревшими или потерявшими научную значимость.

В книге Германа Ленера «Великое наваждение» рассматриваются парадоксы и иллюзии чувственного восприятия, оптические обманы зрения, проблема адекватности отражения объектов зрительного поля. Эти феномены анализируются автором применительно к проблеме реальности воспринимаемого мира и познающего Я, в том числе и в естественнонаучном, историко-философском и религиозном контекстах.

Проблему источников человеческих заблуждений адекватного познания реальности продолжает книга исследовательницы Андреа Керн «Источники знаний». Автора интересует вопрос о статусе ошибочного знания, о том, может ли последнее все-таки описываться в качестве некоторой полезной информации. По мнению А.Керн, следует отказаться от теоретико-познавательного догматизма, прежде всего от той «догмы», согласно которой «понятие знания означает аналитическое единство элементов, понятия которых более фундаментальны, нежели само понятие знания». Предлагаемый проект альтернативного понятия знания опирается на концепции Аристотеля, И.Канта и Л.Витгенштейна и состоит в систематической разработке представления о «разумной способности» мыслящего субъекта как относительно автономной познавательной инстанции.

В своей работе «Всеобщая теория познания» Альберт Келлер развивает данную дисциплину исходя из «принципа человеческой свободы» и вытекающих из него «перформативных противоречий». Несмотря на то, что книга заявляется как «Введение в теорию познания», она предназначена, скорее, для специалистов в этой области и предполагает знание широкого теоретико-познавательного контекста.

Лутц Вингерт в своей книге «С чувством реалистичности», в свою очередь, обращается к смыслу реальности, или, в более слабой формулировке, к «чувству реалистичности» как особой установкой мышления и действия по отношению к их объектам. В поисках некоторого срединного пути между «Сциллой» абсолютного скепсиса и «Харибдой» совершенной достоверности автор рассматривает идеализм Канта, «натурализм Девию и Рорти», «праг-

матизм Патнэма, Хабермаса и Брэндома», надеясь «преодолеть внутренние напряжения элементарной духовной установки». Обе крайности как раз и не соответствуют, по мнению исследователя, свойственному нам «чувству реалистичности». Именно к нему, а не к чистому интеллектуализму, следует обращаться в поисках «оправдания суждений о мире».

Проблема теоретико-познавательного скепсиса, но на этот раз применительно к социальным наукам, рассматривается и в работе Лудольфа Хербста Бека «Комплексность и хаос». Автор, профессор новейшей истории Берлинского университета им. А. фон Гумбольдта, развивает социально-эпистемологически фундированную концепцию истории, причем в качестве двух определяющих признаков современного общества как системы выделяются состояния хаоса и комплексности. Рассматриваются методологические проблемы исторической науки, где основой метода, по мнению автора, должен стать, с одной стороны, системно-теоретический анализ, а с другой – прагматизм историка. Оба метода рассматриваются как противовес скептическому умонастроению в социальных науках и как средства его преодоления.

Книга под общей редакцией Христофа Хальбига «Что же действительно существует?» посвящена аналогичным дискуссиям о реализме и антиреализме и представляет собой сборник статей, в которых эпистемологи, теоретики науки и специалисты в области философии морали обсуждают возможности поиска новых аргументов в защиту философского реализма. Авторам удается предложить несколько понятий реальности в самых разных философских контекстах.

Работа Герберта Шнедельбаха стоит особняком от проблематики философского реализма. Автор данного «Введения в теорию познания» полагает, что указанная дисциплина является в первую очередь «учением о формах знания». Лишь достижение ясности в этом вопросе позволит, по мысли автора, перейти к решению проблем о границах познания и его значении. Однако при этом понятие и отдельные формы знания (восприятие, воспоминания, опыт, наука) не могут быть прояснены посредством тех или иных дефиниций. Выход из положения автор, в стиле Л.Витгенштейна, видит в экспликации способов употребления понятий соответствующих форм познания, а это требует обращения к «грамматике эпистемо-

логических выражений», причем не чистого описания последней, но прежде всего выявления предпосылок такого рода грамматики. Ниже смотрите более полный список эпистемологически значимых изданий, вышедших в первой половине 2000-х гг.

- Anacker, Michael.* Interpretationale Erkenntnistheorie. Mentis-Verlag, 2005.
Михаэль Анакер. Интерпретационная теория познания. Mentis-Verlag, 2005.
- Barz, Wolfgang.* Problem der Intentionalität. Mentis-Verlag, 2004.
Вольфганг Барц. Проблема интенциональности. Mentis-Verlag, 2004.
- Beck, Ludolf Herbst.* Komplexität und Chaos. Suhrkamp, 2004.
Людольф Бек. Комплексность и хаос. Suhrkamp, 2004.
- Benkewitz, Wolfgang.* Wahrnehmen, Glauben und Gegenstände. Synchron Wissenschaftsverlag, 2005, 370 s.
Вольфганг Бенкевиц. Восприятие, вера и объекты. Synchron Wissenschaftsverlag, 2005, 370 с.
- Carrier, Martin.* Theorien, Paradigmen, Methoden. Fischer (Tb.), Frankfurt, 2005, 256 s.
Мартин Карриер. Теории, парадигмы, методы. Fischer (Tb.), Frankfurt, 2005, 256 с.
- Enskat, Rainer.* Authentisches Wissen. Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
Райнер Энскат. Подлинное знание. Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
- Halbig, Christoph.* Was ist wirklich? Ontos, 2004.
Христоф Хальбиг. Что же действительно существует? Ontos, 2004.
- Hoeres, Walter.* Der Weg der Anschauung. Die Graue Edition, 2004.
Вальтер Херес. Пути наглядного восприятия. Die Graue Edition, 2004.
- Keller, Albert.* Allgemeine Erkenntnistheorie. Kohlhammer, 2005, 210 s.
Альберт Келлер. Общая теория познания. Kohlhammer, 2005, 210 с.
- Kern, Andrea.* Quellen des Wissens. Suhrkamp, 2006, 400 s.
Андреа Керн. Источники знания. Suhrkamp, 2006, 400 с.
- Lehner, Hermann R.* Das große Blendwerk. Omega-Verlag, Aachen, 2005, 212 s.
Герман Ленер. Великое наваждение. Omega-Verlag, Aachen, 2005, 212 с.
- König, Josef.* Probleme der Erkenntnistheorie. BoD GmbH, Norderstedt, 2004.
Йозеф Кениг. Проблемы теории познания. BoD GmbH, Norderstedt, 2004.
- Dieter Kuhn.* Metaphysik und Geschichte. Gruyter, 2005, 186 s.
Дитер Кун. Метафизика и история. Gruyter, 2005, 186 с.
- Lotter, Dorothea.* Logik und Vernunft. Alber, 2004.
Доротея Лоттер. Логика и разум. Alber, 2004.
- Orth, Wolfgang.* Von der Erkenntnistheorie zur Kulturphilosophie. Königshausen & Neumann, 2004.

Вольфганг Орт. От теории познания к философии культуры. Konigshausen & Neumann, 2004.

Russ, Hans. Wissenschaftstheorie, Erkenntnistheorie und die Suche nach Wahrheit. Kohlhammer, 2004. ISBN: 3170181904

Ханс Русс. Теория науки, теория познания и поиск истины. Kohlhammer, 2004.

Schnadelbach, Herbert. Erkenntnistheorie zur Einfuhrung. Junius Verlag, 2004.

Герберт Шнедельбах. Введение в теорию познания. Junius Verlag, 2004.

Schnase, Alfons. Evolutionare Erkenntnistheorie und biologische Kulturtheorie. Konigshausen & Neumann, 2005.

Альфонс Шназе. Эволюционная теория познания и биологическая теория культуры. Konigshausen & Neumann, 2005.

Seeberg, Ulrich. Ursprung, Umfang und Grenzen der Erkenntnis. Sondereinband – Philo Verlagsgesellschaft, 2005.

Ульрих Зееберг. Происхождение, объем и границы познания. Philo Verlagsgesellschaft, 2005.

Wingert, Lutz. Mit realistischem Sinn. Suhrkamp, 2005. 350 s.

Лутц Вингерт. С реалистическим чувством. 2005. 350 с.

* * *

Публикации второй половины 2000-х гг. дают основание говорить о некоторых выраженных тенденциях.

Во-первых, большую часть эпистемологической литературы составляют работы, посвященные не столько общим теоретико-познавательным исследованиям, сколько собственно философии науки или науковедению. Да и сами научные издательства, представляя новые книги, пытаются подвести эпистемологию и теорию науки (Wissenschaftstheorie) под разные рубрики. Во-вторых, как видно из приведенного списка, большинство новых книг посвящены философии естественных наук, прежде всего физики и биологии, или представляют собой разного рода введения в теорию науки.

В рамках же собственно эпистемологических дискуссий, в-третьих, обращает на себя внимание усиливающийся интерес к радикально-конструктивистской парадигме и практически полное отсутствие книг, написанных в рамках более «традиционного» репрезентативистского подхода.

Martin Asiain. Sinn als Ausdruck des Lebendigen. Koenigshausen & Neumann, 2006. 379 s.

Мартин Азиайн. Смысл как выражение живого.

Мартин Азиайн – профессор философского семинара в Боннском университете, является специалистом в области антропологии и феноменологии. Данные исследования посвящены проблеме «конкретной субъективности» в «ситуативном контексте» – так, как она разрабатывалась в трудах Р.Хенигсвальда, М.Мерло-Понти и Х.Плеснера. Основное внимание уделяется теоретико-познавательным следствиям тезиса, согласно которому человек обладает телесно-конкретной природой и является живым организмом. Обсуждается понятие такого «универсального опыта», который разлагался бы на познавательные, коммуникативные и оценочные процессы, но не превращал бы человека ни в «создателя концепций», ни в «чистый» субъект восприятия. Этот опыт интерпретируется как подлинная сфера укоренения человека в мире.

Manuela Lenzen. In den Schuhen des anderen. Simulation und Theorie in der Alltagspsychologie. Mentis-Verlag, 2006. 212 s.

Мануэла Ленцен. В чужой шкуре. Симуляция и теория в психологии повседневности.

Несмотря на бытующую уверенность в том, что люди легко понимают друг друга в повседневной жизни, по мнению М.Ленцен, еще не достигнуто полной ясности в вопросе о структуре такого понимания. В этом ключе автор, профессор университета г. Билефельда, обсуждает два традиционных ответа, один из которых требует интерпретировать действия других людей по аналогии с процессами в окружающей природе и с осмыслением законов. Другой же указывает на понимание особого рода: самопонимание как основание для понимания других. Ориентируясь на новые эмпирические данные из приматологии и психологии развития, М.Ленцен требует отказа от подобной неплодотворной, с ее точки зрения, контрверзы. Новый подход формулирует так называемая теория симуляции, утверждающая, что понимание средствами симуляции и понимание средствами выстраивания теории являются вовсе не альтернативами, а крайними позициями континуума.

Michael H. G. Hoffmann. Erkenntnisentwicklung. Ein semiotisch-pragmatischer Ansatz. Klostermann, 2006. 269 s.
Михаэль Хоффманн. Развитие познания. Семиотическо-прагматический подход.

В своей книге М.Хоффманн ищет выход из ситуации, вызванной «принципиальной» ограниченностью систем знания, и обнаруживает его на путях генетического подхода к знанию и познанию. Генетический подход, в его понимании, подразумевает систематическую экспликацию предпосылок развития знания. Однако развитие как наук, так и индивидуального обучения сталкивается с главной проблемой – невозможностью распознать зачатки нового знания в старом, т. к. познавательные средства для «адекватной» экспликации нового уже заранее должны находиться в распоряжении исследователя, а ведь они еще только формируются. В качестве исходного пункта автор выбирает теорию науки Ч.Пирса и его – ориентированную на понятие деятельности – философию математики, задействующую понятие диаграмматического рассуждения.

Peter Weingart. Die Stunde der Wahrheit? Zum Verhältnis der Wissenschaft zu Politik, Wirtschaft und Medien in der Wissensgesellschaft. Velbrueck, 2006. 397 s.

Петер Вайнгарт. Момент истины? Об отношении науки к политике, экономике и масс-медиа в обществе знания.

Основное внимание П.Вайнгарта, специалиста в области социологии знания, обращено к проблеме размывания границ науки и общества, примерами чего служат, по мнению автора, «одиозные» междисциплинарные подходы. В «интердисциплинаризме» автор усматривает «научно-политический популизм», в то время как «общество знания» нуждается в механизмах фильтрации надежного и приемлемого знания. Поэтому институционально выделившаяся наука, как и прежде, должна сохранить свою «функциональную монополию». Впрочем, наряду с вышеозначенной, не меньшую опасность для «общества знания» представляют коммерциализация и приватизация знания, воплощением которых становится «промышленное» исследование, а также – «частнорыночная» наука.

Michael Hagner, Manfred Laubichler. Der Hochsitz des Wissens. Das Allgemeine als wissenschaftlicher Wert. Diaphanes, 2006. 304 s.

Михаил Хагнер, Манфред Лаубихер. Знание на престоле. О научной значимости Всеобщего.

В книге рассматривается понятие всеобщего в его противоположности к понятиям особенного, отдельного и частного. При этом всеобщее понимается в качестве некоего горизонта – когнитивной предпосылки для процесса познания, но одновременно привносит с собой некоторый “эпистемологический риск”. Авторы пытаются вернуть этому понятию утраченную роль центральной и системообразующей категории в эпистемологии, которая была присуща последней в XIX в. Однако эту ее роль следует, по мысли авторов, переосмыслить с точки зрения ее практической необходимости, причем эта практичность усматривается в ее функции порождать, структурировать, изменять и делать доступным всякое наличное знание. Всеобщее анализируется интердисциплинарно: в его применении к биологии, медицине, теоретической физике, истории культуры и искусства, а также философии.

Tatjana Schoenwaelder-Kuntze, Katrin Wille, Thomas Hoelscher. George Spencer Brown. Eine Einfuehrung in die “Laws of Form”. VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006. 281 s.

Татьяна Шеньельдер-Кунтце, Катрин Вилле, Томас Хельшер. Георг Спенсер Браун. Введение в “Законы формы”.

Вышедшая в 1950-х гг. книга Спенсера Брауна «Законы формы» со временем превратилась в своего рода «библию», некое аксиоматическое основание течения, позднее получившего название «радикального конструктивизма». Многие его знаменитые представители, такие как Х.фон Ферстер, Э.фон Глазерсфельд, У.Матурана, Ф.Варела, Н.Луман, П.Вацлавик, Г.Бэйтсон, в своих трудах использовали «Законы формы» в качестве фундамента, на котором они выстраивали свои концепции в рамках самых разных дисциплин – от философии, социологии, психологии до психиатрии, биологии и нейрофизиологии. Однако, ввиду сложности созданного Брауном логико-математического исчисления, само это основание оставалось «слепым пятном» для большинства теоретиков. Представляемое «Введение в “Законы формы”», где доступно, но без выраженной симплификации излагаются основные аксиомы и теоремы данного исчисления, стало долгожданным событием и позволило ликвидировать возникший пробел.

Bruno Heller. Wie entsteht Wissen? Eine Reise durch die Wissenschaftstheorie. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. 256 s.
Бруно Хеллер. Как возникает знание? Путешествие по теории знания.

Б.Хеллер, получивший известность после выхода своей книги «Счастье. Философский поход», в своей новой книге обращается к проблеме науки. Его интересуют не просто научный прогресс и научные достижения, а реальные возможности их практического применения во благо людей. Внимание автора обращено к внутренней динамике, закономерностям и принципиальным способам постановок научных проблем, которые, по его мнению, должным образом пока еще не были исследованы.

Horst Siebert. Die Wirklichkeit als Konstruktion Einfuehrung in konstruktivistisches Denken. Vas-Verlag fuer Akademische Schriften, 2005. 95 s.

Хорст Зиберт. Действительность как конструкция. Введение в конструктивистское мышление

Stefan Bauberger. Was ist die Welt? Zur philosophischen Interpretation der Physik. Kohlhammer. Erscheinungsdatum: Mai 2005. 256 s.

Штефан Баубергер. Что есть мир? К философской интерпретации физики.

В книге Ш.Бауберга анализируются естественные науки и в первую очередь результаты исследований в области современной физики, которая, по мнению автора, открывает доступ к классическим философским проблемам и ставит под вопрос многие очевидности повседневности. Автор анализирует физику элементарных частиц, теорию относительности и сопоставляет научные данные с интуитивными представлениями о пространстве и времени. В разделе, посвященном термодинамике, проблематизируется понятие законов природы, а в разделе о квантовой теории под вопрос ставится понятие объективной реальности. Завершается исследование рассмотрением современной космологии, подводящей, по мысли автора, к переосмыслению понятия “Творения”, и разбором теории хаоса с ее импликациями применительно к пониманию жизни и ее уникальности во Вселенной.

Смотрите также другие значимые издания, посвященные вышеозначенным проблемам.

Horst Friedrich. *Traumer und Traumwelten. Wahrheit und Luege im Erkenntnisprozess unserer Zeit.* Mediengruppe Koenig, 2006. 232 s.

Хорст Фридрих.

Сновидения и его миры. Истина и ложь в процессе познания нашего времени.

Frank-Peter Hansen. *Vom wissenschaftlichen Erkennen Aristoteles – Hegel – N.Hartmann.* Koenigshausen & Neumann, 2005. 144 s.

Франк-Петер Хансен. О научном познании у Аристотеля, Гегеля и Н.Гартмана.

Isabella Breier. *Dimensionen menschlicher Sinnstiftung in der Praxis. Zwischen Erkenntnis und Kulturtheorie: Zur Poiesis, Ethik und Asthetik in Cassirers Philosophie der... und Wittgensteins Sprachspielbetrachtungen.* LIT, 2006. 616 s.

Изабелла Брайер. Измерения формирования человеческих чувств в практике. Между теорией познания и теорией культуры: к поэзии, этике и эстетике в философии символических форм Кассирера и концепцией языковых игр у Витгенштейна.

Karlheinz Peiffer. *Die Prinzipien des Seins in der Erkenntnistheorie.* Academia Richarz, 2005. 280 s.

Карл-Хайнц Пайффер. Принципы бытия в теории познания

Ulrike Voltmer. *Semiose des Musikalischen. Zur Rekonstruktion musikalischer Erkenntnis.* Lichtenstern-Verlag, 2005. 312 s.

Ульрике Фольтмер. Семиотика музыки. К реконструкции музыкального познания.

Susan Splinter, Sybille Gerstengarbe, Horst Remane. *Physica et historia. Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft,* 2005. 520 s.

Сюзанна Сплинтер, Сайбил Герстенгарбе, Хорст Ремане. Физика и история.

Thomas S. Hoffmann, Walter Schweidler. *Normkultur vs. Nutzenkultur. Ueber kulturelle Kontexte von Bioethik und Biorecht.* De Gruyter, Bln., 2006. 494 s.

Томас Хоффманн, Вальтер Швайдлер и др.

Нормативная vs. утилитарная культура. О культурных контекстах биоэтики и биоправа.

Peter Galison. *Einsteins Uhren.* Fischer (Tb.), Frankfurt, 2006. 384 Галисон Петер. Часы Эйнштейна.

Bärbel Völkel. *Wie kann man Geschichte lehren? Die Bedeutung des Konstruktivismus für die Geschichtsdidaktik.* Wochenschau-Verlag, 2006. 246 s.

Бэрбель Фелкель. Как возможно обучение истории? Значение конструктивизма для дидактики исторической науки.

Erhard Scheibe. *Die Philosophie der Physiker.* Beck, 2006. 352 s.

Эрнард Шайбе. Философия физиков.

Gerhard Schurz. Einführung in die Wissenschaftstheorie. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006. 264 s.

Герхард Шюрц. Введение в теорию науки.

Juergen Renn. Auf den Schultern von Riesen und Zwerge. Albert Einsteins unvollendete Revolution. Wiley-VCH, 2006. 364 s.

Юрген Ренн. На плечах гигантов и карликов. Незаконченная революция Альберта Эйнштейна.

Elmar Schüll. Zur Wissenschaftlichkeit von Zukunftsforschung. Der Andere Verlag, 2006. 116 s.

Эльмар Шюль. О научности исследования будущего.

Hans-Joerg Rheinberger. Epistemologie des Konkreten Studien zur Geschichte der modernen Biologie. Suhrkamp, 2006. 415 s.

Ханс-Йорг Райнбергер. Эпистемология конкретных исследований в истории современной биологии.

Karin Hartbecke, Christian Schuette. Naturgesetze. Mentis-Verlag, 2005. 322 s.

Карин Хартбекке, Христиан Шютте. Законы природы.

Ulrich Krohs, Georg Toepfer. Philosophie der Biologie. Eine Einführung. Suhrkamp, 2005. 456 s.

Ульрих Кросс, Георг Тёпфер. Философия биологии. Введение.

Hartmut von Hentig. Wissenschaft. Eine Kritik. Beltz, 2005. 297 s.

Хартмут фон Хентинг. Наука. Критический взгляд.

Johann Dvorak. Politische Herrschaft und die wissenschaftliche Erkenntnis von Natur und Gesellschaft. Studien Verlag, 2005. 220 s.

Йохан Дворак. Политическое господство и научное познание природы и общества.

Gerhard Gamm, Mathias Gutmann, Alexandra Manzei. Zwischen Anthropologie und Gesellschaftstheorie. Место издания, 2005. 261 s.

Герхард Гамм, Матиас Гутман, Александра Манцай. Между антропологией и теорией общества.

Как видно из выборки, представленной в данной главе, большая часть научной литературы посвящается междисциплинарным исследованиям, а также традиционно-континентальным герменевтически и феноменологически ориентированным исследованиям (книги, изданные Х.Позером, Ф.Тёпфером, Д.Гиневым, Й.Клаузенем и др.). Другой интересной тенденцией являются публикации книг ряда очень молодых авторов, что свидетельствует об интересе молодого поколения к философии науки и эпистемологии.

Hans Poser (Hrsg.). Evolution. Modell – Methode – Paradigma. 250 s., Koenigshausen-Neumann.

Эволюция. Модель – метод – парадигма. Сборник статей под редакцией Ханса Позера.

Эта книга вышла под редакцией члена Международного редакционного совета журнала «Эпистемологии и философии науки» Ханса Позера. Коллективная монография, участие в которой принимают известные немецкие ученые, посвящена междисциплинарным исследованиям проблем эволюции. Эволюция рассматривается не только в современном смысле этого слова, но и как предмет античного, средневекового, нововременного мышления, а также историко-философского осмысления эволюционных подходов, свойственных самым разным мыслителям от Б.Спинозы до Л.Витгенштейна. Заимствованные из биологии эволюционные модели прилагаются к социобиологическим, социальным, научно-теоретическим исследованиям, а в заключительной части (в статье известного эволюционного эпистемолога Герхарда Фолльмера) – и к космологическим подходам и теориям. Такая же фундаментальность характерна и для итоговой статьи Ханса Позера «Случай как творец? Эволюционная схема и истолкование мира».

Thomas Grundmann. Analytische Einführung in die Erkenntnistheorie. 386 s., De Gruyter Studienbuch.

Томас Грундманн. Аналитическое введение в теорию познания.

В труде разбираются классические теоретико-познавательные понятия: убеждения, истины, знания, обоснования, а также возможные подходы к описанию структуры, вероятных объемов источников человеческого знания. С особенным вниманием анализируются специфические формы и виды знания: непосредственно-воспринимаемое знание, знание-воспоминание, знание о себе, априорное знание. Третья часть посвящена проблемам социальной трансляции знания, а также дедуктивным и недедуктивным процессам и правилам вывода. В заключении ставится вопрос о роли и функции теории познания, с одной стороны, в рамках философии, а с другой – применительно к отдельным научным дисциплинам.

Cathrin Nielsen, Michael Steinmann, Frank Töpfer (Hrsg.) Das Leib-Seele-Problem und die Phänomenologie. 240 s. Orbis Phaenomenologicus Perspektiven N.F., Bd. 15.

Катрин Нильсен, Михаэль Штайнманн, Франк Тёпфер и др. Проблема души и тела и феноменология.

Проблема отношения тела и сознания (mind-body-problem), рассматриваемая в книге в феноменологически-исторической перспективе, начиная от проблематизации этой проблемой у Платона, ее преломлении в картезианской интерпретации отношения тела и духа, и заканчивается ее преломлением в контексте организмической картины мира в интерпретации Лейбница и Гуссерля. Особое место занимает анализ пространственности тела и души М.Шеллером. Другая перспектива исследования касается дисциплинарно-феноменологического подхода к проблеме телесности души, потребовавший от авторов обращения к феноменологической и клинической психиатрии, нейрофизиологии, психоанализу, нейрофилософии, религиоведению.

Dimitri Ginev (Hrsg.). Aspekte der phänomenologischen Theorie der Wissenschaft. 240 s., Orbis Phaenomenologicus Perspektiven.

Димитрий Гинев (ред.). Аспекты феноменологической теории науки

Сборник объединяет работы именитых немецких теоретиков науки, культурологов, социологов, этнометодологов и историков науки, пытающихся зафиксировать современное состояние продолжающегося диалога между феноменологической и научно-теоретической традициями и стремящихся предложить свой собственный ответ на вопрос об условиях возможности такого рода «сотрудничества».

Jens Clausen / Oliver Müller / Giovanni Maio (Hrsg.). Die "Natur des Menschen" in Neurowissenschaft und Neuroethik, 250 s. Orbis Phänomenologicus Perspektiven.

Йенс Клаузен, Оливер Мюллера, Джованни Майо (ред.). "Природа человека" в нейронауке и нейроэтике.

Подход авторов возобновляет традицию обращения к науке с целью получения ответов на вопрос о «природе» (и в особенности о природе человека) для обоснования морали. В исследовании поставлены вопросы о том, насколько сильно медицинское вмешательство (имплантация электродов, нейропротезирование и тому подобное) способно деформировать «природу человека» и функционирование мозга. В качестве одного из выводов авторы фиксируют и проблематизируют подвижный характер оппозиции *естественное/искусственное*, а вместе с ним – и текучий и трансформативный характер самой человеческой «природы».

Alois Andermatt. Semiotik und das Erbe der Transzendentalphilosophie. Die semiotischen Theorien von Ernst Cassirer und Charles Sanders Peirce im Vergleich. 220 s. Koenigshausen-Neumann.

Алоиз Андерматт. Семиотика и наследство трансцендентальной философии. Сопоставление семиотических теорий Эрнста Кассирера и Чарльза Пирса.

Как видно из названия работы, в ней исследуется культурно-философское значение трансцендентальной философии как исходного пункта теории знака и концепции символических форм. Автор делает вывод, что семиотику Пирса следует понимать как систематическую разработку философии символических форм.

Emil Angehrn. Wege des Verstehens. Hermeneutik und Geschichtsdenken. 220 s., Koenigshausen-Neumann.

Эмиль Ангерн. Пути понимания. Герменевтика и историческое мышление.

Первая часть исследования профессора Базельского университета Эмиля Ангерна посвящена герменевтике человека как такового, а также герметическим основаниям человеческой самоидентификации в век так называемого «постметафизического философствования» и «новой герменевтики», в которой понятия субъекта и смысла получают новое определение и новый статус. Вторая часть посвящена проблемам герменевтики истории, в особенности таким ее основаниям, как понятия времени, утопии, памяти, исторического сознания и смысла истории.

Andreas Krebs. Worauf man sich verlässt. Sprach- und Erkenntnisphilosophie in Ludwig Wittgensteins "Über Gewissheit". 160 s. Epistemata Philosophie.

Андреас Кребс. На что можно полагаться. Философия языка и познания в работе Людвиг Витгенштейна «О достоверности».

В своей работе «О достоверности» Л. Витгенштейн исследует семейство так называемых «достоверных» предложений («У всех людей есть родители», «Земля очень древняя»), сохраняющих значение даже в том случае, когда они не могут подтверждаться опытом, и таким образом, не являясь эмпирическими, вместе с тем не могут быть отнесены и к аналитическим предложениям, выражающим логику языка. Молодая исследовательница Андреас Кребс из университета Трира пытается указать место такого рода

«достоверностям» в некой переходной области между миром логики и миром опыта. При этом она использует своеобразный метод «дополнения» витгенштейновых идей, развивая недосказанное и заполняя видимые лакуны в указанном тексте мыслителя. Так, обосновывается, что такого рода «достоверности» выполняют свою функцию – привносят в суждения «всеобщую языковую согласованность», оказываются коммуникативным фундаментом всех остальных «менее достоверных» суждений.

Uwe Petersen. Kreativität und Willensfreiheit im Zwielficht von sinnlicher Erfahrung und theoretischer Leugnung. 176 S. Koenigshausen-Neumann.

Уве Петерсон. Креативность и свобода воли. В двояком свете чувственного опыта и теоретического отклонения.

Уве Петерсон, защитивший диссертацию под научным руководством Х.-Г.Гадамера и Й.Хабермаса, анализирует устоявшееся убеждение представителей европейской культуры об их исключительности, базирующейся на образе человека творческого и свободного. Между тем научные исследования, скорее, указывают на проблематичность концепта «свободы воли», представляющейся нейрофизиологу «чувственной иллюзией», настолько же иллюзорной, что и «течение времени», которому противоречат математические уравнения Эйнштейна. Автор пытается разобраться в причинах «научно-теоретического» отрицания креативности и свободы воли, выводя их из структуры самой «теоретической установки» на элиминацию интенций ученых и прочих внешних контекстов экспериментов, таких как человеческая чувственность и универсально-деятельностная обусловленность любой научной работы. Но в отличие от Хабермаса, автор развивает не теорию, а философию деятельности, содержащую в себе равноправные моменты: мышление, желание, теорию, чувственность.

Andreas Küker. Der Rückzug des Denkens in die Philosophie des Bildes. 112 s.

Андреас Кюкер. Отступление мышления в философию образа.

По мнению автора, до сих пор теория образа не давала целостного представления об этом понятии, раскалывая его на две сущности: знак и феномен восприятия. До решения этого вопроса и для его решения следует выявить принципиальные способы до-

ступа к образу. Теоретическое представление образа, его повседневная рецепция и первоначальное узнавание – каждый из этих модусов «встречания образа» выказывает собственную специфику. Если первое предполагает категорию предмета, то повседневность характеризуется «забвением предметного», ведь в повседневности объективность теряет решающее значение, а доминирующую роль получает «экзистенциальное отнесение». Эти два доступа к образу находят, по мнению автора, основания своей различности в их опосредованности языком, из которого и вытекают типы речей об образе. С одной стороны, мы имеем дело с модусом рефлексии, где высказывания и наблюдения жестко разводятся, с другой стороны, однако, важен и некий «модус трансформации», где говорение и видение непрерывно перетекают друг в друга.

Jürgen Lamprecht. Die epistemische Beziehung zwischen Subjekt und Welt: Untersuchungen zur Kontroverse zwischen transzendentaler und evolutionärer Erkenntnistheorie. Königshausen & Neumann. Würzburg, 2009. 286 s.

Юрген Лампрехт. Эпистемическое отношение между субъектом и миром: исследования о контroversах между трансцендентальной и эволюционной теорией познания.

Книга возвращает нас к разворачивавшимся в 70–90 годы дискуссиям между эволюционно и трансцендентально ориентированными теоретиками познания – дискуссиями, которые, как тогда казалось, завершились безрезультатно в виду абсолютной несочленимости и непримиримости этих подходов. Трансцендентальная философия упрекает эволюционную в том, что последняя уходит с трансцендентального уровня абсолютных условий познания, и именно поэтому запутывается в круговой аргументации самообоснования. Ведь эволюция есть условие познания эволюции, а познание есть условие эволюции познания, а посему, собственно, и не является теорией внешних условий и предпосылок познания в собственном смысле этого понятия. В исследовании Юргена Лампрехта анализируются основания такой несоизмеримости указанных теорий, формулируются возможности (при некоторой модернизации и модификации кантовского учения) интегрировать некоторые достижения эпистемического эволюционизма в трансцендентальную теорию познания.

Adolf Rami. Wahrheit und Deflation: Eine kritische Untersuchung deflationärer Wahrheitskonzeptionen. Mentis-Verlag. Paderborn, 2009. 434 s.

Адольф Рами. Истина и дефляция: критическое исследование дефляционных концепций истины.

Монография посвящена дефляционным концепциям истины, получившим большой резонанс в современной англо-американской философии, представители которой нередко провозглашают тезис об избыточности данного классического понятия (в отличие от понятий научности, проверяемости, обоснованности и убедительности знания). Как и положено представителю континентальной теории познания, автор демонстрирует резко критический подход к данному течению. В целях такого рода критики сначала осуществляется по возможности полное и четкое отграничение дефляционных концептов от всех остальных теорий истины. Однако затем и в рамках теории дефляции вскрываются и подробно описываются три типических версии, каждая из которых подвергается собственному критическому анализу. В третьей части книги конструируется авторская концепция истины, хотя и вбирающая в себя существенные элементы критикуемых подходов, однако сама не являющаяся дефляционной. С одной стороны, признается значение – пусть несколько обобщенного – определения истинности Тарского, с другой стороны, утверждается принципиальная неопределимость этого понятия.

Helmut Mai. Michael Polanyis Fundamentalphilosophie: Studien zu den Bedingungen des modernen Bewusstseins. Alber. Kiel, 2009. 280 s.
Хельмут Май. Фундаментальная философия Майкла Полани. Штудии об условиях современного сознания.

В работе реконструируется философский проект Майкла Полани (1891–1976), который, по утверждению автора, впервые предлагается для критической дискуссии в немецкоязычном философском пространстве именно как целостный эпистемический проект. В первой части труда рассматривается разрабатываемая Полани концепция науки, и в особенности его понимание естественнонаучного знания, сформировавшееся в процессе его собственных научных изысканий в берлинском Институте Кайзера Вильгельма. Во второй части разъясняются такие фундаменталь-

ные философские понятия, как «личностное знание», «обязательства» («commitment»), «программы на доверии» («fiduciary programs»), «имплицитное знание» («tacit knowing») и их связь. В третьей части реконструируется онтология подхода мыслителя и указывается на ее ограниченность, вытекающая из его исключительной сосредоточенности на реалиях теории сознания. В последней части указывается на универсальность эпистемического подхода Полани, продвигающегося от теоретико-научных изысканий к максимально общей теории познания и действительности с явным креном в область феноменологической философии.

Kornelis Menke. Zum methodologischen Wert von Vorhersagen. Mentis-Verlag. Paderborn, 2009. 188 s.

Корнелис Менке. К теоретическому значению предсказаний.

Книга посвящена проблеме подтверждения предсказаний как адекватного критерия для выбора теории и ее оценки. При этом с философской и историко-научной точки зрения вскрывается дискуссионный характер значения такого рода критерия. Его философская проблематичность вытекает, по мнению Менке, из непротиворечивости того, почему подтвержденное предсказание должно обладать большей ценностью, нежели объяснение ранее известных феноменов. В свою очередь, историко-научная проблематичность связана недоказанностью тезиса о том, что подтвержденные предсказания фактически позволяют зафиксировать «хорошие» теории и только их. Обе эти проблемы связываются друг с другом. И все-таки автор защищает методологическую ценность предсказаний. На примере оптики Френеля, общей теории относительности и лингвистической теории Фердинанда де Соссюра обосновывается, что разнородность эмпирических данных является обратной стороной различающихся методологических позиций. Разбирая эти позиции, автор подробно останавливается на методологии известного историка и философа науки Вильяма Юэла (William Whewell). Его подход является, по утверждению автора, наиболее плодотворным и как раз делает возможным истолкование тех или иных объяснений уже известных явлений именно как предсказаний. Это, по мысли Менке, и указывает на неправильность истолкования успешных предсказаний как случайных совпадений.

Johannes Soukup. Ursprüngliche Wirklichkeit: Eine philosophisch-naturwissenschaftliche Annäherung an die Radikale Lebensphänomenologie. Alber. Kiel, 2009. 272 s.

Йоханес Сукуп. Первоначальная действительность: философско-естественнонаучный подход к радикальной феноменологии жизни.

В основание своего подхода автор кладет проблему отображения, исходя из которой рассматривает традиционное мышление в свете двух альтернативных позиций: с одной стороны, речь идет о – в конечном счете, доходящем до абсурда – солипсизме, с другой стороны, об альтернативе признания некоей скрытой мировой реальности, требующей введения установок веры как религиозного, так и естественнонаучного типа. Причем последние доминируют, по мнению автора, вовсе не в силу их большей убедительности, но исключительно в силу их полезности и функциональности для приобретения власти над природой и людьми. Сталкиваясь с проблемой выбора между этими альтернативами, автор предлагает обратиться к некому третьему пути – «мышлению из первоначала», не допускающему ни солипсизма, ни латентно-эссенциальных миров. Этот путь автор характеризует как «радикальную феноменологию жизни». Основными темами такой феноменологии, которые и разрабатывает Сукуп в своей книге, оказываются индивидуальная психика, индивидуальные истории и вытекающая из отношения двух первых предметов проблема времени.

* * *

Несмотря на продолжающуюся экспансию неоаналитических подходов и англо-американского стиля мышления в целом в современную континентальную традицию, основным трендом конца ушедшей декады все-таки оставались, скорее, традиционные «метафизические» проекты. Как это ни странно звучит для начала XXI в., можно говорить о появлении новых попыток осуществления «мирового синтеза», где объединяющим началом выступает научная рефлексия этого мира. При этом методологии поисков нового мирового единства могут быть различными. Так, Ш.Артман («Историческая эпистемология наук о структурах») усматривает принцип единства мира в принципе его структурности, Б.Гриль

(«Следствия из лингвоаналитической философии для эпистемологии») полагает таковым принципом предзаданность мира в виде языка. В остальных представленных ниже работах вопрос о единстве мира выступает следствием одной из ключевых эпистемических проблем – проблемы границ и определенности знания о мире (Йоахим Вроманд. «Границы знания»). Эпистемические подходы могут быть адекватными описаниями в том случае, если и сами вберут в себя некоторые мировые свойства: и прежде всего текучесть, процессуальность, временность, – полагает С.Аммон («Понять знание: перспективы процессуальной теории познания»). Впрочем, и само единство знания, как ключевая предпосылка возможных поисков единства мира, должно явиться результатом «великого синтеза» альтернативных подходов: трансцендентализма и эволюционизма (Юрген Лампрехт. «Об эпистемическом отношении субъекта и мира: исследования контрверсы трансцендентальной и эволюционной теории познания»). С другой стороны, эту же задачу «эпистемического объединения» решают и мультидисциплинарные подходы, интегрирующие познание в общественный деятельностный контекст современного глубоко дифференцированного общества (Д.Думбадзе, Й.Гефферс, Ж.Хаут и др. «Познание и критика: современные позиции»). Впрочем, из общей тенденции несколько выбивается скорее аналитически ориентированное исследование Штефана Трейтца «Метафизика, языковые игры и жизненные формы: исследования оснований познания». Но и здесь предметом поисков оказывается «метафизика» – и далеко не в качестве демона, гонимого из познания.

Stefan Artmann. Historische Epistemologie der Strukturwissenschaften. Wilhelm Fink, 2010. 359 s.

Штефан Артман. Историческая эпистемология наук о структурах.

Не отказываясь от традиционного деления наук на естественные и математические, с одной стороны, и культурно-социально-гуманитарные, – с другой, автор книги, тем не менее, прослеживает генезис, возможности и специфику сравнительно новых обобщающе-междисциплинарных научных подходов, называя их «науками о структурах». «Науки о структурах» анализируют «структурные» понятия: «информации», «коммуникации», «сложности», «рациональности». Последние, по мнению автора книги,

не могут укладываться ни исключительно в контекст естественных наук с их понятием «природы», ни в контекст одних лишь социально-гуманитарных дисциплин и охватываться понятием «общества» или «культуры». Обосновывается, что понятие наук о структурах уже утвердилось в научных системах, но все еще не получило адекватного осмысления в философии, хотя именно философия способна-де анализировать мир, теперь понимаемый как предмет наук о структурах, еще как бы в «первозданном» виде — до всякого разделения на «природу» и «культуру».

Benjamin Grilj. Konsequenzen der Sprachphilosophie auf die Epistemologie. Südwestdeutscher Verlag, 2010. 275 s.

Беньямин Гриль. Следствия из лингвоаналитической философии для эпистемологии.

Автор книги сравнивает на первый взгляд принципиально различные способы объяснения мира: мифо-религиозный и сциентистски-теоретический. Несмотря на различие доступов к миру и методов его осмысления общим для них оказывается языково-игровой характер. Но именно в этой «функции проявления» автор усматривает не приговор метафизической философии (как это представлялось ранней аналитической философии), будто бы лишившейся собственной научной специфики, но напротив — возвращение ей роли и функции мета-науки, последней критикометодологической инстанции, к которой «за помощью» должны обращаться все остальные дисциплины. Автор приводит конкретный материал, демонстрируя, как лингвоаналитическая философия (эпистемология) воздействовала на социологические, исторические и нейрофизиологические гипотезы; связывает три глубинных, по его мнению, понятия, лежащие в основании единства мира: язык, память и познание, где каждое предыдущее является необходимым условием для понятия последующего.

Gerhard Schönrich. Wissen und Werte. Mentis Verlag, 2009. 364 s.

Герхард Шренлих. Знание и ценности.

Внимание Г.Шренлиха, возглавляющего кафедру теоретической философии Технического университета Дрездена, обращено следующей дилемме: вопросу о том, принадлежат ли эпистемические ценности семье фундаментальных эпистемических (*знания, истины, обоснования, когнитивных способностей*) и поэтому

служат фундаментом для всех вытекающих из них оценок знания. Или же всякая ценность является «финальной», т. е. суверенной и автономной, способна существовать и без эпистемического обоснования, что требовало бы признания ценностного плюрализма, где в обращении к тому или иному знанию или понятию было бы достаточно лишь одного «исследовательского интереса» того или иного ученого или школы.

Обращаясь к классическому различению знания и истинного убеждения (у Платона в «Меноне»), до сих пор играющему ключевую роль в современных дискуссиях о знании как истинном и обоснованном убеждении, автор включает дополнительный – ценностный – аспект и задается вопросом о сравнительной ценности того или другого. Особое внимание уделено вопросу об инструментальной ценности знания или истинных убеждений, т. е. о том, что из последних может служить инструментом для производства иных ценностей. Ценность знания обосновывается, по мнению автора, как правило, фактом исключения «эпистемологической случайности» – т. е. исключением истинного, но не обоснованного знания. Но действительно ли требуется исключать эпистемическую случайность? Ведь для такого исключения требуется, как минимум, ее концептуализация и категоризация, но тогда она в каком-то смысле перестает быть совсем уж случайной и выражает некоторую собственную эпистемологическую ценность, важную для функционирования современной науки как социального института. В целом, привлечение понятия ценности для анализа понятия знания и решения парадоксов Геттиера дает традиционным дискуссиям об определении знания совсем новый поворот.

Sabine Ammon. Wissen verstehen: Perspektiven einer prozessualen Theorie der Erkenntnis (Broschiert). Velbrück. 2009. 206 s.

Сабина Аммон. Понять знание: перспективы процессуальной теории познания.

Автор книги, научные сотрудники Института философии, теории науки и истории науки и техники Технического университета Берлина ставят целью прояснить понятие знания не с абстрактно-аналитической точки зрения, как истинного обоснованного убеждения, но как фактически работающего понятия в разных сферах современного дифференцированного общества, а

следовательно, как понятие скорее историческое, чем логическое. Соответственно среди прочих выделяются такие формы его данности, как знание научное, практически-бытовое и эстетическое. Такое синтетическое понятие знания автор называет динамически-плюралистическим. Как следствие, его фундаментом полагается уже некая внеэпистемическая реальность, а именно – реальность времени, которое только и делает возможным понимание того или иного эпистемического содержания: время и социум рассматриваются как фундамент и базовая предпосылка анализа эпистемических понятий. Такой эпистемологический подход делает возможным выход и за пределы эпистемологии – в смежные контексты образовательской, исследовательской и социальной политики, поскольку именно конкретные манифестации знания в этих сферах делают возможным понимание этого знания. Причем именно социально-опосредованное понимание оказывается более важным для определения диффузного и текучего понятия знания, чем собственно эпистемологические дискуссии. Здесь определенно чувствуется и влияние феноменологического подхода Гадамера с его представлением об «истории действия» того или иного феномена, зависящего не столько от закладываемого автором «сообщения», сколько от определяемых эпохой и обществом способностей и условий рецепции этого феномена.

Devi Dumbadze, Johannes Geffers, Jan Haut, Arne Klöpper, Vanessa Lux, Irene Pimminger. Erkenntnis und Kritik: Zeitgenössische Positionen. Transcript, 2009. 395 s.

Дэви Думбадзе, Йоханнес Гефферс, Жан Хаут и др. Познание и Критика: современные позиции.

Коллективная монография, авторами которой являются психологи, социологи, медиа-теоретики, экономисты и философы, посвящена междисциплинарному анализу понятия знания. При этом знание концептуализируется не как некоторое самоценное понятие, но рассматривается, скорее, с точки зрения его научно-общественной значимости: как продукт науки – одной из общественных систем. Именно в этом контексте рассматривается и понятие «научности», под которой теперь подразумевается не сумма традиционных внутринаучных критериев знания (непротиворечивость, проверяемость, обоснованность), а ее внешняя –

общественная – функция. При этом авторы пытаются понять и то, почему это экстерналистское понимание научности как раз и ускользает от научной рефлексии, занятой лишь своей внутренней структурой, а вовсе не внешними потребностями, которым отвечает научная продукция. В связи с этим ставится вопрос и о том, должна ли в связи с этим так понятая научность служить предметом не научной, а общественной критики. Поэтому приходится «реанимировать» критические подходы прошлого (К.Маркса, Т.Адорно, М.Фуко, из которых предлагается составить некое синтетическое понятие критики науки), а также анализировать и такие внешние по отношению к науке в узком смысле процессы, как политическая практика, труд и экономическая деятельность, масс-медийное просвещение, социально-психологическая рецепция результатов науки и техники. Именно в этих процессах, с одной стороны, собственно только и манифестируется внешняя функция науки, а с другой стороны, и сам научный продукт может подвергнуться особого рода критике – не научной в узком смысле, но не менее ценной.

Joachim Bromand. Grenzen des Wissens. Mentis-Verlag, 2009. 269 s.
Йоахим Броманд. Границы знания.

Исследование Йоахима Броманда, возглавляющего кафедру логики и метафизики Института философии университета г. Бонна, обращается к классической эпистемологической проблеме границ знаний о мире и ограниченности познавательных способностей, подвергая критике давно утвердившиеся аргументы в пользу такой ограниченности. Центральное значение получают при этом три аргументативных стратегии «демаркации знания»: во-первых, речь идет о границах роста сложности знания, исчисляемого с помощью теории информации. Во-вторых, проблематизируется определенность и четкость самих границ знания и возможных здесь подходов в стиле теории эпистемической неопределенности в стиле Т.Вильямсона. Наконец, в-третьих, тематизируются границы нашего самопознания, требующих экспликации, но кажущейся невозможной ввиду недостаточной исследованности «глубины» человеческого духа и неразрешимости *mind-body-проблемы*. В этой части исследования применяются подходы Макгинна и эпистемического истолкования теоремы Гёделя о неполноте содержатель-

ных систем исчисления. Выявляя проблему когнитивной неопределимости всех трех попыток демаркации знания, автор книги предлагает собственный альтернативный взгляд, близкий к подходу позднего Витгенштейна: семантическая неопределенность в определении границ знания вытекает-де из того, что речь идет о псевдопроблеме. На этот вопрос нельзя ответить, поскольку он и не требует никакого ответа.

Stefan Treitz. Metaphysik, Sprachspiele und Lebensformen: Untersuchungen zu den Grundlagen von Erkenntnis. Königshausen & Neumann, 2009. 172 s.

Штефан Трейтц. Метафизика, языковые игры и жизненные формы: исследования оснований познания.

Автор исследования предлагает рассмотреть возможности развития концепции языковых игр Л.Витгенштейна. Исходя из тезиса, что всякое знание и всякая эмпирическая наука содержит в себе существенные метафизические «ингредиенты», автор настаивает, что именно их экспликация и делает прозрачным те структуры человеческого мышления, которые ответственны за трансформацию эмпирического опыта в собственно познание. Этот процесс трансформации метафизического содержания в фактическое познание автор описывает исторически, прослеживая последовательную смену метафизических парадигм, которые, однако, с логической точки зрения не вытекают друг из друга, но реализуются параллельно: речь идет о менталистски-эмпирической метафизике Юма и Канта, о радикально антиметафизической логицистской программе Венского кружка; наконец, в завершающей, систематической части рассматривается теория языковых игр и жизненных форм как логически-практическая парадигма. Особое внимание при этом уделяется антропологии тела, развиваемой в подходе Л.Витгенштейна. Автор выдвигает тезис о центральном значении синтеза познания, практики и телесности как предметообразующей основы социально-гуманитарных наук – в особенности в процессе *performative und practical turns*.

Walter Herzog. Wissenschafts- und erkenntnistheoretische Grundlagen der Psychologie

Vs Verlag, 2011. 120 s.

Вальтер Херцог. Философско-научные и эпистемологические основания психологии.

В книге проблематизируется научный статус психологии с точки зрения общей теории науки. Предварительно обсуждается и методологически важный вопрос о том, зачем и кому нужна философская теория психологии. Психология анализируется на предмет ее внутренней дифференциации на научные психологические предложения, с одной стороны, и психологические высказывания, характерные скорее для языка повседневности. Осуществляется попытка зафиксировать действительный прирост психологического знания. Развитие психологии рассматривается через призму доминирующих в XX в. философско-научных и научно-исследовательских парадигм. Особое внимание уделено специфике образования психологической теории, методологии и месту психологии в системе научных дисциплин.

Andrea Lailach-Hennrich. Ich und die anderen: Zu den intersubjektiven Bedingungen von Selbstbewusstsein. Gruyter. 2011. 256 s.

Андреа Лайлах-Хенрих. Я и другие: к интерсубъективным условиям самосознания.

Монография обращается к базовому основанию феноменологических исследований: собственному доступу переживающего к его ментальным актам (мыслям, чувствам, желаниям и перцепциям). Автор применяет к этой аксиоме кантовскую проблемопостановку и задается вопросом о том, какие условия возможности должны быть выполнены с тем, чтобы сформировалось полноценное знание о себе самом. Экспликации и систематизации такого рода интерсубъективных условий самопознания и посвящено исследование. Автор – профессор Гумбольдт-Университета Берлина.

Tilman Köppe Literatur und Wissen: Theoretisch-methodische Zugänge. Gruyter. 2011. 240 s.

Тильман Кёппе. Литература и знания: теоретически-методические подходы.

В работе представлены case-studies, проясняющие роль филологических и философско-эстетических теорий и методов для понятия знания. Ключевые понятия литературы анализируются с точки зрения их потенциала в трансляции знания. Рассматривается проблема связи познания и функций (художественной) литературы. Автор – доцент немецкой филологии университета Гёттингена.

Kathi Beier. Selbsttäuschung. Gruyter; 2010, 263 s.

Кати Байер. Самообман. 2010. 263 с.

В работе анализируется вопрос рациональности феномена самообмана. В отличие от большинства исследователей, рассматривающих самообман в качестве самого по себе непроблематичного явления, вытекающего из ошибок или отказа нормального функционирования разума, автор предлагает выявить эпистемологические и психологические функции самообмана, его связь – с доминирующей в некотором социуме – нормативностью; стремится прояснить связь самообмана с повседневными представлениям о том, что является «лучшей», «достойной», «подлинной» жизнью. Автор – доцент Университета Георга-Августа (Гёттинген).

Boris Rähme. Wahrheit, Begründbarkeit und Fallibilität: Ein Beitrag zur Diskussion epistemischer Wahrheitskonzeptionen. Ontos. 2010. 386 s.

Борис Рэме. Истина, обоснованность и фаллибилистичность: к дискуссии о эпистемических концепциях истины.

В книге проблематизируются два фундаментальных эпистемических тезиса или гипотезы, а именно, во-первых, утверждения о том, что понятие истины допускает экспликацию признаков истинности посредством эпистемических концептов идеальной обоснованности, утвердительности, когерентности и консенсуса. И во-вторых, о том, что утверждение о возможном существовании истинных высказываний, принципиально ускользающих от научного познания и, тем не менее, обоснованных, является ложным или бессмысленным. Автор анализирует подходы к этим проблемам, особое внимание уделяя таким авторам, как Ч.Пирс, Х.Патнэм, Г.Х. фон Вригт, К.-О.Апель, критически рассматривая, главным образом, дефляционную концепцию истины.

Horst Heinze. Die psychologische Weltformel: Mysterium und Martyrium unserer Sprache in der Zeitlosigkeit. Lit Verlag. 386 s.

Хорст Хайнце. Психологическая формула мира: Мистерий и мартирий нашего языка в безвремени.

Автор монографии претендует на радикальный разрыв с классическими концепциями истины и реальности, – разрыв, который, по его мнению, требует радикально-скептического переосмысления повседневного языка. Последний предстает не просто как

некоторое основание или причина ложных представлений, но как нечто в высшей степени патологическое. И тем не менее присущие этому языку комбинаторные возможности, парадоксы, вытекающие из поразительных и преодолевающих рамки повседневности словообразований и новых предложений, дают, по мысли автора, некоторую надежду на некоторое более адекватное переописание действительности.

Karl Czasny. Quantenphysik als Herausforderung der Erkenntnistheorie. Verlag Karl Alber. 2010. 204 s.

Карл Часны. Квантовая физика как вызов для эпистемологии.

Книга продолжает исследования автора в области эпистемологических оснований физики. Современная физика, как известно, поставила под вопрос традиционное естественнонаучное представление о реальности как множестве независимых от наблюдения свойств предметов. Квантовая физика требует более тесного и жесткого взаимодействия субъекта и объекта, данного первому в опыте. Автор предлагает принципиально переосмыслить эту традиционную оппозицию и заново переформулировать эпистемологические основания современной физики.

Jan-Christoph Heilingen. Funktionen des Erlebens: Neue Perspektiven des qualitativen Bewusstseins. Gruyter. 2009. 434 s.

Жан-Христоф Хайлингер. Функции переживания: новые перспективы качественного сознания.

Основной исследовательский интерес автора, доцента философии университета Хемница, сосредоточен на кажущемся наивным, но философски-фундаментальном вопросе: почему люди не только живут, но и переживают. Привлекая данные естественных и социально-гуманитарных дисциплин, исследователь пытается ответить на этот вопрос; ищет центральные компоненты обменных отношений сознания с социальным и физическим внешним миром и полагает в качестве таковых личностное переживание и чувство.

А.Ю. Антоновский, Е.В. Вострикова,
А.С. Игнатенко, П.С. Куслий

Франкоязычная эпистемология в первой декаде XXI века

В этой главе мы представляем новейшие издания по эпистемологии, вышедшие во Франции (и отчасти в Квебеке) за последние десять лет. Обращают на себя внимание некоторые тенденции, отличающие франкоязычные эпистемологические интересы от предпочтений в немецкоязычной и англо-американской эпистемологии. Во-первых, как о тенденции можно говорить об особом внимании к эпистемологии гуманитарного и социального знания (лингвистики, географии, истории), анализ которого доминирует над всей остальной эпистемологической тематикой. Во-вторых, явно прослеживается интерес к проблемам интердисциплинарности и конструктивистским теориям познания. И, в-третьих, специально акцентируется вопрос о «франкофонной» науке, об отдельном вкладе французских ученых и философов (О.Конта, Ж.Ж.Руссо, Г.Башляра, П.Рикёра, Б.Паскаля и др.) в мировую эпистемологию, исследуется генезис эпистемологии и философии науки именно во французской науке и философии.

Gérard Fourez, Marie Larochelle. Apprivoiser l'épistémologie. De Boeck, 2004. 183 p.

Жэрап Фурэ, Мари Лярошель. Приручение эпистемологии. Де Бекк, 2004, 183 с.

Книга представляет собой популярное введение в эпистемологию. Физик-теоретик Жерар Фурэ в Университете Мэрилэнда (США) пытается создать единую синтетическую концепцию трех

фундаментальных и взаимосоотнесенных объектов исследования: науки, технологии, общества. Автор известен рядом книг, среди которых «Наши знания о наших знаниях», «Дидактические подходы к интердисциплинарности». Мари Лярошель – профессор философии университета г. Ляваль в Квебеке.

Patrick Tort. Darwin et la philosophie: Religion, Morale, Matérialisme. Kime, 2004. 73 p.

Патрик Тор. Дарвин и философия: религия, мораль, материализм. Ким, 2004. 73 с.

В книге исследуется наследие Дарвина на предмет его усвоения различными философскими течениями, а также – личные философские предпочтения ученого, его отношение к материализму и религии. Специальная глава посвящена возможной интеграции дарвинизма в материалистическое учение Маркса и причинам отсутствия в материализме этого «необходимого звена». Автор – директор Международного института Чарльза Дарвина.

Jean-Luc Bonniol, Maryline Crivello-Bocca. Façonner le passé: Représentations et cultures de l'histoire. Publications de l'Université de Provence, 2004. 304 p.

Жан-Люк Боньйоль, Марилин Кривелло-Бокка. Фабрикация прошлого: исторические репрезентации и культуры. Publ. de l'Univ. de Provence, 2004. 304 с.

Книга посвящена проблеме произвольности и пределов свободы толкования в интерпретациях исторических событий. Автор полагает, что проблема отчасти снимается тем, что и сами типы интерпретаций истории различаются в зависимости от исторических периодов и исторических культур. Авторы исследуют основания типологизации истории – выделения в ней тех или иных «исторических культур». При этом особое внимание уделяется вовсе не сменам глобальных формаций, религий, этических систем, а более «прозаическим» сферам: проводится анализ категоризации культур в археологии, иконографии, народных празднествах, соответствующих структурам исторической памяти и особенностям порождения образов, “фабрикующихся” историками культурам. Автор – профессор антропологии университета Марселя. Марилин Кривелло-Бокка – преподаватель университета Прованса.

Georges Benko, Ulf Strohmayer, Mark Bassin, Vincent Berdoulay. Horizons géographiques. Bréal, 2004. 350 p.

Жорж Бенко, Ульф Штромайер, Марк Бассен, Венсан Бердуле. Географические горизонты. Bréal, 2004. 350 с.

Книга рассказывает о способах конструирования, специфике и истории возникновения географического знания, а также различных школах в рамках географической науки.

Robert Martin. Comprendre la linguistique: Epistémologie élémentaire d'une discipline. Presses Universitaires de France, 2004, 206 p.

Робер Мартен. Постижение языкознания: эпистемология оснований одной научной дисциплины. PUF, 2004. 206 с.

Идея издания – рассмотреть лингвистику во всей ее дисциплинарной комплексности, сложности ее объекта и методов, и на этой основе сформулировать ее общую идею. Под «общей идеей» подразумевается комплекс ее подразделов, включающий «описательную», «теоретическую» («объяснительную») и «общую» (направленную на универсальные принципы для всех языков) лингвистику, а также – философию языка (исследующую связь языка и реальности, мышления, истинности предложений), историческую (разрабатывающую эволюцию языка и ее факторы) и прикладную лингвистику. Последняя выполняет специальную – рефлексивную – задачу выявления полезности лингвистических исследований. Робер Мартен – бывший профессор Сорбонны, автор книг «О логике смысла» (1992), «Семантика и машина» (2001).

Jean-Paul Bord, Pierre-Robert Baduel. Les cartes de la connaissance. Karthala, 2004. 690 p.

Жан-Поль Бор, Пьер-Робер Бадюэль. Карты знания. Karthala, 2004. 690 с.

В книге исследуется проблема «когнитивных карт», роль картографии в социальном и гуманитарном знании. Является ли картография лишь дидактической или педагогической функцией, т. е. всего лишь техническим, объяснительным средством визуализации знания и абстрактного дискурса? Или же она входит в имманентную структуру самой науки? Авторы доказывают эвристическую ценность карт в производстве нового знания. Особое место занимает исследование специфического «картографического языка» и его роли в конструировании знания. Жан-Поль Бор – профес-

сор географии Университета Поля Валери в Монпелье (Франция). Пьер-Робер Бадюэль – директор Центра по изучению урбанизации арабского мира в г. Тур (Франция).

Monique Charles. La psychanalyse?: Témoignage et commentaires d'un psychanalyste et d'une analysante. L'Harmattan, 2004. 133 p.

Моника Шарль. Психоанализ? Свидетельства психоаналитика и пациентки. L'Harmattan, 2004. 133 с.

Профессор философии Моника Шарль рассматривает вопрос о том, является ли психоанализ наукой или же представляет собой еще теоретически необоснованную, пусть и успешно применяемую медицинскую или «экзистенциальную» практику. Одна из пациенток делится своим опытом, рассказывая о роли сеансов психоанализа, вернувших ее из «эмиграции ее собственной жизни».

Antoine Bailly, Robert Ferras. Éléments d'épistémologie de la géographie. Armand Colin, 2004. 191 p.

Антуан Бэйи, Робер Ферра. Основы эпистемологии географии. Сборник работ. Armand Colin, 2004. 191 с.

В книге предпринимается очередная попытка дать общее определение географии. Реконструируются осуществляемые в географической науке заимствования из смежных дисциплин, вносимые ей изменения; определяется место географии в корпусе научного знания, специфика географического дискурса; обсуждается конкуренция географии и истории, формулируется понятие «дополнительности» гуманитарных наук. Антуан Бэйи – профессор университета Женева, Робер Ферра – профессор университета Монпелье (Франция).

Anastasios Brenner. Les origines françaises de la philosophie des sciences. Presses Universitaires de France – PUF. 2004. 256 p.

Анастасиос Бреннэ. Французские истоки философии науки. Presses Universitaires de France – PUF, 2004. 256 с.

Издание посвящено реконструкции основных эпистемологических доктрин прошлого века и возникновению во Франции эпистемологии как самостоятельной дисциплины. Особое внимание уделяется наследию таких французских философов, как Пьер Дюгем, Гастон Мило, Эдуард Ле Рой. Автора интересует история эпистемологии и философии науки: конфликты и дискуссии, кото-

рые определяли научную жизнь в конце XIX – начале XX в., создание кафедры общей истории наук в Колледж де Франс в 1892 г. и конкурирующей с ней кафедры истории философии в Сорбонне в 1909 г., появление в эту же эпоху и самого термина «эпистемология» во французском языке, отразившей, по мнению автора, ключевой этап в конституировании дисциплины «эпистемология и философия науки». Анастасиос Бреннэ преподает философию в университете Пантеон-Сорбонна, известен своей книгой «Рассвет познания: эпитомия к “Системе мира” Пьера Дюгема».

Liliane Hilaire-Pérez, Anne-Françoise Garçon. Les chemins de la nouveauté: innover, inventer au regard de l'histoire. Comité des travaux historiques et scientifiques. CTHS, 2004. 473 p.

Лилиан Илэр-Перэ, Анне-Франсуаз Гарсон. Пути нововведений: инновации и изобретения применительно к истории. CTHS, 2004. 473 с.

Цель этого издания – постичь принципы принятия и отклонения новых идей в истории. Книга показывает, как институты, экспертная деятельность, рыночные условия и эстетическая оценка легитимируют инновации. Авторы решительно отклоняют взгляд на изобретение как на индивидуальное и радикальное прозрение. На богатейшем фактическом материале (изобретения «авторского права», «гидравлической помпы», «моды», «сeducтивных стратегий», рассмотрение культурного и институционального контекста изобретений) вскрывается многообразная динамика исторического процесса, который понимается как непрерывный синтез индивидуального и коллективного вкладов и как многообразие изобретательских практик.

Jean-Tristan Richard. Essais d'épistémologie psychanalytique. L'Harmattan, 247 pages. 2004.

Жан-Тристан Ришар. Очерк психоаналитической эпистемологии. L'Harmattan, 2004. 247 с.

Книга состоит из четырех этюдов, каждый из которых специализирован на соответствующим психопатологическом материале: в первом рассматриваются появление и развитие категории предельного состояния (пограничной ситуации), во втором – место мифа в точных науках, соотношение психоанализа, искусства и науки. В третьем этюде предложена критика клинических и научных средств измерения интеллекта, специально исследуется становление познавательных способностей у недоношенных детей. В чет-

вертом разделе критически анализируется концепция патерналистского усвоения норм поведения. Работа пытается заложить основу «новой клинической эпистемологии».

Jean-Jacques Wunenburger. Bachelard et l'épistémologie française. Presses Universitaires de France – PUF, 2003. 212 p.

Жан-Жак Вюнёнбюргер. Башляр и французская эпистемология. PUF, 2003. 212 с.

В книге исследуется влияние Г.Башляра на развитие французской эпистемологии («эпистемологический прорыв» Башляра), реконструируются его диалектика, концепции истории науки и научных революций, эволюции ученого сообщества. Особое внимание уделяется интерпретации теории относительности. Рассматривается влияние этого философа на известных французских эпистемологов П.Бурдьё, М.Фуко и других. Жан-Жак Вюнёнбюргер – декан философского факультета университета Жана Мулена в Лионе.

Michel Houellebecq, Michel Bourdeau, Jean-Francois Braunstein, Annie Petit. Auguste Comte aujourd'hui: préliminaires au positivisme. Kime, 2003. 321 p.

Мишель Уэльбек, Мишель Бурдьё, Жан-Франсуа Бронстейн, Анни Петти. Огюст Конт сегодня: введение в позитивизм. Kime, 2003. 321 с.

Книга посвящена возможностям применения позитивистских идей, в особенности идей Конта, в области математики и биологии, политики и эстетики. Авторы стремятся снять предрассудки вокруг позитивизма Конта и показать актуальность его воззрений, его «парадоксальную современность». Книга состоит из трех частей, посвященных, соответственно философии наук (математики, физики, социологии и биологии), философии политики (как исторической, так и современной) и позитивистской эстетике.

Приведем список ряда других значимых изданий.

Abdelkader Bachtá. L'esprit scientifique et la civilisation arabo-musulmane. L'Harmattan, 2004.

Абделькадер Бахта. Научный дух и арабо-мусульманская цивилизация. L'Harmattan, 2004.

Bertrand Müller, François Dosse, Christian Delacroix, Philippe Mesnard. Histoire, mémoire et épistémologie: A propos de Paul Ricoeur Payot Lausanne. Nadir, 2004.

Bertran Mюллер, Франсуа Досс, Христъян Дэлакруза, Филлип Меснар. История, память и эпистемология: к концепции Поля Рикера. Nadir, 2004.

Paul Claval. Causalité et géographie. L'Harmattan, 2003. 125 p.

Поль Кляваль. Причинность и география. L'Harmattan, 2003. 125 с.

Bernadette Bensaude-Vincent, Bruno Bernardi. Rousseau et les sciences. L'Harmattan, 2003. 316 p.

Бернадет Бенсод-Венсант, Бруно Барнардн. Руссо и науки. L'Harmattan, 2003. 316 с.

Laurence Viennot, Claude Debru. Enquête sur le concept de causalité. Presses Universitaires de France – PUF, 2003. 200 p.

Лоренс Вьенно, Клод Дебрю. Обзор концепций каузальности. PUF, 2003. 200 с.

Jean-Marc Defays, Marielle Maréchal, Frédéric Saenen. Principes et pratiques de la communication scientifique et technique. De Boeck, 2003. 150.

Жан-Марк Дефэ, Марбель Марешаль, Фредерик Сэнан. Принципы и практика научной и технической коммуникации. De Boeck, 2003. 150 с.

Alain Vergnion. L'explication dans les sciences. De Boeck, 2003. 240 p.

Алэн Вернью. Объяснение в науках. De Boeck, 2003. 240 с.

Nicole Tutiaux-Guillon, Didier Nourrisson. Identités, mémoires, conscience historique. PU Saint-Etienne, 2003.

Николь Тютъо-Гвийон, Дидье Нурриссон. Идентичности, память и сознание в истории. PU Saint-Etienne, 2003.

François Kourilsky, Jean Tellez. Ingénierie de l'interdisciplinarité. Un nouvel esprit scientifique. L'Harmattan, 2003.

Франсуа Курильски, Жан Телле. Инженерия интердисциплинарности. Новый научный дух. L'Harmattan, 2003. 153 с.

Jean-Louis Le Moigne. Le constructivisme. Epistémologie de l'interdisciplinarité. L'Harmattan. 2003. 362 p.

Жан-Луи Ле Муань. Конструктивизм. Эпистемология междисциплинарности. L'Harmattan, 2003. 362 с.

Cédric Grimoult. Histoire de l'histoire des sciences: Historiographie de l'évolutionnisme dans le monde francophone. Droz, 2003. 309 p.

Седрик Гриму. История истории наук: историография эволюционизма в франкофонном мире. Droz, 2003. 309 с.

Antoine Zapata. L'épistémologie des pratiques: pour l'unité des savoirs. L'Harmattan, 2004.

Антуан Запата. Эпистемология деятельности: к единству знания. L'Harmattan, 2004.

Книги, вышедшие в середине 2000-х, позволяют говорить о некоторых тенденциях в издательской политике в области французской теории познания.

Во-первых, как и прежде, интерес издателей обращен в значительно большей степени к исторической эпистемологии, о чем можно судить по книгам Ж.Севильи, Ж.-П.Вернана, М.Нишьяна и З.Кракауэра. Впрочем, эта тенденция несколько не нова, если вспомнить традиции, заложенные школой Анналов, на представителей которой продолжают опираться современные, в особенности франкоязычные, эпистемологи. Во-вторых, как в исторической, так и в «классической» эпистемологиях просматриваются выраженные тенденции к междисциплинарности. Такого рода междисциплинарные подходы реализованы, в частности, в трудах Б.Тонгле (эпистемология экономики) и Б.Форе (лингвистика, нейронаука и психология).

В-третьих, традиционно французской эпистемологии свойственная высокая рефлексивность, причем окрашенная в национальную тона. Издается большое число историй именно французской эпистемологии, тщательно классифицированной по эпохам и дисциплинарно, о чем можно судить по репрезентативным трудам М.Битболя и К.-У.Мулина. Интересно, что зачастую утверждается, будто французская эпистемология выпадает из мирового эпистемологического контекста и обладает чуть ли не особым дисциплинарным статусом. Впрочем, и «традиционная» эпистемология и философия науки не остается без внимания французских издателей и исследователей.

Bitbol, Michel. L'épistémologie française, 1830–1970. Presses Universitaires de France – PUF, 501 p., Jui 2006.

Мишель Битболь. Французская эпистемология, 1830–1970.

В книге представлена французская эпистемическая традиция, рассматриваемая не просто как локальная ветвь интернациональной дисциплины, а как специфическая именно для французской мысли совокупность проблем, в первую очередь, касающихся неразрывной связи фундамента познания и философии науки, которую, как утверждается, диссоциируют прочие национальные школы. В пред-

ставленных эссе поднимаются два вопроса. Во-первых, рассматриваются основные школы и институции. В частности, анализируются взгляды П.Дюгема, А.Пуанкаре и Р.Ружье в отношении позитивизма, а также влияние французской эпистемологии (П.Дюгем и Э.Меерсон) на американскую философию науки (У.Куайн, Т.Кун). Исследуются особое значение ряда авторов и школ в диалоге между эпистемологией и историей наук. Во-вторых, значительное внимание уделено “великим” французским ученым и эпистемологам (О.Конту, К.Бернару, Ф.Равессону, А.Курно и особенно Г.Башляру), в обращении к работам которых авторы книги пытаются дать определение понятию “эпистемологии”. Кроме того, рассматриваются и такие частные ветви эпистемологии, как философия логики и математики (Ж.Хербранд, Ж.Нико, Ж.Кавайе), философия физики (А.Пуанкаре, Э.Меерсон, А.Кожев, Ж.-Л.Детуш), философии биологии и медицины (Ж.Кангилем) и эпистемологии права (Ш.Айзенман).

Sévillia, Jean. Historiquement correct: Pour en finir avec le passé unique. Librairie Académique Perrin, 455 p. Juin 2006.

Жан Севилья. Исторически корректно: чтобы, наконец, закончить с прошлым.

«Историческая корректность», по мысли Жана Севильи, состоит в том, чтобы судить (а не постигать) прошлое путем отказа от современности. История интерпретируется автором как своего рода экран, проектирующий на прошлое те или иные современные преференции, ценностные суждения, что, собственно, только и превращает прошлое в анахронизм. Автор требует возвращения прошлому его собственного значения.

Vernan, Jean-Pierre. Religions, histoires, raisons. Mai 2006.

Жан-Пьер Вернан. Религии, история, разум.

Жан-Пьер Вернан, долгое время возглавлявший кафедру сравнительных исследований античных религий в Коллеж де Франс, хорошо знаком российскому читателю по его интеллектуальному бестселлеру конца 1980-х – «Происхождение древнегреческой мысли». Также и последняя большая монография автора «Пересеченная граница» (2004) получила большой резонанс в европейской эпистемологии. Данный труд, выпущенный в честь знаменитого ученого, подобрал в себя ряд интересных работ, посвященных универсальному характеру религиозной веры, становлению

рациональной мысли, истории и психологии религии. Основной пафос исследований состоит в «признании за феноменом религиозного статуса объекта познания, равному любому другому объекту научного исследования». Жан-Пьер Вернан по праву считается одним из пионеров в исследовании «примитивного человека», его «бытия-в-мире» (*être au monde*) **через призму социального и исторического контекстов**, изучаемых такими гуманитарными науками, как лингвистика, этнология, археология и др.

Gnassounou, Bruno. Les dispositions en philosophie et en sciences. CNRS. Avril 2006. 266 p.

Бруно Нассуну. Способности [субстанций] в философии и науках.

С возникновением современной философии в XVII столетии понятие способностей или сил, присущих различного рода веществам и субстанциям, получило мрачную репутацию препятствия на пути рационального познания природы. Так, опиуму приписывалась способность усыплять или усыпляющая сила, что представляло собой лишь избыточную констатацию каузальной воздействия принятия опиума на состояние человека. Философия науки XX столетия имела все основания для того, чтобы избавиться от такого рода предикатов (способности растворения, возгорания, проводимости, хрупкости, etc.) в научном языке. Ведь, казалось бы, никакой критерий *наблюдения* не может послужить основанием для атрибуции растворимости объекту, который еще не был погружен в воду. В данном издании, однако, напротив, утверждается неизбежность обращения к данному виду «дискурса» во многих типах научных объяснений. Для их анализа развивается новая логика условных контрафактических высказываний, призванная, помимо прочего, объяснить наличие «исключений в законах природы». Так, утверждается, что приписывание сил или способностей элементарным частицам оказывается научно-плодотворным в квантовой механике.

Ansaldi, Saverio. Nature et puissance: Giordano Bruno et Spinoza. Kime. Mar 2006, 158 p.

Саверио Ансалди. Природа и потенция: Джордано Бруно и Спиноза.

Основной интерес автора книги обращен к антропологическим следствиям бесконечности природы. Для ответа на этот вопрос исследователь обращается к наследию Дж. Бруно и Б.Спинозы, вы-

являя и сравнивая их эпистемологические подходы. Специальному эпистемическому анализу подвергается понятие «потенции» – бесконечной мощи на службе бесконечной вселенной, неистощимой природной продуктивности. Эпистемологический интерес автора обращен к этому понятию, поскольку именно оно, по мысли этих мыслителей, давало возможность познания трансцендентного божества посредством обращения к когнитивно-доступным природным процессам.

Nichinian, Marc. La perversion historiographique. Léo Scheer. 211 p., Fév 2006.

Марк Нишьян. Искажение историографии.

Автор, профессор Колумбийского университета, обращается к проблеме истины в исторической науке, а также эпистемическому статусу исторического свидетельства и исторического факта. В своих исследованиях М.Нишьян опирается на труды Ж.-Ф. Лиотара, Ж.Агамбена, Р.Антельма и Ж.Дерриды. В *case study*, посвященном геноциду армян в начале прошлого столетия, автор рассматривает интерпретации этого события различными национальными историческими школами.

Kracauer, Siegfried. L'histoire: Des avant-dernières choses. Stock. Fév 2006. 367 p.

Зигфрид Кракауэр. История: предпоследние вещи.

Последний манускрипт Зигфрида Кракауэра оставался неопубликованным до его смерти в 1966 г. Книга представляет собой рефлексию на тему исторической реальности и теории истории. Автор сопоставляет научно-исторические традиции, прежде всего – немецкую, французскую и англосаксонскую. Исследователь «разоблачает» миражи «всемирной истории» – «иллюзию больших линейных хронологий», выявляя дисконтинуальный и фрагментарный характер прошлого. В своем анализе исторической памяти Кракауэр привлекает методологию таких разных мыслителей как Эразм Роттердамский и Марсель Пруст, Карл Бурхард и Марк Блок. Зигфрид Кракауэр один из знаменитых интеллектуалов Веймарской республики, с 1933 жил во Франции, а затем – в США.

Tonglet, Benoît. Une critique de la raison économique: Connaissance et épistémologie en économie. Pleins feux. Jan 2006.

Бенуа Тонгле. Критика экономического разума. Познание и эпистемология экономики.

Описывая различные экономические школы, автор приходит к выводу о неизменно присущим им всем «экономическом конформизме». Свою задачу исследователь видит в критике устоявшихся постулатов экономической науки, в выявлении фиктивности макроэкономических понятий «рыночной», «реальной», «монетарной» экономик, понятия экономической устойчивости, а также микроэкономических понятий экономического мотива, недостаточности ресурсов, конкуренции и эффективности. Автор развивает междисциплинарный подход, требующий синтеза экономической науки и достижений политэкономии, истории экономики, теории прогресса.

Forest, Denis. Histoire des aphasies: Une anatomie de l'expression. Presses Universitaires de France – PUF, Jan 2006. 351 p.

Дени Форэ. История афазии: анатомия выражения.

Афазия – потеря речи вследствие травмы головного мозга – рассматривается в книге как интересный теоретико-познавательный случай, требующий междисциплинарного сотрудничества нейронауки, психологии и лингвистики. В книге собран обширный материал, касающийся современного состояния исследований головного мозга, в особенности, отвечающих за речевые функции центров Вернике и Брока. Современные научные данные получают философскую интерпретацию с позиции подходов А.Бергсона, Э.Кассирера и М.Мерло-Понти. Такого рода междисциплинарный анализ призван дать ответы на фундаментальные эпистемические вопросы: о соотношении языка и мышления, нормальности и патологии, рецептивности и креативности.

Moulines, Carlos-Ulises. La philosophie des sciences: L'invention d'une discipline (fin XIXe – début XXIIe siècle).

Карлос-Улис Мулин. Философия наук: изобретение одной дисциплины (конец XIX – начало XXI в.).

В книге реконструируется история и процесс институционализация философии науки. Авторы настаивают на том, что данная дисциплина существует чуть больше столетия. При этом эволюция эпистемологии, по их мнению, четко подразделяется на четыре этапа: протофилософия науки (phase de préformation) с 1890 по 1918,

взросление (éclosion) с 1918 по 1935, парадигмальное состояние (phase modélistique) с 1935 по 1970 и, наконец, современное состояние. Отдельное место в этой классификации занимает, правда, фаза исторической философии науки – с 1960 по 1985. Улис Мулин, по происхождению венесуэлец, в данный момент работает директором института логики и философии наук Мюнхенского университета.

Остальные работы в области франкоязычной эпистемологии, вышедшие в середине 2000-х, смотрите в нижеследующем списке.

Varenne, Franck. Les notions de métaphore et d'analogie dans les épistémologies des modèles et des simulations. Editions Pétra. Jan 2006, 96 p.

Франк Варен. Понятия метафоры и аналогии в эпистемологии моделей и симуляций.

Frega, Roberto. John Dewey et la Philosophie Comme Epistemologie de la Science. L'Harmattan, 137 p., Jui 2006.

Роберто Фрега. Джон Девью и философия как эпистемология науки.

Dupouey, Patrick. Epistémologie de la biologie: La connaissance du vivant. Nathan Université, 128 p., Mar 2006.

Патрик Дюпюю. Эпистемология биологии: Познание живого.

Oulahbib, Lucien-Samir. Méthode d'évaluation du développement humain. Editions L'Harmattan. Jan 2006, 176 p.

Люсьен-Самир Улабиб. Метод оценки человеческого развития.

Jean-Jacques Salomon. Les Scientifiques: Entre pouvoir et savoir. Albin Michel, 2006. 16 p. ISBN-10: 2226171088.

Жан-Жак Салмон. Ученые: Между знанием и умением.

Philippe Artières. Rêves d'histoire: Pour une histoire de l'ordinaire. Les Prairies Ordinaires, 2006. 169 p.

Филипп Артиэр. Исторические мечты: об истории обычного.

Stéphane Mosès. L'Ange de l'Histoire: Rosenzweig, Benjamin, Scholem. Editions Gallimard, 2006. 390 p.

Стефан Мозе. Хранители истории: Розенцвейг, Бенжамен, Шолем.

L'archéologie, instrument du politique? Archéologie, histoire des mentalités et construction européenne. CRDP de Bourgogne, 2006. 171 p.

Археология – инструмент политики? Археология, история европейского менталитета.

Jean-Marc Lévy-Leblond. La vitesse de l'ombre: Aux limites de la science. Seuil, 2006. 263 p.

Жан-Марк Леви-Леблон. *Скорость тени: В границах науки.*

Jean Milet. *Ontologie de la différence: Une exploration du champ épistémologique.* Beauchesne, 2006. 318 p.

Жан Миле. *Онтология различия: Исследование эпистемологического поля.*

Gérard Figari, Lucie Mottier Lopez, Collectif. *Recherche sur l'évaluation en éducation: Problématiques, méthodologies et épistémologie.* L'Harmattan, 2006. 465 p.

Жерар Фигари, Люси Мотье Лопец и др. **Оценка в воспитании: проблематика, методология и эпистемология.**

Pierre Ancet. *Phénoménologie des corps monstrueux.* Presses Universitaires de France – PUF, 2006. 178 p.

Пьер Ансе. *Феноменология чудовищных тел.*

Jean-Pierre Fortin et Thomas De Koninck *L'apparaître humain: Essai sur la signification philosophique du principe anthropique.* Institut Epistemologique Lyon, 2006. 647 p.

Жан-Пьер Фортен и Томас Де Коненк. **Человеческая явленность: о философском значении антропического принципа.**

Joseph-François Kremer. *Les formes symboliques de la musique.* L'Harmattan; édition: édition revue et augmentée, 2006. 158 p.

Жозеф-Франсуа Кремер. *Символические формы музыки.*

Sarah Carvallo, Sophie Roux, Sonja Brentjes, Hugues Chabot, Collectif. *Du nouveau dans les sciences.* Librairie Philosophique Vrin, 2007. 573 p.

Сара Карвалло, Софи Ру, Соня Брантье, Уг Шабо и др. *Новации в науке.*

Jean-Claude Passeron, Jean Boutier, Jacques Revel, et Collectif. *Qu'est-ce qu'une discipline?* EHESS, 2007. 260 p.

Жан-Клод Пассерон, Жан Бутье, Жак Ревэль и др. **Что такое дисциплина?**

Pierre Cossette. *L'inconduite en recherche: Enquête en sciences de l'administration.* Presses de l'Université du Québec, 2007. 140 p.

Пьер Косет. *Безнравственность в исследовании: исследование в административных науках.*

Jean-Louis Le Moigne, Edgar Morin, et Collectif. *Intelligence de la complexité: Epistémologie et pragmatique – Colloque de Cerisy.* L'Aube, 2007. 457 p.

Жан-Луис Ле Муань, Эдгар Морен и др. *Понимание сложности: эпистемологический и прагматический аспекты.*

Laurent-Michel Vacher. La passion du réel: La philosophie devant les sciences. Liber. 2007. 230 p.

Лорен-Мишель Вашэ. Страсть по реальному: философия перед лицом науки.

* * *

Наличие собственной, мощной и самобытной, до сих пор сохраняющей влияние на интеллектуальный мир философской традиции (структурализм-постструктурализм-постмодерн), укорененной в лингвистических темах и в сильной степени тяготеющей к иррационализму, определяет специфику подхода к эпистемологической проблематике у французских авторов. Классическое эпистемологическое сознание воспринимается во французской интеллектуальной среде главным образом либо в качестве объекта исторического исследования, либо объекта критики. Что недвусмысленно отражено в публикациях во второй половине 2000-х.

Эпистемология социологии: парадигмы для XXI в. (Jacquemain, M., Frère, B. (eds.) Epistémologie de la sociologie: Paradigmes pour le XXIe siècle. Brussels: De Boeck, 2008.)

Исходной проблемой данного сборника работ коллектива авторов является вопрос о том, как сочленяются «научная» установка социолога и «обыденное» понимание изучаемых им действующих агентов. Следует ли априорно разделять эти два полюса для того, чтобы достигнуть цели научного исследования или же наоборот: совмещать их в рамках единого диалога? Значительное развитие социальных наук на протяжении последнего полувека не привело к однозначному ответу на данный вопрос. Скорее наоборот: чем больше социальные науки (в особенности, социология) исследовали конкретные социологические объекты, тем больше размножались позиции по данному вопросу. Данная книга представляет собой исследование этой нередуцируемой плюралистичности. В ней предоставлен обзор некоторых наиболее современных социологических концепций с тем, чтобы вскрыть перспективы и горизонты каждой из них, а также с тем, чтобы познакомить читателя с тем преломлением взгляда, которое необходимо для схватывания того, из чего состоит социальный мир.

Гриньон К., Кордон К. *Науки о человеке и науки о природе: очерки по сравнительной эпистемологии.* (Grignon C., Kordon C. *Sciences de l'homme et sciences de la nature: Essais d'épistémologie comparée.* Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 2009.)

Данная книга представляет собой новейшие исследования в области соотношения гуманитарных и естественных наук. Отправными точками исследования здесь являются такие классические вопросы для данной области философии науки, как вопрос о том, являются ли гуманитарные науки науками в подлинном смысле этого слова или же они оказываются интеллектуальными практиками, более близкими к искусству и литературе? Обусловливается ли различие между гуманитарными и естественными науками лишь их методологией или также различием стилей гуманитарного и естественнонаучного мышления, и совершенно несводимыми друг к другу пониманиями таких фундаментальных понятий, как объяснение и причинно-следственные связи? Не оказываются ли эти различия непреодолимым препятствием для возможности обсуждения идеи единой науки и единого научного знания?

Авторы и редакторы книги, социолог Клод Гриньон и биолог Клод Кордон (1934–2008), проводят компаративный анализ методологии таких дисциплин, как математика и социология, физика и эпидемиология, химия и музыковедение, нейробиология и археология. На примере анализа тех методологических трудностей, с которыми сталкиваются указанные науки, и тех способов, которыми они их преодолевают, авторы стремятся пролить свет на эпистемологические предпосылки, лежащие в основании каждой дисциплины. Результатом данного исследования оказывается новая типология научных дисциплин.

Вион-Дюри Ж., Кларак Ф. *Построение научных понятий: между артефактом, образом и воображаемым.* (Vion-Dury J., Clarac F. *La construction des concepts scientifiques: Entre l'artéfact, l'image et l'imaginaire.* Paris: L'Harmattan, 2008. – 153 p.)

Данное издание является сборником работ участников коллоквиума по теме образы науки, организованного в 2006 г. в Марселе в рамках проекта Cognisud (Юго-восточная сеть когнитивных наук). В этих текстах подробно исследуется та роль, которую в ряде на-

учных дисциплин играют образы (рисунки) как средства, при помощи которых осуществляется построение теории, или же как иллюстрации тех аспектов реальности, на которых исследователи основывают свои доказательства. Впервые исследованы такие темы, как ограниченность нашего глазного яблока и его влияние на формирование тех или иных образов, зависимость нашего видения пространства от наличия света, влияние рисунков М.Фарадея на развитие его теорий. Отдельный раздел издания посвящен роли образов в нейронауках, в частности в гистологии и нейрофизиологии. Здесь также исследуется эволюция образов мозга в науке и медицине.

Юнман Ф. Метафизика и биология: Кант и конституирование понятия организма. (Huneman P. Métaphysique et biologie: Kant et la constitution du concept d'organisme. Paris, 2008. – 534 p.)

Книга Филиппа Юнмана, научного сотрудника Института истории и философии технических наук (Национальный центра научных исследований – Университет Париж I – Сорбонна), посвящена анализу зарождения и конституирования фундаментальных понятий современной биологии на материале «Критики способности суждения» И.Канта. Кант жил во времена многочисленных размышлений и дискуссий среди ученых, которые сегодня считаются обусловившими зарождение современной биологии. «Критика способности суждения» является хорошей иллюстрацией трансформаций тех базовых концептов, благодаря которым появилась современная биология. В своей книге Ф.Юнман пытается отследить те причины, в силу которых Кант, начиная с критики понятий случайности и целесообразности в классической метафизике, приходит к анализу целесообразности в природе, в особенности категории организма. Исследование продолжается рассмотрением изменений, которые претерпело в работах Канта понятие целесообразности, начиная с его понимания как единого основания доказательства бытия Бога (1763). Генезис данных трансформаций позволяет автору усмотреть основные факторы конституирования понятия организма учеными второй половины XVIII в., а также показать, как кантовские понятия регулятивного принципа и цели природы, необходимые для понимания идеи организма, проясняют такие современные понятия, как вид, среда, эпигенез, функции и нормы, адаптация.

Оке Т. *Дарвин против Дарвина: как читать «Происхождение видов»?* (Hoquet T. *Darwin contre Darwin: Comment lire L'Origine des espèces?* Paris, Le Seuil, 2009. – 438 p.)

Тьерри Оке (Философский факультет университета «Париж X» в Нантере) анализирует фундаментальную работу Ч.Дарвина «Происхождение видов» на предмет установления оснований существующих сегодня споров вокруг дарвинизма и его интерпретаций. Автор утверждает, что установление принципа естественного отбора не является единственной целью, которую ставит Дарвин. Немаловажным значением, по мнению Оке, также обладают размышления Дарвина о существующих (наследуемых) вариациях, причинах, которые их порождают, и тех законах, в силу которых эти вариации сохраняются или, наоборот, исчезают. По мнению автора, конкуренция этих двух тем оказала влияние на последующую рецепцию книги Дарвина, которое выразилось в появлении различных видов дарвинизма и антидарвинизма. Дополнительным фактором появления различных интерпретаций дарвинизма также стали модификации текста, осуществленные самим Дарвином в его переизданиях. В результате автор приходит к целой типологии (или, как он говорит, «палитре») различных направлений дарвинизма и антидарвинизма, берущих свое начало из одного и того же текста Ч.Дарвина.

Ришар С. *Семантическое понятие истины.* (Richard S. *La conception sémantique de la vérité.* Louvain-la-Neuve, 2008. – 251 p.)

Пятый том «Вестника Центра логики» (Лувенский католический университет, Бельгия) посвящен анализу концепции истины А.Тарского и, в частности, той критике, которую эта концепция обретает сегодня в работах Я.Хинтикки. Из двух главных результатов, полученных Тарским в работе «Понятие истины в формализованных языках» (определения семантического понятия истины для формализованных языков и доказательство теоремы о неопределимости предиката «истинно» в рамках объектного языка), Я.Хинтикка исследует второй из них в своей работе «Пересмотр принципов математики» (1996). Автор данной книги Себастьян Ришар исследует философскую и логическую значимость теоретико-игровой семантики Хинтикки применительно к понятию истины и то, насколько предлагаемые Хинтиккой результаты обуславливают возможность формулировки определения понятия истины в терминах объектного языка.

Ривенк Ф., Сандю Г. *Между логикой и языком.* (Rivenc F., Sandu G. *Entre Logique et langage.* Paris, J. Vrin, 2009. – 172 p.)

Книга профессоров философии логики и языка Университета «Париж I» Ф.Ривенка и Г.Сандю представляет собой компаративное исследование двух ключевых традиций, оказавших сильнейшее влияние на философию XX в.: лингвистики и философской логики языка. Авторы пытаются опровергнуть бытующее мнение о том, что две указанные традиции находятся в оппозиции по отношению друг к другу, поскольку первая ориентирована преимущественно на исследование синтаксиса языка, а вторая – на семантику. Эту задачу они осуществляют, предлагая исследование в области истории идей, выявляющее этапы продуктивного взаимодействия двух дисциплин на протяжении XX в. Первая часть книги демонстрирует, как априорные теории значения (Гуссерль, Фреге и Рассел) обусловили появление исследований в области формальной грамматики. Вторая часть посвящена анализу условий возникновения и развития проекта генеративной грамматики (50–70-е гг. прошлого века) Н.Хомского и его противостояния с проектом логики Р.Монтегю. Третья часть книги посвящена описанию современных исследований в области неопределенных выражений и анафорических отношений. Именно они, по мнению авторов, позволяют достичь окончательного понимания соотношения синтаксиса и референции в адекватных эмпирических терминах.

Ж.-Д.Понси. *Биология старения: новый взгляд на науку и общество.* (Ponci J-D. *La biologie du vieillissement: Une fenêtre sur la science et sur la société.* Paris, 2008. – 288 p.)

Книга профессора философии биологии Жана-Давида Понси посвящена исследованию феноменов старения и смерти. Отдавая должное достижениям биологии в объяснении этих двух феноменов, проводит философский анализ предрассудков относительно «мифа молодости», которые лежат в основе многих исследований в этой области, и того, как эти предрассудки формируют образ человека в современной науке. На примере анализа детерминированности научных результатов ненаучными установками исследовательских сообществ автор демонстрирует наличие более широкого спектра эпистемологических предпосылок в науке, чем зачастую принято считать.

Паррокия Д. *Форма кризисов: логика и эпистемология.* (Parrochia D. *La forme des crises: Logique et épistémologie.* Editions Champ Vallon, 2008. – 344 p.)

Данная работа профессора по логике и философии науки Университета «Лион III» им. Ж.Мулена Даниэля Паррокия посвящена отнюдь не техническим аспектам логики или методологическим характеристикам науки, а анализу понятия кризиса в самом его широком понимании в современном мире. Речь идет о кризисах экономических, политических, общественных и др. в рамках специфических условий современности: глобализация, комплексный характер современных обществ, развитие технологий и т. д. Автор разрабатывает количественные и качественные модели, способные описывать и объяснять указанные феномены. Свою «логику кризиса» автор представляет как новый вызов рациональности.

Андель П. Ван, Бурсье Д. *О серендипности в науке, технике, искусстве и праве: уроки неожиданного.* Andel, P.Van, Bourcier D. *De la sérendipité dans la science, la technique, l'art et le droit: Leçons de l'inattendu.* Chambéry: L'ACT MEM, 2008. – 298 p.)

Серендипность (serendipidity) – термин, введенный в оборот в середине XVIII в. английским писателем Х.Уолполом, для обозначения открытия, совершенного вне преднамеренных целерациональных действий. В современной неклассической эпистемологии и философии науки данный термин обретает все большую популярность в рамках исследований факторов и обстоятельств, обуславливающих научное открытие. Книга Пека Ван Анделя (исследователя медицинских наук в Университете Гренингена, Германия) и Даниэль Бурсье (сотрудницы Национального центра научных исследований, Франция) знакомит широкий круг читателей с теорией и практикой серендипности, ее типами и различными случаями проявлений.

Денис Вернан. *Дискурс и истина: прагматический, диалогический и праксеологический анализ истинности.*

Denis Vernant. *Discours et vérité: Analyses pragmatique, dialogique et praxéologique de la vérité.* Vrin, 2009.

Западная философия всегда видела своей целью поиски истины. Профессор философии Денис Вернан, преподающий в Университете в Гренобле логику, прагматику и праксеологию и

возглавляющий исследовательскую группу «Философия, языки и познание», предлагает привлечь логику и философию языка с целью дать прагматическое определение истинностным утвердительным и отрицательным высказываниям, которые в совокупности составляют оценивающие и исключающие высказывания, являясь простым рассуждением; при этом следует аксиоматизировать их взаимоотношения оппозиции; следует построить диалогическую логику истинности, способную как показать формальную корректность, так и выработать «материальную» прозаическую истину; определить условия установления истинности в различных регистрах истинности. Все это позволит создать действенную альтернативу корреспондентной и основанной на репрезентации модели истины, доставшейся нам еще от античности.

Филип Китчер. Наука, истина и демократия.

Kitcher. Science, vérité et démocratie. Presses Universitaires de France – PUF, 2010.

Вопросы, связанные с ценностью науки, обретают в начале XXI столетия особую важность. Есть даже основания утверждать о разразившейся войне двух противоположных взглядов на эту проблему. Что, в свою очередь, свидетельствует о наличии стойкой необходимости выработать более убедительную установку в отношении места наук в демократическом обществе. Данная работа профессора философии, специализирующегося на философии наук, Ф.Китчера, преподававшего в университетах Вермонта, Миннесоты и Калифорнии (Сан Диего), а в данный момент работающего в Колумбийском университете, ставит перед собой именно эту задачу.

Франсуа-Давид Себба. Что такое “технонаука”: эпистемологический тезис или порождение дьявола?

François-David Sebbah. Qu'est-ce que la “technoscience”: Une thèse épistémologique ou la fille du diable? Editions Les Belles Lettres, 2010.

Термин «технонаука», возникший в междисциплинарном пространстве эпистемологии, экономики и политики еще в 1960-е гг., постепенно перестает быть исключительно негативно нагруженным понятием, задействованными в критическом дискурсе журналистов и активистов, превращаясь благодаря философскому анализу в исходную точку рефлексии о новом типе отношений между

наукой и техникой. Автор – Ф.-Д.Себба (Университет Технологии в Компьене) – последователь Левиноса, исследует вопросы техники в контексте проблематики когнитивных наук и феноменологии, не обходя вниманием и этический аспект.

Жан-Люк Гише и коллектив авторов. От животного-машины к душе машины: биомеханический спор о душе (XVII–XXI в.).

Jean-Luc Guichet et Collectif. De l'animal-machine à l'âme des machines: Querelles biomécaniques de l'âme (XVIIe-XXIe siècle). Publications de la Sorbonne, 2010.

Начало спору, о котором идет речь в данном издании, положено Декартом, представившим, с одной стороны, организм как машину, а с другой, отказавшим животному в обладании душой, разорвав тем самым иерархическую цепочку от животного к человеку. Двадцатый век с его повышенным интересом к теме машинерии, в том числе, и машинерии сознания/бессознательного, вернул актуальность взаимоотношению понятий организм/машина/душа.

Пьерр Кассу-Ногге. Край опыта. Космологическое эссе.

Pierre Cassou-Noguès. Le bord de l'expérience. Essai de cosmologie. Presses Universitaires de France – PUF, 2010.

Данная попытка синтеза космологии Уайтхеда и онтологии позднего Мерло-Понти должна, по замыслу автора, до определенной степени реабилитировать сданное было в архив понятие субъективности, а именно – субъекта восприятия, уточнив его позицию в поле восприятия. Фоном служит космологическая проблематика с ее задачей помыслить сосуществование различных сущностей и событий в одном общем для них плане опыта.

Жерар Вайсбух, Андрэ Цвирн и коллектив авторов. Что сегодня называют комплексными науками? Языки, сети, рынки, территории.

Gérard Weisbuch, André Zwirn, et Collectif. Qu'appelle-t-on aujourd'hui les sciences de la complexité? Langages, réseaux, marchés, territoires. VUIBERT, 2010.

Теория комплексных систем, также называемая комплексными науками, покрывает обширное концептуальное пространство; она затрагивает значительные регионы физики (разупорядоченные структуры, феномены перколяции и т. д.), биологии (генетическая, иммунная система, экологические системы и т. д.), а также целый ряд

когнитивных, экономических и социальных наук. Книга опубликована при содействии Института истории и философии науки и техники и частично включает материалы коллоквиума «Комплексные системы в гуманитарных и социальных науках», организованного Международным культурным центром в Серизи-ля-Салль.

Арман де Рикле, Жан Гайон. Функции: от организмов к артефактам.

Armand de Ricqlès, Jean Gayon. Les fonctions: des organismes aux artefacts. Presses Universitaires de France – PUF, 2010.

Жан Гайон, профессор философии и истории науки в Университете «Париж I» – Пантеон, Сорбонна, и Арман де Рикле, возглавляющий кафедру исторической биологии и эволюционизма в Коллеж де Франс, исследуют понятие функции, заслужившее репутацию скандального в эпистемологическом отношении по причине того, что его смысл, как кажется, подрывает принципы стандартного употребления категории причинности, объясняя биологические особенности через их следствия. Книга знакомит нас с двумя принципиально различными современными теориями функции: эволюционистской и системной – и предлагает к обсуждению вытекающие из этих подходов проблемы. Дается историческая реконструкция возникновения термина и понятия функции в контексте естественных наук и медицины (где в последнее время патология описывается в терминах «дисфункции»), а также в связи с технологической проблематикой, где функциональный дискурс имеет не менее давнюю историю.

Жоселин Бенуа. Концепт: введение в анализ.

Jocelyn Benoist. Concepts: Introduction à l'analyse. Cerf, 2010.

Жоселин Бенуа, профессор Университета «Париж I» – Пантеон, Сорбонна, директор архива Гуссерля в Париже, рассуждает о том, что такое концепт и мысль вообще. Каковы основания различия между концептуальным и неконцептуальным? (Понятийным и непонятийным?) Не является ли эта вещь – концепт – самой реальностью? И не означает ли это автоматически, что мы как раз способны помыслить вещи «как они есть»?

Поль Вирильо. Кибермир, политика наихудшего.

Paul Virilio. Cybermonde, la politique du pire. Textuel, 2010.

Пожалуй, это первая критическая работа, посвященная последствиям «виртуальной волны». Поль Вирильо написал книгу-разоблачение опасностей, исходящих от Интернета, восстав против фантазма виртуальной демократии и призывая к сопротивлению. Книга содержит его размышления о моральных, политических и культурных последствиях прихода кибермира.

Лоранс Ванин-Верна. Случай сознания. Мир – другое или я?
Laurence Vanin-Verna. Cas de conscience. Le monde, autrui ou moi?
Ellipses Marketing, 2010.

Опыт сознания выстраивает себя вокруг пережитого, в котором самосознание кажется самоочевидным, как и встреча с миром, воспринимающимся как нечто другое, отличное от себя. Каковы характеристики связей между сознанием и тем, что его окружает? Как определить эту встречу с миром и с другим? Как сохранить себя и сделать чище эти отношения? Как действовать? Как отыскать такой коллективный проект, в рамках которого каждый действовал бы ради себя самого, одновременно принося пользу всем, не отказываясь от собственной самости? Таковы цели реальной встречи с миром, с другим; таков на заре XXI в. «мой» случай сознания. Автор данной работы – доктор политологии и эпистемологии, профессор философии и политологии в ряде высших учебных заведений Франции.

Е.О. Труфанова

Эпистемология в изданиях Института философии РАН

Исследования в области эпистемологии осуществляются, главным образом, сотрудниками Отдела эпистемологии и логики Института философии Российской академии наук. Отдел возник в 1990-е гг. и на сегодняшний день состоит из четырех секторов: сектора теории познания, сектора эволюционной эпистемологии, сектора социальной эпистемологии и сектора логики.

Старейшим сектором не только отдела, но и всего Института является сектор логики, созданный в 1947 г. Настоящего расцвета сектор достиг, когда его возглавил В.А.Смирнов, в 1987–1996 гг. При нем в 1993 г. впервые выходит в свет ежегодник «Логические исследования», в котором публикуются важнейшие достижения логической науки и который продолжает выходить и по сей день. Сектор прославили такие философы, как П.В.Таванец, Д.П.Горский, Б.Н.Пятницын, Е.А.Сидоренко, Г.И.Рузавин и Е.Д.Смирнова. С 1955-го по 1976 г. там работал выдающийся российский философ, автор оригинальной логической концепции А.А.Зиновьев. На данный момент сектором логики руководит доктор философских наук А.С.Карпенко.

Следующий по старшинству – сектор теории познания, возникший в 1977 г. на базе бывшего сектора диалектического материализма, которым с 1969 г. заведовал В.А.Лекторский. Академик РАН В.А.Лекторский до сих пор руководит этим сектором и возглавляет Отдел эпистемологии и логики. Начиная с 1960-х гг. в секторе диалектического материализма, а затем теории позна-

ния, работали такие выдающиеся философы, как Э.В.Ильенков, Г.С.Батищев, Е.П.Никитин, Н.Н.Трубников. В 1960-е и 1970-е гг. в сектор пришли В.С.Швырев, Н.С.Автономова, В.П.Филатов, И.Т.Касавин, В.Н.Порус, М.А.Розов, Ф.Т.Михайлов и др.

Сектор эволюционной эпистемологии был создан в 1992 г. на базе сектора философских проблем мышления и творчества, образованного в Институте философии АН СССР в 1986 г. Возглавил сектор и руководил им до 2008 г. доктор философских наук И.П.Меркулов. На данный момент сектором заведует доктор философских наук Е.Н.Князева.

Самый молодой сектор – сектор социальной эпистемологии – появился в 2005 г. Его возглавляет член-корреспондент РАН И.Т.Касавин. Институционализация направления социальной философии в виде отдельного научного подразделения является новшеством не только в российской, но и в мировой философской практике, несмотря на то, что направление социальной эпистемологии получило широкое распространение в мире, прежде всего в англо-американской философской традиции. На базе сектора выпускается журнал Института философии РАН «Эпистемология и философия науки». Состав сектора включает известных специалистов в области эпистемологии – Л.А.Маркову, А.Л.Никифорова.

Однако особо следует подчеркнуть активную работу заведующего сектором И.Т.Касавина по привлечению к работе в секторе большого количества молодых исследователей и специалистов, демонстрирующих серьезные успехи в своих областях. Среди молодого поколения сотрудников сектора следует назвать Е.В.Вострикову (специалист в области философии языка и сознания, формальной семантики), П.С.Куслия (современная аналитическая философия), О.Е.Столярову (исследования науки и технологии), П.А.Сафронову (онтология и эпистемология институтов), А.Ю.Антоновского (проблемы социальной теории и эпистемологии), А.С.Игнатенко (эпистемология постмодерна).

Ежегодно отдел выпускает порядка двух десятков книг. Темы, которые интересуют авторов, разнообразны, и отдел активно сотрудничает с представителями других направлений философии и других дисциплин, что можно заметить по авторскому составу коллективных трудов, выпускаемых в отделе. Фундаментальная база теории познания и логики сочетается в этих работах с меж-

дисциплинарными исследованиями, и сотрудники обращаются в своих научных трудах к актуальным темам, касающимся не только развития самой философии и новейших тенденций в теории познания, но и различных сфер научной, культурной и общественной реальности.

Мы предлагаем ознакомиться с обзором тех работ, которые вышли в свет в 2008 г.

Сектор теории познания

Познание, понимание, конструирование. Отв. ред. В.А.Лекторский. М.: ИФРАН, 2008.

В этом коллективном труде приняли участие сотрудники сектора теории познания. Ключевой темой всего труда стало изучение двух противостоящих тенденций в теории познания: реализма и антиреализма, а также проблема конструирования и мифотворчества, их соотношение с познанием. Предлагается новый взгляд на дискуссии относительно фундаментальных наук о природе, обществе и человеке. В рамках заданной проблематики рассматриваются ценностный аспект познания, проблема релятивизма в современной философии, связь философии и гуманитарного познания (через анализ механизмов языковой деятельности и символов) и др.

Конструктивизм в теории познания. Отв. ред. В.А.Лекторский. М.: ИФРАН, 2008.

В основу данной книги легли материалы конференции «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке», организованной сектором в октябре 2007 г. В книге представлены избранные доклады с наиболее интересными фрагментами дискуссий, возникших в ходе их обсуждения. Центральная тема данной книги – конструктивизм как направление в теории познания и близких дисциплинах. Вновь поднимается проблема противостояния реализма и конструктивизма, предлагается разрешение этой проблемы через введение конструктивного реализма (подход, предлагаемый В.А.Лекторским), дается анализ основ конструктивистского подхода, а также приложение его к отдельным проблемам – в социальном познании, в культуре, в философии сознания.

Когнитивный подход. Отв. ред. В.А.Лекторский. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008.

В этой работе собраны статьи, написанные членами разных секторов отдела эпистемологии и логики, а также приглашенными авторами. Центральной темой обсуждения стал когнитивный подход, к которому не только принадлежат различные так называемые когнитивные науки (когнитивная психология, исследования искусственного интеллекта, когнитивная лингвистика, когнитивные нейронауки), но который применяется в последнее время также в социальных науках, в теории биологической эволюции и др. Интересно, что в авторский коллектив включены психологи, которые более полно раскрывают проблему когнитивной науки в рамках своих профессиональных исследований.

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.

Работа ведущего научного сотрудника сектора доктора философских наук Н.С.Автомоновой посвящена проблеме перевода, и в особенности философского перевода. Автор делится своим богатым опытом по переводу работ французских структуралистов и постструктуралистов (Н.С.Автомоновой принадлежат первые в России публикации о М.Фуко и Ж.Лакане, а также переводы таких работ, как «О грамматики» Ж.Дерриды (пер. 2000 г.), «Слова и вещи» М.Фуко и др. (пер. 1994 г.) и др.), и на его основе демонстрирует эпистемологическую значимость проблемы перевода, показывая как фундаментальные стороны этой проблематики, так и частную специфику перевода философских текстов в России и выработки концептуального языка российской философии при переводе основных философских понятий. Автор подчеркивает особую важность перевода для рецепции иноязычных философских концепций на примере восприятия переводных работ французских философов в России.

Сектор эволюционной эпистемологии

Визуальный образ. Междисциплинарные исследования. Отв. ред. И.А.Герасимова. М.: ИФРАН, 2008.

Этот коллективный труд посвящен необычной теме визуального образа и его роли в познании. Это действительно междисциплинарное исследование, в котором визуализация рассматривается как сугубо с эпистемологической точки зрения, так и в синергетических концепциях, в искусстве, в политических и культурных дискурсах, в связи с проблемой телесности и т. п. Множество позиций и методологий авторов дает представление о сложности и разнообразии исследуемой тематики. В труде приняли участие как члены сектора, так и приглашенные авторы. Различные трактовки проблемы визуализации рассматриваются на примерах иконописи, образов природы в русской живописи, архитектурного образа Петербурга, проблемы экранизации литературных произведений, роли одежды и интерьера в пространственной структуре телесности и др.

Противоположности и парадоксы. (Методологический анализ). Отв. ред. И.А.Герасимова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». М., 2008.

Работа посвящена проблеме двойственности в самой широкой ее трактовке. Двойственность проявляется как поляризация, дополнительность, антиномия, парадокс. Вопросы познания противоположных начал рассматриваются в историко-культурном, методологическом, когнитивном, лингвистическом аспектах. Проблема двойственности (или ее отсутствия) рассматривается на примерах западных и восточных философских и культурных традиций, в различных логических системах, в синергетических процессах и даже в поэтической лексике. Одной из ключевых тем является тема парадокса в научных и культурных практиках. В качестве парадоксов рассматриваются чань-буддистские коаны, а западному учению о противоположностях противопоставляется холизм даосского учения об Инь-Ян и ряда других восточных концепций, в которых, в свою очередь, выявляется близость к синергетике. Целый раздел посвящен логическим аспектам проблемы парадоксов – от классической логики и апорий Зенона до парадоксов китайского софиста Гуньсунь Луна и исследования космологических принципов.

Многомерность истины. Под ред. А.А.Горелова, М.М.Новоселова. М.: ИФ РАН, 2008.

В коллективном труде собраны статьи, посвященные фундаментальной эпистемологической проблеме – проблеме истины. В нем рассматриваются различные концепции истины, возникшие в разное время в истории философии, роль проблемы истинности в научном знании, в языке, в мифологии, в эволюции, соотношение истины и интерпретации. Проводится анализ научных и вненаучных традиций познания, предлагаются новые аспекты в определении истины. Рассматривается понятие истины в синергетических и конструктивистских концепциях.

Майданов А.С. Методология научного творчества. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Монография доктора философских наук ведущего научного сотрудника сектора А.С.Майданова посвящена анализу процесса научного творчества. На основе обширного историко-научного материала автор рассматривает комплекс методологических проблем, связанных с научным мышлением. Автор предпринимает попытку ответить на такие интересные вопросы, как совершается научное открытие? как в науке возникает принципиально новое знание? Автор подробно рассматривает понятие открытия, его логику и типологию открытий.

Шульга Е.Н. Понимание и интерпретация. М.: Наука, 2008.

В центре данной книги, написанной доктором философских наук, ведущим научным сотрудником сектора Е.Н.Шульгой стоит классическая эпистемологическая проблема понимания. Главную роль в работе играет историко-философский анализ герменевтической традиции – от древнейших форм толкования мифов и снов к классической герменевтике христианских текстов и толкованию буддистских текстов. В заключительной части рассматривается проблема герменевтики в современной философии и когнитивных науках. Автор предлагает анализ разных типов понимания в их соотношении с разными моделями рациональности.

Сектор социальной эпистемологии

Проблема сознания в философии и науке. Под ред. Д.И.Дубровского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

В коллективном труде представлены работы большого коллектива авторов, включающего как философов, так и представителей точных наук (психологии, медицины, физики, биологии). В качестве приглашенного участника статью представил также известный британский философ Ром Харре. В труде освещается широкий спектр тем, связанных с проблемой сознания. Поднимается вопрос о материалистическом понимании сознания, анализируется связь сознания и познания, проблема субъективной реальности, самосознания и сознания другого, проблема нейронных сетей, морального сознания, компьютерных моделей сознания, проблема самоотождествления в качестве одного из главных механизмов сознания. Рассматривается также необычная тема «философских зомби». Сознание анализируется с точки зрения феноменологии, дискурс-анализа, универсального эволюционизма, социального конструкционизма. В работе представлены практически все возможные аспекты современной проблематики сознания, что делает ее особенно актуальной.

Понятие истины в социогуманитарном познании. Под ред. А.Л.Никифорова. М.: ИФ РАН, 2008.

Члены сектора социальной эпистемологии – авторы статей сборника рассматривают общие проблемы современной теории истины. Первая часть книги посвящена проблеме истины в эпистемологии. Анализируется классическая теория истины и указываются трудности, связанные с ее применением и предпринимаются попытки уточнить ее. Авторы рассматривают основные теории истины – корреспондентную, прагматистскую, когерентную, дефляционистскую, отмечают необходимость разного подхода к истине в классической и неклассической науке, изучают вопрос о соотношении понятий «истина» и «знание». Во второй части анализируется проблема истины в общественных науках и рассматривается возможность применения понятия истины в социальной философии (понятие истины в данном контексте связывается с герменевтикой, социологией познания, психологией и др.), в экономической теории, в реконструкции исторического процесса.

Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд. Под ред. И.Т.Касавина.

Проблема демаркации разных видов знания принадлежит проблемному полю классической философии науки, которое на рубеже XX и XXI, казалось бы, утрачивает актуальность. Однако взаимодействие философии науки и философии религии в изучении взаимоотношений философии, науки, религии и теологии вновь привлекает внимание к этой проблеме. Ограничена ли сфера знания исключительно наукой? Возможны ли критерии научности, в которые бы укладывалась теология как гуманитарная наука *sui generis*? Какой смысл вкладывается в понятие истины, если оно применяется для характеристики религиозно-теологического взгляда на мир? Предоставляет ли исторический анализ генезиса эмпирической науки основания для современного сближения научных и религиозных форм знания? Есть ли в теме взаимоотношения науки и религии элементы, несводимые к идеологии? Можно ли комбинировать научные и религиозные ценности в образовательном процессе? Эти и другие вопросы обсуждаются в книге, среди авторов которой философы, теологи и ученые ряда московских и региональных научно-исследовательских институтов и университетов.

Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

Заведующий сектором член-корреспондент И.Т.Касавин в своей новой книге анализирует последствия «лингвистического поворота» для ряда наук и, прежде всего, для эпистемологии. Уделяя особое внимание языковой репрезентации знания, автор демонстрирует, что языковые формы репрезентации знания не только влияют на его содержание, но и сами, в свою очередь, определяются условиями познания, деятельности и общения, расположенными за пределами языка. В монографии предлагается анализ ряда проблем, существующих в социологии, психологии, социальной антропологии, лингвистике, литературоведении – с точки зрения социальной эпистемологии. В качестве примеров автор обращается к богатым литературным источникам – от В.Шекспира и И.В.Гёте до И.Бродского и А.Белого. Работа И.Т.Касавина представляет фундаментальное исследование заявленных проблем с точки зрения социальной эпистемологии.

Никифоров А.Л. Философия и история науки. М.: Идея-Пресс, 2008.

Учебное пособие, подготовленное главным научным сотрудником доктором философских наук А.Л.Никифоровым охватывает ключевую проблематику философии науки, а также предлагает очерк истории основных научных идей, начиная со Средних веков, касаясь таких вопросов, как представления о строении вселенной, строении вещества и биологической эволюции. Автор рассматривает основные концепции философии науки XX в. (К.Поппер, Т.Кун, П.Фейерабенд, логический эмпиризм), вопрос о том, что является наукой, понятие научного факта. Он анализирует эмпирические методы научного познания, а также строение и функции научной теории. Отдельная глава посвящена раскрытию понятия научной рациональности. Пособие ориентировано в первую очередь на аспирантов всех специальностей и снабжено кратким словарем основных терминов.

Порус В.Н. У края культуры. Очерки о русской философской мысли от Владимира Соловьева до Густава Шпета. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

В книге доктора философских наук ведущего научного сотрудника В.Н.Поруса предлагается обзор русской философии Серебряного века и анализируются работы таких философов, как Л.И.Шестов, В.С.Соловьев, С.Н.Булгаков, П.Флоренский, Г.Шпет, С.Л.Франк. Вторая часть посвящена проблематике философии науки – вопросом определения круга проблем этой дисциплины, этики науки, понятия рациональности, особенностей синергетической интерпретации науки. В заключительной, третьей части книги автор предлагает свои размышления о духовной культуре современной России и России недавнего, советского прошлого.

Маркова Л.А. Человек и мир в науке и искусстве. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

В своей монографии ведущий научный сотрудник сектора, доктор философских наук Л.А.Маркова рассуждает о проблеме познающего субъекта в дискурсах научного и художественного творчества. Автор показывает, как в философии науки и искусстве XX в. роль субъекта переосмысливается. Выдвигается идея, что феноменологическим основанием нового типа мышления, пришедшего на смену способу мышления Нового времени, явля-

ется уже не наука, но искусство. В анализе науки автор обращается к работам Т.Куна, П.Дюгема, Р.Порти, Х.Патнэма, Р.Тома, а анализируя искусство, привлекает труды В.С.Библера, Ж.Делёза, Г.Зедльмайера, В.В.Кандинского.

Колпаков В.А.. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

В своей монографии старший научный сотрудник сектора кандидат философских наук В.А.Колпаков рассматривает с точки зрения социальной эпистемологии экономическую науку переходных периодов – перехода к постиндустриальному обществу на Западе, к индустриализму – на Востоке, перехода в посткоммунистическом мире – к капитализму, и перехода мировой экономики к эпохе глобализма. Автор проводит историческую реконструкцию экономической теории от А.Смита к неосмитианству и определяет сущность и причины экономического кризиса. Второй ключевой темой является анализ судьбы капитализма – его исторической эволюции и его возможного будущего.

Сектор логики

Карпенко А.С. Фатализм и случайность будущего: логический анализ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Эта книга является исправленным переизданием монографии 1991 г., написанной доктором философских наук, заведующим сектором логики А.С.Карпенко. Центральную роль в книге играют дискуссии о логическом и теологическом фатализме. Автор предлагает исторический обзор этих дискуссий, рассматривает логические аргументации фаталистических воззрений, а затем опровержения этих аргументаций с помощью логики. Автор раскрывает связь фаталистского подхода и тоталитаризма и демонстрирует средства, имеющиеся в неклассической логике, способные разрушить подобную аргументацию.

РАЗДЕЛ 2

РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ ПО ЭПИСТЕМОЛОГИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ В 2001–2011 гг.

И.Т. Касавин

Теория как образ и понятие Размышления о книге В.С.Стёпина «Теоретическое знание»¹

Воспоминание об образе

На пути от мифа к логосу греческая культура, постигая содержание этого пути, сформулировала связываемые сегодня с образом науки понятия «эпистеме» и «теория», содержащие множество отчасти утраченных в дальнейшем коннотаций: связь с письменностью, руководящей должностью, божественным происхождением, поэзией, созерцательным умозрением, пророчеством, предсказанием, движением звезд и пр. Ставшая термином как обыденного, так и специализированного научно-философского языка, «теория» сохранила в себе также и более широкое, общекультурное значение, подчеркивающее сложность и противоречивость познавательного процесса, проблематичность и одновременно высокую ценность познания вообще. Теория, первым воплощением которой стала античная астрономия, выразила собой, помимо прочего, и сущность человека, состоящую в его срединном положении между Небом и Землей: стоя на Земле, он поднимает глаза к Небу.

Овидий в «Метаморфозах» так повествует о создании Прометеем человека:

...ОТПРЫСК ЯПЕТА, ЕЕ (ЗЕМЛЮ. – И.К.) ЗАМЕШАВ РЕЧНОЮ ВОДОЮ,

Сделал подобье богов, которые всем управляют,

И, между тем как, склонясь, остальные животные в землю

Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо

В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 . В дальнейшем ссылки даются на данное издание путем указания страницы.

Уходящий в неразличимую для взгляда древность интерес первых наблюдателей направлен в целом на один из двух объектов. Это либо Небо, либо Земля, причем астральная религия зороастризма побуждает человека догадываться об их неравноценности, и понятия «выше» и «ниже» приобретают сакральный смысл. Боги (точнее, верховное и стремящееся к монотеистической интерпретации божество) переселяются с Олимпа и тому подобных, четко локализованных в пространстве мест на Небо как таковое. Поднимая глаза к Небу, человек получает представление о регулярности и законосообразности, а опуская к Земле, привносит, навязывает это представление ей. Человек обнаруживает законы на Небе и предписывает их Земле – таково следствие распространения астральной религии и того, что некоторые исследователи называют «программой космоизации» (*Деннерт В.* Мифические формы в науке. На примере понятий пространства, времени и закона природы // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996).

Варианты мифической программы космоизации мы находим в Античности, в Средние века и в Новое время, и все они обладают нормативным характером в той мере, в какой человек пытается подвести явления под извечный космический порядок. Выражение «подвести под определенную категорию», т. е. «подвести под закон», восходит именно к космоизирующему и одновременно теоретизирующему образу мысли, означающему, что Земля находится под Небом и, следовательно, под его упорядочивающей властью. Заимствованная из мифа, программа космоизации удивительным образом пережила все научные революции, поскольку философы, теологи и представители естественных наук неизменно пытались определить всё происходящее на Земле с помощью вечного порядка, который, по общему убеждению, царил во всём космосе. Научная теория и стала целостным выражением порядка природы, способом писания «третьей книги», созданной от первой до последней страницы не Богом, не божественной природой, а самим человеком. Единственное, что в этой книге осталось непостижимо высоким, это та богодухновенная одержимость и самоотверженность, напряженность творческой мысли, которые отличают работу великих ученых.

Астрономия как синтез наблюдения, математического вычисления, астрально-мифологических образов и аналогий на фоне практических потребностей стала прототипом эмпирической нау-

ки, подлинное явление которой предстояло пережить значительно позже. Мы вспоминаем об этих давних днях генезиса науки, быть может, потому, что современная постнеклассическая наука внезапно обнаруживает в себе черты, напоминающие об ее происхождении. Как представляется, основанием этому является рост рефлексивности и культурной нагруженности современной науки; самосознание её трезвеет и мудреет на рубеже тысячелетий, яснее видит свои возможности и границы, понимает значение философских, социальных, моральных проблем, сопровождающих науку на ее бесконечном пути. И современная научная картина мира отчетливо иллюстрирует этот факт. «Она во многом воплощает в себе, – подчеркивает В.С.Стёпин, – идеалы открытой рациональности, и ее мировоззренческие следствия коррелируют с философско-мировоззренческими идеями и ценностями, возникающими на почве различных и даже во многом противоположных культурных традиций» (с. 80).

Впрочем, открытость современной науки многообразию идей и образов, доступных современному образованному человеку, не отменяет, на мой взгляд, того обстоятельства, что все это многообразие уже содержалось в предпосылках, в генетических кодах европейской науки, которая временами забывала и отторгала от себя воспоминания о своем детстве. Китайский принцип у-эй поэтому просто напоминает нам сегодня о том, что мы живем не только и не столько в механической природе французских просветителей, но в Космосе Гомера и Платона, в ньютоновском «чувствилище Бога». Для того чтобы увидеть себя яснее, порой необходимо посмотреться в зеркало иной культуры. Не забудем и о том, насколько порой трудным оказывается принятие подобного решения.

На пути к понятию

Философская рефлексия о науке во все времена исходила из исторически складывающегося её образа и переосмысливала его в контексте внутридисциплинарной логики. Вместе с тем образ и понятие науки в значительной степени обязаны именно философскому взгляду на последнюю. В таком качестве и выступила философия науки как философское направление, которое избрало

своей основной проблематикой зрелую, классическую науку как эпистемологический и социокультурный феномен, а также выступило в качестве специальной философско-методологической дисциплины, предметом которой является научное знание.

Сегодня мы думаем о том, какие перспективы ожидают философию науки и весь куст эпистемологических исследований в грядущем веке. Новый труд академика РАН В.С.Стёпина «Теоретическое знание» дает этим размышлениям мощный импульс. Книга отличается своей системностью и фундаментальностью. Еще никогда в российской философии мы не сталкивались с такой объемной и энциклопедической работой, посвященной основным проблемам анализа научно-теоретического знания и познания. Будучи опубликована на рубеже столетий, данная книга не только обобщает исследования В.С.Стёпина, но и в известной мере подводит итог дискуссиям в мировой философии науки вообще.

Напомним, что термин «философия науки» (Wissenschaftstheorie) впервые появился в работе Е.Дюринга «Логика и философия науки» (Лейпциг, 1878). Намерение автора построить философию науки как «не только преобразование, но и существенное расширения сферы логики» не было им реализовано, однако данная терминологическая новация оказалась весьма своевременной.

Термину предшествовала концептуальная история, в которой проблематика философии науки – структура и развитие научного знания – восходит еще к Платону и Аристотелю. С формированием классической науки Нового времени философия науки в единстве с теорией познания становится важнейшей областью философского исследования в работах Ф.Бэкона, Декарта, Лейбница, Даламбера, Дидро, Канта, Фихте, Гегеля, позже – Б.Больцано, который еще ограничивается термином «наукоучение» (Wissenschaftslehre). Место науки в обществе, в мировоззрении, а также набор ее внутренних, исторически сформированных понятий и проблем в значительной степени определяют состояние и значение современной философии науки.

В XX в., будучи инспирирована возникновением неклассического естествознания, философия науки выступает как один из наиболее технически сложных разделов профессиональной философии, использующий результаты логики, истории науки, психологии, социологии и представляющий собой, по сути, междис-

циплинарное исследование, ориентирующееся на общенаучную картину мира. В таком качестве философия науки оформилась ко второй половине XX в., но как особое философское направление сложилась столетием раньше и была ориентирована на анализ прежде всего когнитивных или эпистемологических измерений классической науки. Здесь философия науки выступает как совокупность философских течений и школ, образующих особое философское направление, сформированное в ходе поэтапного развития и отличающееся внутренним многообразием (позитивизм, нео- и постпозитивизм, некоторые течения в неокантианстве, неорационализм, критический рационализм). Вместе с тем философия науки продолжает существовать в рамках таких философских учений, в которых анализ науки не является главной задачей: марксизма, феноменологии, экзистенциализма, неотомизма. В первом случае проблематика философии науки практически исчерпывает содержание философских концепций, во втором анализ науки встроен в более общие философские контексты и детерминирован ими. Однако в целом тематика философии науки, ее концептуальный аппарат и центральные проблемы определяются прежде всего в её рамках как особого философского направления и лишь при его посредстве попадают в фокус внимания других философских школ и течений.

Постпозитивистский этап в развитии философии науки внутренне связан с осознанием того изменения, которое переживала формирующаяся постнеклассическая наука и ее взаимоотношения с обществом и культурой. Наиболее рельефно он выразился в дискуссиях между представителями «исторической школы» и «критического рационализма». Главными темами стали возможность реконструкции исторической динамики знания и неустранимость социокультурных детерминант познания (М.Полани, С.Тулмин, Н.Хэнсон, Т.Кун, И.Лакатос, Дж.Агасси, П.Фейерабенд, К.Хьюбнер, Г.Шпиннер, Л.Лаудан и др.). Философия науки превращается в междисциплинарное исследование, направленное в первую очередь на анализ оснований науки.

На этом этапе начинается взаимовлияние философии и ряда социальных и науковедческих дисциплин, в силу чего происходит размывание предметных и методологических границ между философией науки, социальной историей науки, социальной психоло-

гией и когнитивной социологией науки. Ответы на вопросы, поставленные в общем виде философами, дают социологи и историки в анализе конкретных познавательных ситуаций (case studies). Ученый-химик и социальный психолог М.Полани критикует понятие «объективного знания» К.Поппера в своей концепции «личностного знания». Историк физики Т.Кун выдвигает альтернативу попперовской теории развития научного знания как «перманентной революции», давая противоположную интерпретацию революций в науке. Сторонники Франкфуртской «критической теории» формулируют программу «финализации науки», предполагающую социальную ориентацию научно-технического прогресса (М.Беме, В.Крон). Авторы «сильной программы» в когнитивной социологии науки (Б.Барнс, Д.Блур) раскрывают макросоциальные механизмы производства знания из социальных ресурсов. Этнографические исследования науки (К.Кнорр-Цетина, И.Элкана) и анализ научной коммуникации и дискурса (Б.Латур, С.Вулгар) дополняют картину с помощью микросоциологических методов, показывающих, как научное знание конструируется из содержания деятельности и общения ученых в ходе переписывания научных протоколов, в процессе научных и околонаучных дискуссий.

В предисловии к книге В.С.Стёпина «Теоретическое знание» перечисляются основные методологические школы, в то время формулировавшие свои программы на пространстве бывшего СССР. Среди них одно из лидирующих мест занимает минская школа философии науки и программа, нашедшая выражение в работах В.С.Стёпина. Его книга, ставшая обобщением исследований последних двух десятилетий, оказывается при ознакомлении с нею мощным стимулом, который воодушевляет обращение к лейтмотивам философии науки. Выше, характеризуя развитие последней, мы не могли обойтись без предложенного В.С.Стёпиным подхода, разграничивающего классическую, неклассическую и постнеклассическую науку, без разрабатываемых им понятий «общенаучная картина мира» и «основания науки». На мой взгляд, концептуальную сердцевину методологической программы В.С.Стёпина, формировавшейся в начале 1970-х гг., образует именно данное понятие оснований науки, призванное решать примерно те же фундаментальные для философии науки проблемы, что и «парадигма» Т.Куна, «тематическое пространство» Дж. Холтона, «ядро

научной исследовательской программы» И.Лакатоса, «онтология» У.Куайна, «традиция» П.Фейерабенда и пр. Критика индуктивизма, проблема теоретической нагруженности фактов и тезис Дюгема-Куайна; развитие науки, проблема кумулятивизма и несоизмеримости и тезис Куна-Фейерабенда; социальная обусловленность научного знания и природа научных революций; принципы рациональной реконструкции истории науки и дилемма интернализма и экстернализма – все эти вопросы и понятия и сегодня являются принципиальными для философского анализа науки. Идея же оснований науки не только дает этим понятиям оригинальную интерпретацию, но и убедительно снимает целый связанный с ними якобы неразрешимых проблем.

Уже в ранних формулировках своей программы В.С.Стёпин определенно выступает против «идеологии индуктивизма», ошибочно отождествлявшейся некоторыми марксистами с принципом связи научного знания и практики или обязанной увлечению идеями Р.Карнапа. Обстоятельный критический анализ логического эмпиризма сопровождается у В.С.Стёпина разработкой позитивной альтернативы. Вопреки непопулярности в «Венском кружке» идеи о самостоятельности теоретического мышления, она все же принималась творцами неклассической науки и даже проникала в массовое сознание. А.Эйнштейн неоднократно высказывался в духе того, что теория возникает внезапно, независимо от опыта; он и сам выдвинул идею специальной теории относительности в своей работе 1905 г. независимо от результатов экспериментов Майкельсона по измерению скорости «эфирного ветра». Написанная к началу 1960-х гг., но опубликованная спустя почти тридцать лет книга В.Гроссмана «Жизнь и судьба» содержала сюжет о физике Штруме, в котором мы находим такой творческий самоотчет героя: «Новое, казалось, возникло не из опыта, а из головы Штрума. Он с удивительной ясностью понимал это. Новое возникло свободно. Башка породила теорию».

В 70-е гг. XX в. этой идее предстояло дать новое концептуальное выражение, содержащее не просто переинтерпретацию тезиса Дюгема-Куайна, но указывающее на конкретный механизм «теоретической нагрузки» фактов. Подход был нащупан В.С.Стёпиным еще при реконструкции объяснения Фарадеем опыта Араго. Фарадей использовал для данного объяснения образы, не выте-

кающие из экспериментов по электромагнитной индукции, но заимствованные из магнитостатики. «Образ изменений направлений силы в пространстве, как причины всех электромагнитных явлений, постоянно был перед внутренним взором Фарадея. Поэтому для него было совершенно естественно использовать модели магнитостатики, основанные на представлении о магнитных силовых линиях, в качестве аналогов при объяснении электромагнитной индукции» (с. 326).

Итак, факты нагружаются теориями, не вытекающими из них, но существующими независимо от них. Обобщенный вывод, основанный в том числе и на результатах оригинальной историко-теоретической реконструкции формирования электродинамики, гласит: «...Фундаментальные теории не являются продуктом индуктивного обобщения опыта, а создаются вначале за счет трансляции концептуальных средств, заимствованных из других областей теоретического знания» (с. 10).

И здесь же решение проблемы становления теории и теоретической нагруженности знания, как и всякое плодотворное решение, приводит автора к новой проблеме: как же возможен такой перенос, какие структурные элементы теоретического знания обеспечивают его? Ответ не заставляет себя ждать. Такая трансляция возможна прежде всего благодаря объемлющим концептуальным каркасам – общенаучной и специальной научной картине мира, между ними угадывается и еще одна концептуальная структура – междисциплинарная картина мира. Это образование, занимающее в структуре оснований науки особое место, принципиально отлично от теоретической схемы своим содержательным характером так же, как понятие «корпускулы» со всей его теоретической неопределенностью и долгой концептуальной историей отличается от абстрактного идеального объекта «абсолютно твердое тело». Строгое различие научной картины мира и теоретической схемы мы впервые находим именно в работах В.С.Стёпина. И здесь же выясняется еще одно обстоятельство. Картина мира не только создает возможность трансляции теоретических представлений, но она же в отсутствие теоретической схемы фактически берет на себя ее функции в структуре теоретического знания и тем самым позволяет ей сформироваться. Этот, на мой взгляд, важнейший философско-методологический тезис в последующем позволяет увидеть пути трансляции в науку

культурных смыслов и универсалий и органично, снимая дилемму интернализма-экстернализма, подойти к решению проблемы социальной обусловленности и развития научного знания.

В дальнейшем идея теоретического переноса последовательно развивается и конкретизируется автором. Возникает новый термин «парадигмальные прививки», первоначально призванный дать теоретическое объяснение развитию классической науки на рубеже XVIII–XIX вв., в эпоху победного шествия механицизма: «Историю химии, биологии, технических и социальных наук этого исторического периода нельзя понять, если не учитывать “парадигмальных прививок”, которые были связаны с экспансией механической картины мира в новые предметные области» (с. 586). Однако содержание данного термина оказывается достаточно богатым, чтобы характеризовать и развитие неклассической и постнеклассической науки. Формирование квантовой химии идет путем переноса идей из физики в химию; неравновесная термодинамика оказывается следствием концептуального переноса из кибернетики и теории систем в физику; теория биологической эволюции приобретает черты саморегулирующегося процесса благодаря переносу из кибернетики в биологию; в рамках семиотики происходят переносы из биологии в лингвистику и обратно (с. 602–608). В перспективе этот подход вновь провоцирует концептуальные новации и ведет от представления о внутридисциплинарной структуре организации классической и неклассической науки к междисциплинарному синтезу, к дисциплинарным революциям, отличающим уже переход к постнеклассической науке.

Естественным образом применение понятия оснований науки в анализе научного знания выводит в более широкую проблематику соотношения науки и социума, науки и культуры. Основания науки могут быть уподоблены разветвленной кровеносной системе, по которой циркулируют научные и культурные смыслы, обмениваясь своими элементами и создавая разнообразные констелляции. Представляется, что данный образ обладает большим эвристическим потенциалом; лично мне он, наряду с методом *grid and group analysis* английского антрополога М.Дуглас, помог сформулировать подход к типологии ситуаций социального производства знания, в которых происходит обмен смыслами между внешней и внутренней социальностью знания². Интегральный

² Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999. С. 181–202.

вклад понятия оснований науки в философско-методологический образ последней В.С.Стёпин формулирует так: «...Именно основания науки выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктуры, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи» (с. 11).

Понятие исторической эпохи образует рефрен, сопровождающий анализ науки на всем протяжении книги. Цивилизационная типология науки, обязанная работам В.С.Стёпина, оказалась воспринята научно-философским сообществом с такой готовностью, что сегодня частенько используется без ссылок. Эта типология возникла не на пустом месте, в ее основе, как представляется, лежит последовательная разработка проблемы взаимодействия науки и ее истории и, в частности, анализ исторической динамики знания сквозь призму деятельностного подхода.

Понятия выработки и использования, изобретения и изложения, генезиса и функционирования, описывающие соответственно интенсивный и экстенсивный пути развития знания, позволяют реконструировать этапы теоретического синтеза во взаимодействии с эмпирическим материалом. В частности, В.С.Стёпин показывает, что средства для будущего теоретического поиска и построения новых теорий создаются не только на этапе становления таковых, но и в еще большей степени на этапе функционирования сложившейся теории. Примечательно, что эту сторону взаимосвязи генезиса и функционирования теории выпустил в своем анализе Т.Кун. В его концепции резко противопоставляется друг другу парадигмальная, «нормальная» и периоды революционной, внепарадигмальной науки. В реальной же истории науки эти полюса взаимосвязаны: функционирование сложившейся теории готовит почву для становления новых теоретических структур, а процесс формирования теории определяет ее функционирование. «Теория как бы хранит в себе следы своей прошлой истории, воспроизводя в качестве типовых задач и приемов их решения основные особенности процесса своего формирования, – читаем мы в книге. – Генезис теории запечатлется в ее организации и определяет ее дальнейшее функционирование» (с. 511).

Этот тезис может быть по праву отнесен не только к внутреннему развитию теории, но и к ее взаимодействию с культурой и социумом при посредстве философских оснований науки. История обмена культурными и научными смыслами не может не запечатлеваться в структуре научной теории, понятой как сложное когнитивно-культурное образование. Благодаря регулярному концептуально-образному заимствованию наука не только не изолирована от культуры (философии, религии, искусства), но обязана своим развитием также богатству личностного развития, поскольку и личностные смыслы и аналогии вовлекаются в теоретические построения. Процесс теоретического исследования, таким образом, детерминирован широким идейным и образным пространством, а не только экспериментальным трудом ученых. Тем самым возникает возможность понять теоретическую науку не просто как нелокальную область мышления и деятельности, но как универсальный культурный синтез.

Это обстоятельство следует осознать в полной мере именно сегодня, когда наука порой обвиняется во всех социальных и природных катаклизмах, ей отказывают в культурной ценности и адекватности и рассматривают ее как локальную агрессивную идеологию, как современный миф, как воплощение воли к власти.

Соглашаясь с тем, что современная наука – неоднозначное явление, мы сегодня должны вместе с тем не только воспринимать модные идейные течения, но понимать результаты ее философского анализа, который убеждает: современная наука – необходимое условие культурного диалога и синтеза культур. «Приобретая открытый характер, научная картина мира вносит свой вклад в процессы синтеза различных культур, – подчеркивает В.С.Стёпин. – Она соединяет новые подходы, возникшие на почве развивающейся научной рациональности, всегда выступавшей ценностью техногенной (западной) цивилизации, с идеями, разработанными в совсем иной культурной традиции и возникшими в восточных учениях и в “космической философии”». Современная научная картина мира включена в диалог культур, развитие которых до сих пор шло как бы параллельно друг другу. Она становится важнейшим фактором кросскультурного взаимодействия Запада и Востока» (с. 697).

Благодаря современной науке формируется не только единая общенаучная картина мира, но и новое целостное мировоззрение. Это новое видение Вселенной, человека и самой науки – универсальный

эволюционизм. Это взгляд на мир как многообразное, исторически изменяющееся целое; это видение человека как не только активно-го, но и созерцательного, понимающего существа; это понимание науки как единства естественнонаучного и гуманитарного знания.

Нелишне будет обратить внимание и на то, что на фоне этого процесса философия науки, находясь под огнем постмодернистской критики, также переживает дисциплинарную революцию, становясь областью междисциплинарного и в полной мере гуманитарного исследования, концептуальные основания которого об-разует понимание науки как исторически развивающегося социо-культурного явления.

Философия науки – феномен с великим прошлым?

В самый разгар постпозитивистской философии науки, это-го «цветенья ста цветов», ровно тридцать лет тому назад Пол Фейерабенд публикует статью под заглавием «Философия науки – феномен с великим прошлым?», в которой он извещает о насту-плении кризиса в философии науки. Последняя оценивается как апологетическая идеология науки, а эта в свою очередь – как меро-приятие, ответственное за экологические и социальные катаклиз-мы и не имеющее никакого преимущества перед мифом.

В то время, когда на Западе в расцвете сил находилась це-лая плеяда философов науки, а в России как раз начался процесс освобождения методологии науки от догматических ограничений, нигде это сообщение – ни как констатация, ни как прогноз – не было воспринято с должным вниманием. Однако прошло совсем немного времени, и грянули «постмодернистская революция» вку-пе с «окультурным ренессансом», казалось, захлестнувшие собой и обесмыслившие всякое аналитическое исследование науки в глазах значительной части образованных читателей. Философия науки столкнулась с вызовом, ответ на который она ищет и сегод-ня. Изучая новую книгу В.С.Стёпина, читатель узнает о том, как встретить этот вызов с открытым забралом.

Не сомневаюсь, что многие рецензии и аналитические обзо-ры как в России, так и за рубежом сделают своим предметом труд В.С.Стёпина и определят его точное место в историографии фило-

софии науки. Мои беглые заметки не претендуют на это. Для меня данная книга — не только и не столько подведение итогов, сколько самоотчет творческой мысли, ценность которого прежде всего в побуждении к рациональному и строгому анализу, к самостоятельному мышлению, к формулировке новых идей и подходов. Шанс на то, что данный труд сыграет в XXI в. ту же роль, что попперовская «Логика научного исследования» или куновская «Структура научных революций» играли в XX в., является, на мой взгляд, вполне реальным.

В начале XXI в. мы как само собой разумеющееся воспринимаем новости с земной орбиты и удаленных исследовательских станций, обсуждаем шахматный матч чемпиона мира и мощного компьютера, перспективы термоядерных источников энергии и клонирования человека. Семимильные шаги, которыми движется наука, становятся все бесшумнее, все меньше шокируют и восхищают человека, готового в своем индивидуальном развитии довольствоваться плодами и не задумываться о корнях. Философу не пристало ограничиваться таким повседневным, потребительским отношением к науке — несомненному лидеру интеллектуального развития. Напряженность и взыскательность духа, которая требуется для осознания величия научного прогресса, по-прежнему остается вектором саморазвития человека и человечества, а квинтэссенция самосознания последнего и составляет содержание философского мировоззрения. Вместе с тем современные цивилизация, культура, человек просто не вправе отказываться от рефлексивного отношения к такой интегральной детерминанте развития, которой является наука; отказ от ее постоянного осмысления означал бы не только духовную лень, но и опасную слепоту. Это приводит нас к мысли о том, что судьба философии, несмотря на уже привычное многообразие ее направлений и течений, неразрывно связана с судьбой науки как ее собственного предмета, источника проблем и понятий, объекта апологетики или критики. Философия науки тем самым не утрачивает смысл в современном духовном универсуме, на лидерство в котором безнадежно претендуют философские пиарщики, раскручивающие экзотические по форме, но незамысловатые по сути идейные завихрения. Напротив, она претендует на выход за узкие дисциплинарные рамки и расширяется до границ всякого рационалистического философствования вообще — трудного, рискованного и ответственного предприятия, которое следует по достоинству ценить.

**Прорыв в новую эпистемологическую проблематику.
О книге И.Т.Касавина «Текст. Дискурс. Контекст.
Введение в эпистемологию языка»**

Формирование неклассической эпистемологии происходит под воздействием таких фундаментальных факторов, как интенсивное развитие философии, теории и методологии гуманитарных и социальных наук. Идет взаимное обогащение, появление «на стыке» новых «ветвей» и направлений исследования, особенно под влиянием таких феноменов, как «поворот» (turn), которых уже насчитывается до десятка:– онтологический, антропологический, лингвистический, культурно-исторический, коммуникативный, герменевтический и др. – и которые сами являются следствием процессов, происходящих в культуре и социуме. Широкое распространение в различных областях научного знания получило также понятие парадигмы, причем вне связи с «революционным» или «нормальным» состоянием данной науки, но лишь как обозначение какого-либо «нетрадиционного» видения предмета исследования. Как мне представляется, все это говорит о том, что наряду с абстрактно-рациональным классическим эталоном все большее влияние на науку начинает оказывать экзистенциально-антропологический подход, которому в рациональности и «научности» еще недавно было отказано. Особенно сильная «ветвь» этого направления – обращение к теме «познание и язык», в формах прагматической лингвистики настойчиво внедряющейся в эпистемологию и делающей ее неклассической. Обсуждаемая монография И.Т.Касавина, где с первых строк определяется «ориентация на опыт гуманитарных наук», находится в самом центре этого события.

При всем богатстве тем, подходов, областей и междисциплинарных взаимодействий, представленных в монографии, особо остановлюсь лишь на трех аспектах, которые определяют философско-методологические подходы к социальной эпистемологии языка.

1. Отношение эпистемологии и философии языка

Известно, что на фоне «мира сущего» (природной каузальности) и «мира должного» (идей долженствования и свободы как двух центров критического учения) язык предстает как периферийное явление, поэтому система И.Канта состоит из логики, этики и эстетики и не включает проблемы и темы языка. Но уже И.Гердер ставил вопрос: как возможна критика человеческого разума без критики? В качестве контекста напомним, что традиционное базисное рассмотрение в гносеологии проблемы «язык и познание» предполагало прежде всего выяснение различных основных и вспомогательных функций языка в получении и выражении знания. В этом случае на первый план выходят вопросы терминов теории познания, отношения чувственного опыта к эмпирическим понятиям, выявление способов употребления языка для передачи информации (коммуникации), объективация знания посредством знаков (символов), наконец, осуществление самого мышления. Такой подход реализуется в частности в классической книге Б.Рассела о познании, его сфере и пределах. Однако сегодня осознано, что этот подход недостаточен и односторонен, не менее значима и другая функция языка – вписывание познания в культуру и социум. В связи с этим во второй половине XX в. на передний план вышли идеи о соотношении эпистемологии и философии языка, представленные в частности Р.Рорти в фундаментальном труде «Философия и зеркало природы». В нем он опирается преимущественно на исследования и концепции Х.Патнэма, М.Даммита, а также Д.Дэвидсона, который утверждал, что в работах Б.Рассела, Р.Карнапа и У.Куайна чистая теория значения была смешана с эпистемологическими проблемами, что привело в дальнейшем к различным формам операционализма, верификационизма, конвенционализма и др. Критикуется «смешанная» философия языка

и недозволенный перевод проблем эпистемологии в последнюю. Таким образом, с одной стороны, признается «кончина эпистемологии с основаниями», а с другой – философия языка предстает как теория значений. Для эпистемологии эти проблемы и сегодня остаются актуальными.

В обсуждаемой монографии нет столь жесткого разведения эпистемологии и философии языка, более того, идет принципиальное объединение этих подходов на основе дополнительности и взаимодействия. Исследуются текст как «место», где взаимодействуют эпистемология и лингвистика; проблема значений и смысла в разных философиях; ситуационный контекст, контекстуализм как методологическая программа; анализируются теория значения, в первую очередь идеи Д.Дэвидсона, и теория речевых актов Дж. Остина, Дж. Серла. При этом значение, рассматриваемое как априоризм языка, свойство текста, будучи включенным в знаковую деятельность, коммуникацию и в отношение с внешним окружением, обретает в монографии социокультурные параметры, и исследование проблемы «язык и познание» стыкуется тем самым с герменевтикой и социальной эпистемологией. Автор объединяет две значимые в философии традиции, реализуя диалог и синтез двух познавательных практик – аналитической теории значений и идей В.Гумбольдта, герменевтики, где, по Гадамеру, обращаются к «языку как опыту мира», а человек, по Хайдеггеру, понимается как существующий «прежде всего в языке и при языке». Таким образом, авторская позиция переводит саму проблематику на уровень целостного подхода, где язык – это уже не только «инструмент», «орудие», система знаков и их значения, но и культурно-исторический контекст и, более того, «горизонт онтологии». В этом случае становится возможным, оставаясь в рамках эпистемологии и введя понятия «внешней и внутренней социальности», как это делает автор, преодолеть «чистый гносеологизм», обосновать правомерность неклассической эпистемологии, в частности социальной эпистемологии языка.

2. Междисциплинарность и эпистемология

Эта проблема рассматривается в специальном параграфе и вместе с тем не только пронизывает эту книгу автора, но реализуется также в его исследованиях последних десятилетий. Базовый принцип и подход И.Т.Касавина – опираться на идеи, теории, эмпирический материал из разных школ, направлений, осмысливать когнитивный опыт не только истории естественных и социально-гуманитарных наук и философии, но и повседневного знания. На основе этого принципа исследуется сам феномен междисциплинарности, не исчерпывающейся только науковедческим рассмотрением, но предполагающей и эпистемологический анализ; выявляются ее различия в философии и науке, в разных типах наук, где определенно сложилась дисциплинарная структура, как в естествознании и точных науках, или дисциплинарная дифференциация не выражена в такой же степени, скорее присутствуют междисциплинарные, «пограничные» образования, как в гуманитарном знании. В монографии обосновывается идея об особой значимости междисциплинарного подхода не только в становлении каждой науки в прошлом, но и в появлении новых наук, в современной общенаучной методологии, где начинают преобладать программы, проекты, временные объединения, выражающие тот или иной подход или так называемый «поворот»: антропологический, лингвистический, когнитивный и другие.

Для автора эти проблемы принципиальны, он настаивает на том, что «мера вовлеченности эпистемолога в диалог» – «это мера эмпирической обоснованности его философской концепции» (с. 278), и ставит ряд новых проблем, небесспорных и незнакомых классической эпистемологии. В частности, действительно ли неклассическая эпистемология приближается к «античному прообразу: теории уступают место сценариям и подходам, метод – дискурсу, понятие – метафоре, истина – консенсусу» (там же)? Действительно ли «перенос схем и понятий» из других наук является «типичным приемом неклассической эпистемологии»? При такой в полной мере дискуссионной постановке проблем у меня возникает сомнение: не происходит ли замена общей эпистемологии социальной, уже фактически во многих исследованиях занявшей место того, что по праву должно называться «эпистемология

социального (гуманитарного) знания»? Эти области должны различаться, поскольку во втором случае речь идет о применении категорий и принципов общей эпистемологии к конкретным наукам, а не о «внедрении» понятий этих наук в общую методологию.

Наряду с междисциплинарностью и ее проблемами, можно отметить в исследованиях автора принципиально новый уровень – наддисциплинарный, к которому, как известно, призывал И.Валлерстайн с его миросистемным анализом. Его совершенно в иных формах и намерениях реализовал автор не только в этой, но и в других своих монографиях, в частности в книге «Миграция. Креативность. Текст» (М., 1998), а также в известной серии книг о вненаучном и эзотерическом знании, где он был составителем и редактором. Эпистемологический анализ осуществляется в этих случаях в ином «пространстве и времени» знания, когда выходят за пределы организационных и типологических границ дисциплинарного и внедисциплинарного – научного, вненаучного, повседневного, рецептурного и другого знания. По существу, утверждается неклассическая позиция: эпистемолог, как и положено философу, должен исследовать любые формы реального знания, существующего в обществе и культуре в целом. И тогда возникает новая проблема: возможно ли, оставаясь в рамках философии познания, «вырваться» за пределы классической теории познания, обратиться к реальному познанию – теоретическому и эмпирическому, научному и вненаучному, даже апофатическому, эзотерическому? Почему сегодня это необходимо и насколько возможно вопреки традициям классической рациональности?

3. Являются ли классическая теория познания или современная эпистемология теорией реального познания?

Эта проблема требует обстоятельного рассмотрения, я ее лишь коснусь, размышляя над книгой И.Т.Касавина, где, как и в предыдущих работах, он в значительной мере стремится к исследованию реального познавательного процесса и его продукта – знания не о приемах познания, но о самой реальности. Как отнестись к этому переосмыслению функций и возможностей теории позна-

ния? Прежде всего следует признать, что в работах отечественных философов по-прежнему господствуют глубинные классические представления о трансцендентальных субъекте и объекте, абсолютной и относительной истине в контексте аристотелевской корреспондентной теории объективности знания, понимаемой как независимость содержания истинного знания от субъекта. В этой традиции теория познания имеет дело только с идеальными сущностями внутри самого знания. Образующие ее абстракции не фиксируют «физические» и социальные реальности, но только те, что философ видит «изнутри понятия, находясь внутри его мысленной сущности»; наконец, она «присваивает» себе право предписывать нормы – как должно быть в соответствии с теми или иными нормами рациональности – самому познавательному процессу.

Известно, что существует и другой, неклассический опыт философов, обращавшихся к проблеме теории познания как теории. Это, например, критика и преодоление «теоретизма» М.М.Бахтиным. Непосредственно, «в лоб» считал необходимым рассмотреть эту проблему М.К.Мамардашвили, что стало предпосылкой и введением в оставленный им набросок естественноисторической гносеологии. Осознается, что гносеологический анализ имеет дело с научными понятиями, эксплицируемыми в рамках самого же способа построения этих понятий, с посылками и допущениями, на которых базируются теории разных уровней, что скрыто в предметных терминах данной науки. Необходимо выйти на такой уровень исследования, где познание уже не поверхностно логический процесс, в котором не фигурирует реальность самих познавательных актов, но иной по природе, естественноисторический процесс, предметные образования которого по существу не контролируемы и в целом не подпадают под нормы и правила теории познания. В таком случае очевидно, по Мамардашвили, что и «номенклатура описания» должна быть другой, причем необходимо введение феноменологической абстракции, которая позволила бы нам рассмотреть сами понятия как предмет эмпирии.

Как представляется, И.Т.Касавин своим путем вышел на близкое понимание новых путей развития теории познания и эпистемологии, но принципиальное отличие состоит в том, что в качестве реальности им исследуется не «естественноисторическая гносеология», но эпистемология «предметных образований» культурно-

исторической и социально-гуманитарной реальности – текст, дискурс, язык в целом, в том числе с выходом на феноменологическое видение в частности естественного языка (с. 68–78).

В целом очевидно, что даже краткое рассмотрение всего лишь трех аспектов монографии позволяет увидеть осуществленные И.Т.Касавиным новые фундаментальные подходы и направления развития современной эпистемологии и ее конкретного применения – социальной эпистемологии языка.

Субъект интерпретирующий: синтез когнитивных практик

Содержание философского труда – осмысление реальности, его форма – интерпретация текста. В этом смысле жанр рецензии есть абсолютизация формы философского труда, открывающая беспредельные возможности, но также и налагающая определенные ограничения. Осмысление реальности выводит за ее пределы, интерпретация текста расширяет или сужает его горизонт. Вживаясь в роль «субъекта интерпретирующего» – главного персонажа новой книги Л.А.Микешиной¹, мы рискуем спутать, поменять места и акценты в инструментарии смыслов, используемых ею и нами, дезориентировать читателя, отступить от объекта исследования. В этом смысле рецензия не столько отражение реальности первичного текста, сколько ее преобразование. А если речь идет о тексте неординарном, представляющим собой концептуальный и эстетический вызов, то рецензия порой еще и конкуренция с ним, как правило, обреченная на провал. Едва ли не единственным способом камуфляжа этого провала оказывается временами недостаточная четкость разграничения позиции рецензента и автора книги, способом, за использование которого придется, видимо, извиниться и мне.

В современной философии, в отличие от ситуации сорокалетней давности, теория познания утратила свою привлекательность для большинства. Это эмпирический факт, который требу-

¹ Микешина Л.М. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. Далее на эту книгу ссылки в тексте путем указания страниц.

ет осмысления и объяснения. В самом ли деле философия строит «теорию» познания, подобную теориям естественных наук? Или данное словосочетание следует понимать в более широком смысле, метафорически? Однако не именно ли такое расширенное употребление термина «теория» мы встречаем в большинстве наук, в том числе и самых «естественных», за вычетом тех, в которых принципиальную роль играет математический аппарат и редукция к физическим закономерностям и понятиям? А быть может, дело и вовсе не в самом термине «теория» или «теория познания»?

Впрочем, есть и другой ракурс рассмотрения, который обнаруживает собственно предметную узость традиционной теории познания, занимавшейся лишь абстрактно-теоретическим, чисто нормативным анализом научного знания. Но если вспомнить, на рассмотрении какого же собственно знания сосредоточивались отцы-основатели традиционной гносеологии (Ф.Бэкон, Р.Декарт, Т.Гоббс, Дж. Локк), то обнаружится, что они вовсе не были людьми сциентистски ограниченными. Обыденное сознание, повседневное знание, разум, общий всем людям, – вот что занимает их по преимуществу. И фокусировка интереса на науке – феномен значительно более позднего происхождения, когда последняя из лозунга нового мировоззрения трансформировалась в обычную и эффективную практику больших масс людей. Как только же были развенчаны научные утопии, как только наука, превратившись в чрезвычайно специализированную деятельность, стала отрываться от обыденного сознания, то и теория познания (а также всякий философский анализ познания – эпистемология, философия науки в том числе) утратила тот кредит доверия, который был обязан ее привилегированному предмету.

Здесь же следует вспомнить о том, что теория познания, обладая в первую очередь нормативным характером, стремилась не столько принять за основу науку, не столько опереться на ее авторитет, сколько обосновать науку как фундаментальную ценность европейской культуры. Философам со времен Платона и Аристотеля уже было ясно, что теоретическое знание, ориентированное на истину и доказательство, не исчерпывает всего познавательного отношения. Есть познание Бога, обыденное, практическое познание, познание в области искусства и нравственности, однако именно наука вносит небывалую динамику и эффективность в познаватель-

ный процесс. Поэтому наука остается и сегодня объектом особого теоретико-познавательного интереса, хотя фокус внимания смещается от анализа структуры и развития «объективного» знания к исследованию форм языкового поведения ученого, предпосылок научного мышления, его связи с другими формами сознания. Во многом утрата интереса к науке коренится, как представляется, в неспособности философов угнаться за небывалой динамикой науки, осмыслить ее новейшие достижения на фоне антисциентистской критики последней и постмодернистского пренебрежения к разуму вообще. В этом сказывается, помимо прочего, и фундаментальная черта философии, требующая временного отстояния, взгляда с дистанции.

Разбирая эти и другие аспекты падения интереса к теории познания в наши дни, Л.А.Микешина призывает все же сосредоточить внимание на том, что могут сделать философы. В этом намерении автора и состоит основная задача книги. В ней, как и в современной философии в целом, «идет поиск реального предметного поля и объекта философского учения о познания, его онтологии, с одной стороны, и с другой – понятийного аппарата, путей и принципов синтезирования различных когнитивных практик и типов опыта для создания не искусственного виртуального “теоретизма”, но современной концепции реального познания, укорененной во всех видах деятельности человека, где присутствует возникновение знания» (с. 41).

Один из путей этого поиска – в переосмыслении понятия «гносеологического субъекта», которое началось еще в рамках господства марксистской философии и особенно интенсивно идет в наши дни². От картезианского «*cogito*» через онтологизацию субъекта в классической теории познания и «наивном реализме» обыденного сознания и науки дорога ведет к постмодернистскому тезису о «смерти субъекта», за полемической заостренностью которого вырисовывается реальная судьба творческой индивидуальности в эпоху массовой культуры. Однако философу не стоит очаровываться уже пройденными ходами мысли. Он берет на себя обязательство заново осмыслить многообразие когнитивных прак-

² В частности, на проблеме «Я» сосредоточивает свое внимание В.А.Лекторский в ряде последних работ (*Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001*).

тик и наметить варианты их возможного синтеза. При этом не следует, конечно, ограничиваться анализом рефлексии о них в разных философско-эпистемологических контекстах. Эти практики предстоит рассмотреть как элементы до- и внефилософского опыта в рамках мифа, религии, искусства, науки как таковых. Именно так поступает автор, в частности, рассматривая концепции М.Бахтина, а также заблуждения классической европейской текстологии, с одной стороны, и с другой – анализ Д.Лихачевым неявных предпосылок и оснований применения абстракций в древнерусской литературе. Об этом же идет речь при анализе идеи времени в истории, логике и художественных текстах, феномена «концепт» в лингвистике, психологии и когнитивных науках.

Философия познания нуждается в обогащении понятийного аппарата в связи с расширением представлений о рациональности и включением в когнитивные тексты наряду с трансцендентальным субъектом эмпирического субъекта познания, отмечает Л.М.Микешина (с. 193). Постижение изначального опыта восприятия, обращение к анализу дорефлексивных слоев знания, преодоление абстракции чистого сознания – все это требует введения в теоретико-познавательный оборот феномена «жизни», традиционно относимого к проблематике «неэпистемологической», экзистенциальной философии. Учитывая герменевтическую и феноменологическую интенцию автора, нельзя не признать этот ход оправданным: если не разобраться с понятием «жизни», то как можно вообще обсуждать проблематику «жизненного мира», «форм жизни», времени в познании, многообразия форм последнего, присущих всем типам человеческого бытия? И как это уже нередко бывало в истории философии, особую остроту концепту «жизнь» придают новые идеи в биологии и в биологически нагруженных теориях. Л.А.Микешина ссылается в этой связи среди прочего на У.Матурану, отождествляющего процессуальный аспект жизни и когнитивный процесс.

По поводу последней идеи стоит сказать особо. Регулятивный ее смысл, привлекающий внимание к многообразию форм познания, безусловно важен для современной эпистемологии. В то же время этот тезис, понятый как описание реального положения дел, уводит внимание философа от исследования развитых, рациональных форм познания и знания, исследования, которое

в принципе должно венчать собой все эпистемологическое построение. Если все труды эпистемолога по исследованию предпосылок познания, возникновения познавательного отношения, изначальных когнитивных структур не имеют своей целью понимание выдающихся достижений развитой мысли в разных областях, то эпистемология и в самом деле утрачивает смысл. Как раз это имеет в виду автор, присоединяясь к выводу М.Хайдеггера: понять жизнь как возможный предмет наук о духе, возвысить её до адекватного научного понимания.

Жизнь, приходящая к своему осознанию, это и есть образование субъекта познания. Образование как онтологический процесс изменения формы, как когнитивно-экзистенциальный процесс «заботы» о самом себе, культивирования самого себя в ходе сознательного развития своих духовных потенций. Здесь педагогика предстает как прикладная философия, усваивающая и эмпирически прорабатывающая ряд идей от Сократа и Платона до Хайдеггера и Уайтхеда. В частности оказывается, что глубинные жизненные интуиции, фундаментальные структуры субъективности должны быть положены в основу усвоения современных знаний. Дабы понять «физический смысл» уравнений, необходимо соотнести искусственный язык с обыденным; понимание и усвоение научных знаний должно учитывать принципиальное различие жизненной и научной онтологии. В противном случае образуется пропасть между наукой и «жизненным миром», чреватая многообразными негативными следствиями. Тогда в науке усматривается лишь голая инструментальная технология, ничего не говорящая о мире, враждебная ему, лишенная смысла. И для решения жизненных проблем человек обращается принципиально к ненаучному знанию – религии, мифу, магии, искусству, фактически лишая себя специфических достижений современности. И уж, конечно, отказываясь при этом не только от результатов науки, но и от самого научного творчества.

Сразу после данной главы напрашивается, на мой взгляд, обращение к проблеме времени как измерению жизни и познания (в книге анализ данной проблемы завершает изложение). Вообще говоря, для теории познания релевантны по крайней мере две сферы темпорального анализа. Это, во-первых, изучение форм индивидуального восприятия и сознания времени и, во-вторых, исследова-

ние динамики исторических систем знания, когнитивных и текстовых эпох. Проблемы и понятия истины и заблуждения, рациональности и традиции, социальной памяти и научного предвидения, кризиса парадигмы и оригинальности новой теории, повседневного и экстраординарного опыта, происхождения сознания и генезиса науки, творчества и духовного роста неизменно включают временную компоненту, свойственную всякому переходу от незнания к знанию, от одного типа знания к другому. В этом смысле изучение реальной динамики познания требует эпистемологического осмысления экзистенциально-антропологической философской традиции и опыта гуманитарных наук. Иное дело, что изолированное включение понятия времени в теорию познания едва ли возможно. Скорее имеет смысл обратиться к понятию «хронотоп», объединяющему время и пространство – два взаимосвязанных измерения, равно значимые для описания онтологии познания и человеческого мира в целом³.

Особая, принципиальная для теории познания тема – соотношение веры, сомнения и достоверности. От способности найти новые аргументы в пользу гносеологического оптимизма сегодня зависит судьба философии. Их предоставляют исследования эволюционных эпистемологов, с одной стороны, и, с другой – социальная феноменология. Анализу этих аргументов предшествует среди прочего рассмотрение оснований для доверия познающему субъекту на фоне объективных иллюзий восприятия и конструктивной деятельности воображения. Как мне представляется, автор, отдавая должное многообразию подходов к обоснованию реальности нерелигиозной веры, в целом склоняется к социокультурному ее пониманию как фундаменту жизненного мира, как тому, что само является условием всякого доказательства, а не тому, что может быть доказано.

Однако хочется поспорить с автором по поводу возможности автономного анализа нерелигиозной веры. Представляется, что исток всякой веры по сути религиозного или проторелигиозного характера. Обожествляя некоторое положение дел, приписывая ему большую ценность по отношению к другим объектам, человек верит в него и требует от него неизменной надежности, достойной

³ См., например: Уранос и Кронос. Пространственно-временные измерения человеческого мира. М., 2002.

беззаветной веры. Этот религиозно-договорной архетип, возникая в дохристианскую эпоху, затем воспроизводится на новых уровнях. Ребенок верит матери, ища у нее тепла и защиты; друг верит другу, рассчитывая на безоговорочную поддержку; ученик – учителю, ожидая от него объяснений всего и вся; ученый – в теорию как образ реальности и метод исследования; гений – в себя как демиурга и требует от себя самого невероятных достижений.

При всем этом вера – необходимая составляющая именно оседлого, а не миграционного сознания. Критицизм, по А.Шюццу, – свойство, отличающее мигранта и ученого. Вера требует надежности, полагает свой объект и способы отношения к нему в качестве неизменных именно потому, что таковыми они на деле выступают в оседлом бытии. Единственное, чем они характеризуются сами по себе, – это стабильность в качестве необходимого элемента человеческого мира. Такова вера в Бога, в единообразие природы, в силу и разум человека (не всякого, конечно). Итак, вера утверждает незыблемость определенного миропорядка и есть его предпосылка. Платой за стабильность выступает отчуждение рассудочных, прежде всего собственных критических способностей в пользу объекта веры. Отныне только он является основанием для оценки всего окружающего и критерием адекватности знания. Самоотречение приобретает в вере когнитивно-бытийственный характер. Утрата её равносильна ликвидации когнитивного горизонта, разрыву каналов коммуникации, краху мироздания.

При всей важности и необходимости анализа веры как когнитивного феномена вместе с тем именно обоснование рационального критицизма выходит для современной отечественной теории познания на первый план. В условиях «социального конструирования реальности» с помощью СМИ, тотального и агрессивного прессинга мифо-магических практик и ложных идеологием как раз культивирование и философское оправдание мыслительной, рефлексивной, рациональной проработки хаотического массива информации является потребностью дня. Неклассическая теория познания вынуждена обратиться на новом уровне к классическим идеям Маркса и Поппера, вскрывая социальные и эпистемические предпосылки современного манипулирования сознанием.

Вера, опирающаяся на социальную структуру, на традицию, выступает предпосылкой понимания и интерпретации. Поэтому и логичен переход от проблемы веры к фундаментальной герменевтической тематике на пути построения неклассической теории познания, философии познания в контексте синтеза когнитивных практик. В книге мы читаем: «И теория познания в целом, и абстракция “человек познающий” должны иметь непосредственное отношение к реальному, “живому” познанию, что предполагает обращение к другим понятиям, подходам, опыт которых накоплен в герменевтике, философии жизни, экзистенциализме и философской антропологии» (с. 49)⁴.

В самом деле: познание как интеллектуальное освоение реальности немислимо без того, чтобы придать последней смысл, приписать объекту знак, удвоить эту реальность с помощью изобретаемого аналога. Познание поэтому всегда выступает как обозначение, как истолкование – это его атрибутивные характеристики⁵. Л.А.Микешина дает панорамную картину дискуссий по проблеме интерпретации в философии и науках XIX–XX вв., основательно раскрывая и обосновывая эту мысль. Вывод этого дискурса гласит:

«Интерпретативная деятельность человека неотъемлема от его бытия, которое предстает, если осмысливается, как всегда истолкованное каким-либо образом, и объективная потребность в истолковании вызвана не только различными позициями, “перспективами” в отношении субъекта к миру, но и бесконечной изменчивостью самого мира. Для понимания природы интерпретативной деятельности значимо то, что человек не выходит в мир непосредственно, но через символизм, знаковые, в особенности языковые, объективации – в целом через “символические универсумы”... Это в свою очередь означает, что сущность интерпретации не сводится к некоторой операционально-методологической деятельности, в частности, с текстами, но выходит за ее пределы в сферу фундаментальных основ бытия и познания» (с. 376–377).

⁴ Уроки, которые способна дать для философии познания философская антропология в особенности, уже продемонстрированы в последние годы, в частности в работах В.С.Стёпина (*Стёпин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992).

⁵ *Касавин И.Т.* Познание как истолкование. Человек после крушения Вавилонской башни // *Вопр. философии.* 2001. № 11; *Его же.* Познание // *Новая философская энциклопедия.* М., 2001.

Естественно, что такое понимание интерпретации заставляет переосмыслить прежние представления о познании, выявить ограниченность классической «отражательной» парадигмы эпистемологии. Сегодня приходится «принимать как данность» совсем иной образ познания, учитывающий описываемые Л.А.Микешиной различные когнитивные практики.

И, наконец, вышеуказанное рассмотрение приводит к фундаментальной проблеме соотношения языка и познания, которая в ряде современных философских течений практически заслоняет всю остальную философскую проблематику⁶. Идея языка как «опыта мира» оказывается также предельно значимой для философии познания, преодолевающей «чистый гносеологизм». «...В философии познания может быть обобщен и применен богатый опыт включения языка как фундаментальной онтологической и когнитивной основы, представленной в ее многообразных ипостасях, во все разделы эпистемологии и философии науки, что принципиально изменит в целом учение о знании и познавательной деятельности человека» (с. 523), – отмечает автор.

В этой связи возникает вопрос: в самом ли деле можно синтезировать результаты такого рассмотрения для радикального переосмысления природы теории познания вообще? И одновременно как остаться на поле рациональной философии и осуществить синтез когнитивных практик? Вот здесь, по-видимому, и возникает сама идея «философии познания». Слово автору: «Я стою на стороне сохранения и дальнейшего развития систематической философии познания на основе синтеза когнитивных практик, а также диалога двух традиций – рассудочно-рациональной (картезианской) в ее современном виде и экзистенциально-антропологической. Разумеется, при этом необходимо признать, во-первых, исторический характер субъект-объектной парадигмы познания и, во-вторых, признать право создавать когнитивные практики вне этой парадигмы. Главные принципы такого синтеза и диалога – это прежде всего те, что хорошо известны, идут от

⁶ В процессе подготовки своего обзора положения дел в оксфордской философии десятилетней давности (Оксфордские философы 1990: a case study // *Вопр. философии*. 1993. № 33) мне случилось задать Рому Харре вопрос о том, какая наука могла в большей мере соответствовать его интересам, если бы не было философии. «Общая лингвистика», – ответил он.

классических традиций, – такие, как укорененность познания в бытии, единство и категориальная оппозиция субъекта и объекта, различение эмпирического, трансцендентального и экзистенциального субъекта, а также рациональность и преемственность в познавательной деятельности и ряд других» (с. 52–53). Таким образом, если использовать известную метафору И.Лакатоса, философия познания выступает как такое объединение подходов к анализу познания, «жесткое ядро» которого образует рациональная методологическая ориентация (значимость познания, реальность субъекта, специфика науки, регулятивный характер социокультурных ценностей), а «защитный пояс» – эмпирическое многообразие совокупного познавательного процесса и философская истина как его интегральная картина.

Мы заканчиваем наше фрагментарное и субъективное – как всегда – чтение книги. И все это время пробежало так незаметно, что как-то не приходило в голову, что все эти шестьсот двадцать две страницы – итог многолетнего творческого труда, тридцатилетних раздумий, бесчисленных докладов, дискуссий и лекционно-семинарских бесед со студентами и аспирантами. К этой мысли я прихожу словно по обязанности, произвольно обрывая разговор, который не хочется заканчивать. Гадамер где-то во введении к «Истине и методу» нетрадиционно для немца написал, что у него и в мыслях не было строить общую теорию, методологию гуманитарных наук, это-де всего лишь «герменевтические штудии». «Полемические главы» Людмилы Александровны – такой же живой текст, живущий своей жизнью в момент, когда мы его читаем; не возводящий границ, но открывающий новые горизонты; начинающийся там, где мысль грозит оборваться. Поэтому и в конце ничего, кроме многоточия, поставить не удастся...

Объективность или релятивизм? Размышления о книге Е.А.Мамчур «Объективность науки и релятивизм»

Все содержание новой книги Е.А.Мамчур¹ подчинено единой сквозной цели – показать, что наука стремится и всегда стремилась к достижению объективно истинного описания мира и что все попытки релятивистского истолкования научного знания дают извращенное представление о науке и ее истории.

Под «эпистемологическим релятивизмом» автор понимает «доктрину, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов, гипотез и теорий относительно одного и того же объекта не существует единственно верной, той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире... Все эти точки зрения и все эти теории являются равноправными и равноценными» (с. 14). Автор выделяет три разновидности релятивизма: персоналистский, когнитивный и культурный. Первый восходит к тезису Протагора, провозглашающему, что человек является мерой всех вещей, и в применении к науке означает, что каждый ученый создает свою собственную науку. Персоналистский релятивизм очевидно ошибочен в свете того факта, что наука интерсубъективна и что существует научное сообщество.

Более серьезным является когнитивный релятивизм, анализу оснований и аргументов которого Е.А.Мамчур уделяет основное внимание. Когнитивный релятивизм, с ее точки зрения, опирается

¹ *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004. Далее ссылки на книгу Е.А.Мамчур даются в тексте.

на три основания: 1) эмпирические данные никогда не выделяют единственной теории, с ними могут согласоваться разные теории, несовместимые одна с другой; 2) научные факты «теоретически нагружены», поэтому не могут служить независимым основанием при выборе теорий; 3) альтернативные теории «несоизмеримы», и нет общих критериев, позволяющих одну теорию оценить выше другой. Отсюда, кажется, следует, что у нас нет рациональных оснований предпочесть одну теорию другой, поэтому мы должны признать равноправие различных теорий, точек зрения и т. п.

Наконец, культурный релятивизм утверждает, что научное знание целиком и полностью зависит от того культурного контекста, в рамках которого оно было получено. Язык, мировоззрение, стереотипы мышления и познания той или иной культуры существенным образом детерминируют форму и содержание знания, поэтому каждая культурно-историческая эпоха имеет свою науку. И опять-таки у нас нет никаких способов доказать, что современная наука превосходит науку античности или средневековья.

Е.А.Мамчур последовательно и тщательно анализирует аргументы защитников разных форм релятивизма и показывает, что эти аргументы в лучшем случае говорят об относительности, о релятивности всякого знания, но не могут служить основой релятивизма. Конечно, соглашается автор, научное знание релятивно в том смысле, что всегда несет на себе отпечаток культуры, мировоззрения, стандартов научности и методов, в рамках и с помощью которых оно было получено. Тем не менее признание релятивности знания не заставляет нас отказаться от его гносеологической оценки, от характеристики его как истинного или ложного. Вот главный тезис, который обосновывает и защищает в своей книге Е.А.Мамчур.

В связи с этим она вводит важное различие между «объектностью» научного описания и его «объективностью». Первая – это «описание реальности такой, как она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю». Вторая – это «адекватность теории действительности» (с. 20). Автор полагает, что даже если научное описание включает в себя ссылку на познающего субъекта (а такая ссылка, вообще говоря, неявно присутствует в любом описании, не только в квантовомеханическом. – *А.Н.*), это не мешает ему быть объективным, т. е. соответствовать реальности, быть относитель-

но истинным. Следовательно, признание релятивности всякого знания, невозможности «объектного» описания, наконец, «субъектности» всякого знания вовсе еще не лишает последнее объективности, т. е. его соотнесенности с реальностью. Иначе говоря, Аристотель описывал, скажем, движение тел в одних терминах; Галилей давал другое описание; Эйнштейн описывал движение в новых терминах. Все эти описания в некотором смысле «субъектны». Можно ли ставить вопрос о том, какое из них более адекватно реальности или более истинно? Релятивист считает этот вопрос лишенным смысла. Е.А.Мамчур отстаивает ту точку зрения, что он вполне правомерен, и главная цель науки в том и состоит, чтобы на него ответить.

По-видимому, релятивизм и скептицизм полезны в качестве лекарства от догматизма и фанатизма, но только в небольших дозах. Если же всерьез встать на позиции релятивизма и отказаться от понятий объективной реальности и истины, то наука и вообще все наши споры превращаются в языковую игру, имеющую в лучшем случае лишь инструментальную полезность. Книга Е.А.Мамчур показывает, что объективность научного знания можно успешно защищать, отражая все атаки современного релятивизма. Правда, для этого требуется некоторое знакомство с современной наукой.

Наука и искусство: субъективное измерение знания¹

К числу основных задач философии относится осмысление трансформаций философского знания, метода, значения ключевых категорий и философской предметности в целом. Особый интерес в этой связи уже долгое время представляют эпохальные изменения – от философии Нового времени, представляющей классические варианты ключевых философских вопросов о сущности познания, знания, опыта через философию конца XIX – начала XX в., сформировавшую новые подходы в их обсуждении, к философии современности, сочетающей в себе как классические, так и неклассические образцы. Но, пожалуй, сегодня осмысление этих изменений особенно интересно, если автор осуществляет это сквозь призму какой-то специфической проблемы, через подключение социокультурного контекста, позволяющего вписать становление науки в пространство других сфер духовной культуры, понять, каким образом те или иные аспекты научного творчества дают импульсы для их развития. Такое исследование предпринимает в своей монографии «Человек и мир в науке и искусстве» Л.А.Маркова, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, анализируя ряд важнейших вопросов, связанных со становлением науки в связи с философией и художественным творчеством. Основания многообразных трансфор-

¹ Статья представляет собой размышления о книге Л.А.Марковой. См.: *Маркова Л.А.* Человек и мир в науке и искусстве. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. 384 с.

маций общественного, духовного, научного и собственно философского мышления попадают здесь в фокус анализа, который позволяет обнаружить их в самой сердцевине культуры. В этом контексте возникают вопросы, касающиеся истории научной деятельности, включения в последнюю субъектных характеристик, соотношения философии и науки, проблемы появления нового знания, языка как предмета философского осмысления, произведения и творчества в науке и искусстве и др. Такое исследование, учитывающее многоаспектность соотношения науки, философии и искусства, позволяет в полной мере востребовать исторические ракурсы и логику самой философии, которая, будучи обусловлена своим историческим контекстом, вместе с тем, отвечает духовно-рациональному, духовно-нравственному уровню общества, и предопределяет его изменения.

Общую задачу книги можно охарактеризовать как осмысление современных трансформаций в науке, в особенности, перехода от логики нововременного мышления к научному мышлению иного типа в связи с теми изменениями, которые происходят в искусстве. Ключ к процессу трансформации автор усматривает прежде всего в отношении субъект-предмет, а особенности знания в науке и искусстве рассматривает, обращаясь к таким фигурам как Т.Кун, Л.Витгенштейн, П.Дюгем, Р.Рорти, Ж.Делёз, Х.Патнэм, Д.Блур, М.М.Бахтин, В.С.Библер, В.В.Кандинский. На страницах книги представители науки, философии, искусства включаются в конструируемый автором диалог относительно поставленных в монографии проблем. Л.А.Маркова прослеживает, что процесс переосмысления субъект-предметных отношений затронул самые разные, иногда противоположные философские направления, и иллюстрирует это на примере диалогии В.С.Библера, постмодернизма в лице Ж.Делёза, аналитической философии Л.Витгенштейна, постаналитической философии Р.Рорти и Х.Патнэма, «теории катастроф» Р.Тома.

Книга содержит ряд относительно самостоятельных, но связанных общей задачей разделов. Автор начинает с истории субъекта научной деятельности, переходя впоследствии к анализу современных подходов к отношению субъект-предмет. Рассматривая становление философии Нового времени и XX в., с Л.А.Маркова соотносит ее с наукой, показывает сущность и почву различных

методологических нововведений. Автор обосновывает идею о том, что философия науки через анализ готовых итогов научного творчества не в состоянии подойти к решению проблем, связанным с появлением нового знания. Возможности такого решения усматриваются в постмодернистской философии в аспектах ее обращения к науке и анализируются в том числе и в связи с междисциплинарными исследованиями. В ряде глав Л.А.Маркова сопоставляет науку и искусство в связи с такими проблемами как проблема самодостаточности знания, субъектности, диалога, произведения как процесса и как результата творчества.

Содержание книги многогранно, но я ограничу себя рассмотрением тех проблем и подходов автора, которые созвучны одной из фундаментальных тем современной философии – анализу экзистенциального опыта. Содержание книги во многом проливает свет на роль экзистенциальных компонент познания благодаря тому месту и значению, которые характеризуют в концепции автора понятия субъекта и субъектности. Л.А.Маркова рассматривает проблемы научного познания и художественного творчества, их места в культуре и взаимовлияния именно через философский анализ становления субъекта мыслительной деятельности, образующий сквозную тему исследования.

Зададимся вопросом, в чем же особенности субъекта научного познания и деятельности, соответствующего трем периодам - началу, середине XX в. и, наконец, **современной науке, а также** попытаемся проследить за мыслью автора, дополняя ее собственными рассуждениями и тем контекстом, который автор оставил вне поля своего анализа.

Начало XX столетия как будто подводит черту большой исторической эпохи, которой принадлежат существенные изменения в философской проблематике, в научной картине мира, в искусстве как видении мира и попытке его отразить. Л.А.Маркова пишет, что в начале XX в. **субъект познания предстает лишенным индивидуальных черт**, в философии преобладает идеализация ученого, что в целом является продолжением парадигмы Нового времени. Однако к этому времени готовится и в чем-то уже наступает перелом в философии, определяются течения, идущие вразрез с важнейшими направлениями мысли Нового времени – с материалистическим механицизмом и субъектоцентризмом. Наряду с поиском новых

приемов познания и исследования в философское мировоззрение приходит принципиально плюралистическая установка: необходимость исходить из множественности проявлений бытия и иначе оценивать роль и содержание субъекта. Эти изменения инициируют диалог между философскими течениями и методологиями, порождают новые направления и концепции. Автор монографии почти не затрагивает в явной форме то влияние, которое оказали на философию и науку экзистенциальная, герменевтическая и феноменологическая традиции, но для меня такого рода аллюзии напрашиваются сами собой. Представители этих направлений включили в поле философии жизненный мир человека, способствуя пониманию его места в процессе познания, обратились к смысловому фундаменту, смысловому контексту науки, переориентировав европейские традиции не только научного творчества, но и искусства. На этой волне в XX в. в ряде направлений философии ставится вопрос об особом виде опыта и познания – опыта существования человека, затрагивающего решение специфических проблем и задач, которые принято называть экзистенциальными, познание им своего назначения, смысла присутствия в мире. В более явной форме это проявляется позже, когда познание и деятельность стали рассматриваться в более широком социокультурном контексте, в аспектах интерпретации, выражения в языке и в других системах значений. Положение человека в мире и значимость специфического опыта решения фундаментальных проблем существования оказывает все большее влияние на личность, ее творчество, в том числе научное. В философском мышлении утверждаются новые принципы в понимании сознания и познания, прямо или косвенно обозначаются значимость и особенности его экзистенциального содержания. Л.А.Маркова затрагивает данную проблематику, говоря об идее включенности научного знания в культуру в середине и конце XX в., о значении субъектных характеристик научного знания, о диалоге в науке.

Рассуждения автора побуждают к размышлению о существенном изменении значения и роли субъекта в XX в., несмотря на то, что философия Нового времени уже осуществила субъектоцентрический сдвиг. Эти изменения позволили существенно расширить сферу анализа познавательной деятельности. Новое открытие человеческой субъективности отходит от позитивистской направле-

ности на объекты, не принимающей во внимание экзистенциальный опыт. В неклассической философии познание уже охватывает всю сферу производства и использования смыслов, а сам исследователь как субъект познания предстает в большей целостности, в опыте смыслоотнесенности к миру. Особую значимость в понимании проблем познания обретают переживания, без которых путь человека к смыслу не может быть прояснен.

Опыт субъекта к середине XX в. характеризуется в более широком смысле - как система значений, открывающая доступ к постижению специфики человеческого бытия и нуждающаяся в расшифровке через такие понятия как сознание, понимание, переживание, психическое, смысл, экзистенция, диалог. Представители разных направлений осуществляют поиск тех структур человеческого сознания, которые подводят к пониманию сферы имманентного опыта. Отсюда началось движение по осмыслению всякого опыта как в сущности экзистенциального и только потом и на этой основе – собственно познавательного. В области познания все более проявляется роль глубинного знания, которое рождается в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества.

Содержание книги отчасти показывает, что классические философские проблемы сознания, познания, знания невозможно решать без учета субъектной (хотелось бы добавить, экзистенциальной) проблематики. Результаты, к которым пришла современная философия, состоят, помимо всего прочего, в выведении на новую высоту мира человеческой экзистенции, которая является материалом смысла как элемента познания, знания, ценности. Л.А.Маркова пишет, что сегодня в науке мы наблюдаем синтез классической научно-философской парадигмы с неклассической, научная революция XX в. не разрушила предшествующее знание и способы его получения. «Новый тип науки вырос не «на развалинах» своих предшественников, а как бы на пустом месте, оставив «рядом», в целостности и сохранности классическую науку со всеми ее атрибутами»². Сторонники Венского кружка также не отказывали в значении религиозной вере, моральной норме и эстетическому идеалу, но оставляли их за пределами науки. Неклассические стан-

² Маркова Л.А. Указ. соч. С. 5.

дарты рациональности, уходя от идеи эпистемической исключительности науки, поставили рядом с ней эти формы экзистенциального опыта, что в перспективе позволяло говорить о единстве познания и переживания, познания и экзистенциальности как способа философского постижения природы человека.

Однако Л.А.Маркова делает такой вывод в отношении науки рубежа XX–XXI вв: если сегодня в науку включаются все элементы контекста, то размываются ее границы, и существование субъекта научной деятельности ставится под сомнение. Автор монографии настаивает на том, что в конце XX в., как и когда-то в классической науке, снова, пусть и на свой лад, встает задача устранения тех особенностей субъекта научной деятельности, которые не имеют отношения к содержанию создаваемого, искомого им знания. Это интересный вывод, хотя выдвигаемая в книге идея о плюралистичности современного научного мышления заставляет задуматься о возможности ее совмещения с такого рода «очищением» субъекта. Также мне хотелось бы отметить, что постмодернистскую философию автор рассматривает как имеющую отличительные возможности решения вопроса о генезисе нового знания. Однако для постмодернизма в фокусе находится не объективность знания, а, напротив, его субъективные, периферийные и непознавательные измерения, и новое знание возникает из незнания. Но в таком случае нельзя не признать, что непознавательные контексты, из которых возникает новое знание, содержатся в последнем хотя бы в снятом виде. Отсюда проект преодоления избыточной контекстуальной субъективности, якобы востребованный современной эпохой, выглядит несколько утопичным, если его провозвестниками призваны выступать М.Фуко, Д.Деррида, Ж.Делёз и прочие представители постмодернистской философии.

Словом, автор затрагивает интересные и сложные вопросы, стимулирующие дальнейший исследовательский поиск, имеющий своим предметом научную деятельность, ее субъекта и познание.

Однако в числе вызывающих некоторое непонимание моментов мне хочется отметить следующее. Изучение книги показало, как мне кажется, несоответствие названия и текста, поскольку оно недостаточно отражает специфику и логику исследования. Кроме того, охарактеризованные в заключение этапы философского анализа субъекта мыслительной деятельности не только не вполне

просматриваются в содержании монографии, но и обнаруживают историографическую проблематичность. В частности, говоря о философском анализе субъекта в целом, автор, в сущности, ограничивает себя философией науки, что оставляет за пределами исследования и философию жизни, и религиозную философию, и предтеч экзистенциализма. Ясно, что автор ставил перед собой несколько иные задачи, но в таком случае на введение и заключение, которые объединяют в одно целое многоплановую проблематику книги, ложится чрезвычайно большая ответственность и смысловая нагрузка.

Читая эту книгу, читатель вместе с ее проницательным автором может увидеть, что главные особенности современной европейской философии и науки в своих глубинных основаниях связаны с искусством – сферой духовной культуры, предлагающей понимание мира, человека своими, художественными средствами. Мне близка интенция данного исследования, поскольку автор убедительно показывает, что современная философия стремится выйти к новому, рациональному и синтетическому знанию о бытии и человеке.

Гетеротопия. Рецензия на книгу И.Т.Касавина «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в эпистемологию языка»

Вышедшая в 2008 г. работа Ильи Теодоровича Касавина «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» является знаковой, предлагая серьезный повод поразмыслить не только над проблемой лингвистического поворота, которому она, собственно, посвящена, но и над состоянием современной философии, философской работы как жанра, современным состоянием философского текста как нового типа реальности. Что, разумеется, неудивительно: когда философ, добившийся почти всех возможных на его поприще регалий и, следовательно, формирующий рабочее ядро современной российской философии, выпускает в свет толстую книгу, от нее обоснованно ждешь чего-то большего, чем просто разработки некоторого пучка проблем. В своей рецензии я предлагаю взгляд на эту книгу из перспективы постмодерна, который мне близок и для которого «Текст. Дискурс. Контекст» оказывается замечательной иллюстрацией, пусть даже вопреки заявленному стремлению самого автора сохранить дистанцию относительно данной философской традиции.

Прежде всего в книге, начиная с ее содержания, обращает на себя внимание невероятное разнообразие тем. И.Т.Касавин находит проблемы социальной эпистемологии языка повсюду: в концепциях авторитетных философов прошлого и малоизвестных современных социологов и лингвистов, в шедеврах классической литературы и даже в Библии. Российская философия, в которой до недавнего времени безраздельно господствовали методологи нау-

ки, до сих пор обнаруживает колоссальную инерцию в отношении попыток развернуть ее в сторону гуманистики. Столь широкий охват самых различных областей письменной культуры, какой предложен Касавиным, поэтому до сих пор выглядит в глазах некоторых российских докторов наук непозволительно свободным и даже легкомысленным. Однако, как это отмечает в начале своей книги и сам автор, для перехода в изучении знания от научного к гуманитарному у философии имелись серьезные основания.

Собственно, на вопрос, почему философия в своем исследовании проблемы познания переключилась с изучения строгих наук на гуманитарные дисциплины, «чьи границы неопределенны, а содержание расплывчато»¹, можно отвечать совершенно по-разному в зависимости от того, как мы понимаем назначение философии. Я вслед за Фуко предпочитаю рассматривать философию как процесс изобретения новых приемов мышления и развития языка, то есть процесс исследования возможностей «мыслить иначе», а следовательно, (здесь вступает Делёз) создавать вокруг себя новые реальности. Эти цели и диктуют смещение интереса философии с естественнонаучного знания, характеризующегося высокой степенью формализации языка и жестко закрепленными логическими приемами, на менее ригидное и открывающее в этом отношении большие возможности знание гуманитарное. Следовательно, приходится признать сохранение и даже обострение противостояния между двумя философиями, двумя способами отношения к миру, двумя психотипами философов: материализмом и идеализмом, обретением контроля над реальностью благодаря наращиванию степени ее предсказуемости и готовностью обнаруживать себя каждый раз в новых возможных мирах, повышая степень неопределенности; набившего оскомину противостояние между «физиками» и «лириками». Если Вы – «физик» и Вам как любому нормальному «физику» милее всего твердая почва под ногами и стремление во что бы то ни стало сохранить веру в непререкаемость старых, усвоенных еще в детстве схем мышления, не читайте «Текст. Дискурс. Контекст» – сэкономьте свое раздражение.

Продолжим для «лириков», то есть для философов, как я их понимаю. Итак, И.Т.Касавин вслед за Ницше, как его понимает Фуко, предлагает искать философию повсюду, и вся культурная

¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 23.

реальность предстает у него как грандиозный процесс развертывания социальной эпистемологии языка. В этом смысле «Текст. Дискурс. Контекст» – бесконечная книга, как бесконечен потенциально любой текст. Она обрывается лишь потому, что «надо же когда-нибудь ее закончить и напечатать». То есть мы вслед за Делёзом можем сказать, что книга виртуально бесконечна и актуально конечна, притом, что виртуальное реально, но не актуально. Я неслучайно вспомнила о делёзовской дихотомии «виртуальное/актуальное»: она может быть весьма эффективна для разрешения проблемы отличия дискурса, текста и контекста.

То, что любая новая философия тут же объявляет сферой своего влияния всю реальность и ее опорные понятия немедленно начинают обнаруживать тенденцию к размыванию и тотализации, вроде парменидовского бытия, наукоориентированными философами по привычке считается недостатком концепции. Мы, однако, не произведем сенсации, напомнив, что подобное чувство исключительности на самом деле является меткой философского мышления. Любая философия в тот момент, когда мы позиционируем себя в рамках ее понятийной среды, является единственной и не терпит конкурентов. Социальная эпистемология языка ведет себя в этом отношении как любая уважающая себя философия, однако есть и весьма существенные отличия. Описывать их я буду на языке топологии, который является специфическим для постмодернистской мысли и подразумевает специфическую пространственную постмодернистскую логику.

Фуко и Делёз, каждый по-своему, но очень близким и взаимопоясняющим и дополняющим образом развивали концепцию знания как некоего плана, пространства, плоскости сечения. Такое понимание знания, очевидно, привязано к нашим представлениям о пространстве. Пока это пространство остается евклидовым, пространства знания организованы классическим образом. Подобно тому, как у Евклида параллельные линии не пересекаются, в классическом знании, построенном на принципах логики Аристотеля, исключено третье, действует запрет на противоречие. Примерой классических планов или эпистем – великое множество: хоть Гегеля возьмите, хоть Декарта. Но евклидово пространство не безальтернативно. Мы знаем об искривляющихся неклассических пространствах, в разработку концепций которых внесли лепту

Эйнштейн, Риман, Лобачевский и др. Планы пространства знания, выстроенные по неклассическому принципу, также нарушают законы классического мышления, как неклассические пространства – законы классической геометрии. Фуко называет такие пространства знания гетеротопиями.

Как удержаться и не привести ставшую знаменитой благодаря «Словам и вещам» гетеротопию китайской энциклопедии Борхеса!? «Животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, м) и прочих, н) только что разбивших кувшин, о) издавляемых мухами»². Особенности этой классификации в том, что, как поясняет и сам Фуко, не существует общего пространства встречи этих типов животных. Не существует общего евклидова пространства, однако современная мысль научилась создавать новый тип пространств, которые тем не менее предоставляют основу для таких классификаций. И «Слова и вещи» тоже являются примером подобной китайской энциклопедии: поэтому Фуко и начинает этот труд с соответствующей цитаты.

Книга Касавина – тоже своего рода китайская энциклопедия или гетеротопия, если попытаться обозреть ее целиком: «Тексты подразделяются на: а) дискурсы, б) контексты, в) обыденные, г) гипотаксические, д) не поддающиеся лингвистическому анализу, е) преодолевающие наличные пределы, ж) игры, з) включенные в данную классификацию», и т. д. Если вам стало смешно, значит, вы ощутили близость парадокса – еще одной метки, по которой безошибочно угадывается философская проблема. Смех – защитная реакция ума от пафоса безумия.

В той панораме проблематики социальной эпистемологии языка, которую предлагает в своей книге И.Т.Касавин, находят себе место подчас взаимоисключающие концепции. Контекстуализм, постулирующий зависимость смысла понятия от контекста³, соседствует в пространстве данной работы с универсализмом или

² Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С. 28.

³ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. М., 2008. С. 216–233. Далее ссылки на книгу И.Т.Касавина даются в тексте.

априоризмом, сохраняющим смысловые инварианты (с. 281–294). Позиция, в соответствии с которой «устных текстов нет» (с. 362), сменяет рассуждения, в которых телефонный разговор определяется как минимально консервированный текст (с. 90). Именно такую ситуацию описал в «Археологии знания» Фуко, когда развивал свою концепцию систем рассеивания⁴. Ему было важно выявить основания больших дискурсивных общностей, вроде медицины, экономики, психиатрии. При этом он показывает, что принципом единства каждой из них не является ни единство их объектов, ни единство способа построения их высказываний. Однако же есть специфические дискурсивные отношения, которые позволяют говорить о психиатрии, об экономике, о грамматике. Когда И.Т.Касавин задает общее пространство социальной эпистемологии языка, оно, похоже, порождается такой же системой рассеивания. Концепции, его населяющие, характеризуются различной структурой, логикой, понятиями. То обстоятельство, что в большинстве из них встречаются термины «текст», «дискурс», «контекст», не должно нас ввести в заблуждение: на самом деле речь идет о разных понятиях, закрепленных за одним и тем же словом.

Разберем для начала ситуацию с термином «дискурс». Начиная раздел, посвященный этому термину, И.Т.Касавин дает замечательную историческую справку о его возникновении и употреблении в философии. Когда речь заходит о XX в., мы читаем следующее: «В XX веке возникают многочисленные теории дискурса, которые в основном относятся к двум направлениям. Во-первых, это немецкая школа, которая, опираясь на Канта и англо-американские теории речевых актов, формулировала этические принципы дискурса в рамках теории коммуникативного действия. Во-вторых, речь идет о французской школе дискурс-анализа, которая объединяет критику рациональности Ницше и Хайдеггера с постмодернистски понятым неструктурализмом и отождествляет дискурс с феноменом власти»⁵. Сам И.Т.Касавин далее – и не случайно – отдаст предпочтение дискурсу по Хабермасу. Возможно, поэтому он поставил данную теорию дискурса на первое место, несмотря на хронологическое первенство дискурса по Фуко. И действительно, книга, на которую ссылается Касавин, говоря о немецкой

⁴ Фуко М. Археология знания. С. 39.

⁵ Там же. С. 354.

школе, – это «Моральное сознание и коммуникативное действие» Хабермаса, вышедшая только в 1983 г. Причем исходным хабермасовским термином был отнюдь не «дискурс», а, как об этом пишет и сам Касавин, «коммуникативное действие», которое полностью покрывало терминологические потребности Хабермаса и с которым последний уже работал какое-то время, успев до указанной работы выпустить еще два тома «Теории коммуникативного действия» в 1981 г. Интерес, который у Хабермаса вызывал постмодерн, хорошо известен. Логично предположить, что употребление им термина «дискурс» было как раз данью философской моде, колоссальному успеху работ Фуко шестидесятых годов, в которых «дискурс» был как раз опорным и совершенно необходимым понятием.

Дискурс по Фуко был как раз и вызван к жизни тем обстоятельством, что в отношении той реальности, в которой он себя обнаружил, уже невозможно было употреблять старые, обремененные традицией понятия типа «знание», «познание», «сознание» или еще какие-либо. Концепт дискурса как раз и должен был преодолеть старые дихотомии «бытие/сознание», «материальное/идеальное» и даже «теория/практика», хоть сам Фуко и говорит о праксисе. Девальвация этих уважаемых оппозиций объяснялась размытанием главной оппозиции – «означающее/означаемое» или, еще глобальнее, оппозиции «слово/вещь». На глазах рождалась новая реальность, в которой знаки отсылают к другим знакам, те в свою очередь – к другим, и так до бесконечности. И для этой реальности нужно было новое слово. Им и стал дискурс.

Важно также учитывать, что этой новой реальности соответствовала новая топологическая ситуация, проблема границы обострилась, граница обрела невероятную подвижность и поставила под сомнение понятие текста, которое и сам Касавин определяет вслед за лингвистами как именно «завершенную последовательность языковых знаков»⁶. Поскольку граница является теперь объектом беспрестанной разметки и переразметки, границы текста плывут. Он обретает способность бесконечно расширяться и в пределе сливается с дискурсом.

Любопытно, что и И.Т.Касавин определяет дискурс как принципиально незавершенный, полагая тем самым его принципиальное отличие от текста, что, разумеется, является главной причиной

⁶ Фуко М. Археология знания. С. 365.

того, почему дискурс и текст в такой трактовке неизбежно начинают сливаться. Так, на странице 90 телефонный разговор приводится как пример минимально консервированного текста, а на странице 362 уже звучит заявление, что «устных текстов нет», то есть телефонный разговор – это наиболее очевидный пример дискурса. И действительно, пока два абонента беседуют, это дискурс. Как только трубка положена, он превращается в текст, но стоит одному из них снова набрать номер другого, и разговор продолжится, причем с учетом уже сказанного, так что предыдущий разговор, который был сначала дискурсом, а затем стал текстом, может считаться вновь дискурсом, остаться текстом или даже превратиться в контекст в зависимости от содержания этого нового разговора.

Та же судьба уготована и контексту. Во введении и первом разделе книги автор предлагает нам свое взаимоотношение текста, дискурса и контекста: «Текст, являясь собственно языковой реальностью, существует как смысловая единица только в определенном внеязыковом окружении – контексте, который находит выражение в тексте при посредстве живой знаково-эпистемической деятельности, или дискурса» (с. 29). Здесь контекст четко определен как внеязыковое окружение языковой реальности, представленной текстом. Ранее, однако, автором было задано принципиально иное понимание соотношения контекста с текстом, при котором контекст оказывался способным проникать в текст: «Фокусируясь на сюжетно-смысловой логике текста, автор неизбежно пренебрегает контекстом, выносит его за скобки.... И наоборот, сосредоточие на контексте (на описаниях природы, душевного состояния и пр.) приводит к ослаблению структуры текста...» (с. 9). Здесь, как мы видим, текст уже соотносится с «сюжетно-смысловой логикой», а контекстом именуется «описания природы, душевного состояния и пр.», что, разумеется, еще больше затрудняет различение текста и контекста, тем более, что и тот, и другой принадлежат теперь знаковой реальности, поскольку присутствуют в некотором тексте. То есть речь идет о выявлении текста и контекста уже некоторой «второй степени», обнаружении текста в тексте. Из чего можно заключить, что различие текста и контекста само контекстуально, ситуативно.

Все эти примеры я привела, чтобы показать, что единство слова: в нашем случае это слова «текст», «дискурс» и «контекст» – отнюдь не гарантирует единства понятий, которые они маркируют в

том или ином контексте. На протяжении книги слова «текст», «дискурс» и «контекст» неоднократно меняют свои смыслы. Парадокс состоит в том, что эта во многом случайная самотождественность слова является основой для установления в поле знания некоторой общности. У Фуко, напомним, это медицина или грамматика, а у Касавина это социальная эпистемология языка.

Если речь идет о выявлении/установлении новой дисциплины – а мы понимаем, что у Касавина речь идет ни много ни мало, об установлении новой философской дисциплины, разновидности социальной эпистемологии, в качестве материала использующей наработки философии языка, – то нужно ли в эту философскую дисциплину включать, например, Хабермаса? И должен ли он быть включен в нее только по формальному признаку использования термина «дискурс», признанного опорным для социальной философии языка, даже если сам Хабермас использовал этот термин «случайно», невынужденно, отдавая дань философской моде? Это вопрос отнюдь не риторический. Проблема природы познания поставлена здесь со всей максимальной остротой.

Переформулированная, она может звучать и так: что объединяет «Философские исследования» Витгенштейна, Ветхий Завет и конкретное стихотворение Цветаевой? Возможно, ничто, кроме того обстоятельства, что все они были прочитаны И.Т.Касавиным, который в это время выстраивал собственное мировоззрение, то есть формировал свою точку зрения на мир и, разумеется, использовал указанные тексты в качестве материала. И здесь вскрывается новый проблемный пласт вопросов судьбы (почему Илья Теодорович прочитал те, а не иные тексты, в том, а не ином порядке), личности как некоего локального эпицентра мысли, фокуса, собирающего конкретные смыслы, вопросов субъективности как позиции, точки зрения... Точки зрения на ЧТО? Возможно, точки зрения, создающей объект зрения (социальную эпистемологию языка) и связанный с этим переход от зрения к видению? В этих дебрях можно блуждать еще очень долго. Мне бы хотелось в этой связи перейти к обязательной теме автора, его присутствия в тексте.

И.Т.Касавин собирает вокруг совершенно условного термина «социальная эпистемология языка», являющегося, как это и положено, трехэтажной тавтологией, целую россыпь различных кон-

цепций, часто никак между собой не связанных. При этом он ни одну из них не выделяет, не распределяет их по степени значимости, не назначает какие-то «правильными», а какие-то нет. Он подобен гуляющему по пляжу и собирающему камешки, поднимаящему, разглядывающему, кладущему в карман. Конечно, есть определенный критерий отбора. Возможно, ему самому какие-то нравятся больше. Но каждый важен, поскольку без него не было бы коллекции. В рамках условно замкнутого пространства своего текста, то есть книги «Текст. Дискурс. Контекст» это означает постоянно перемещаться, постоянно менять точку зрения на свой объект, то есть на социальную эпистемологию языка, который постепенно создается благодаря этой смене точек зрения, обретает объем и обрастает нюансами. Эти сменяющие друг друга точки зрения маркированы конкретными именами из истории культуры: Хайдеггер, Деррида, Бродский... Все это маски, которые надевает автор, концептуальные персонажи, в которых он себя тиражирует. Если мы хотим продолжать рассматривать некоторые общности в поле знания, то обязаны иметь навык подобного размножения нашей познающей личности. Подобно тому, как, изучая физику элементарных частиц, необходимо встать последовательно и на точку зрения Бора, предлагающего планетарную модель атома, и Гейзенберга, отвергающего наглядные образы и предпочитающего описывать эту реальность исключительно на языке математики. Все имена истории – это я!

В завершение обратимся к последним страницам книги, к третьему подразделу заключительной главы, названному «Рациональность, единство культуры и неклассическая эпистемология», который получился у автора почти ницшеанским по своей тональности: «Всякая философия... является призывом интеллектуальной элиты, берущей на себя тяжкий труд, большой риск и высокую ответственность за будущее человеческого разума...» (с. 533–534). Здесь мало что можно возразить, кроме, пожалуй, призыва ограничиться настоящим: оставим будущее будущим мыслителям и обживем как следует текущий момент! Сложность состоит не в том, чтобы ускорить время, а, наоборот, в том, чтобы его замедлить. Повышая степень дифференциации окружающей нас реальности, мы учимся сжимать в каждом моменте все большее число особенностей, растягивая шкалу времени до бесконеч-

ности, так что в пределе она вытянется в один бесконечный миг божественного Сейчас, собравшего все бесконечное многообразие мира. Собственно, только о таком единстве и можно вести речь. Что же касается единства европейской культуры, которое совершенно неожиданно возникает на последней странице, то и о нем можно, разумеется, порассуждать: надо только заново провести границы, в которых теперь могла бы существовать эта культурная Европа. Да и сколько эти границы продержатся, решишь кто-нибудь их вновь установить? Не поплывут ли задолго до завершения текста, в котором такая переразметка могла бы быть предпринята? Оседлое существование закончилось, впереди открывалось пространство, обещающее открытое странствие.

**Фуко, Автономова и рационализм
Рецензия на книгу Н.С.Автономовой
«Познание и перевод»**

Пожалуй, дифирамбы в данном случае можно свести к минимуму: Наталия Сергеевна Автономова – первый и очевидно самый авторитетный исследователь Фуко, Деррида, Лакана в России; каждый, кто занимается философией этого направления, идет по ее стопам. Всё, на что обоснованно рассчитывает читатель в отношении работ Н.С.Автономовой, он получает, приступая к чтению и ее новой большой книги «Познание и перевод»: детальное знание философского ландшафта обеспечивает необходимую встроенность анализируемых идей в более широкий контекст и выявляет их генезис; безупречное прохождение всех обязательных к рассмотрению проблем, связанных с темой, тклет ткань текста, естественного как дыхание, без сколько-нибудь заметных стыков и швов при переходе от проблемы к проблеме. Такая стилистическая гладкость, впрочем, имеет и недостаток: возникает иллюзия простоты, струящийся язык убаюкивает, усугубляя риск проспать проблему. Чтобы этого не случилось, следует помнить следующее: у Н.С.Автономовой нет случайных фраз, никакого текстового балласта, за каждым предложением – проблема, более или менее жесткая битва идей, в которой автор принимает ту или иную сторону. Все частные вердикты, которые Автономова выносит по поводу локальных философских конфликтов, однако, вписываются в одну широкую магистраль, которую она на протяжении всей своей исследовательской деятельности прокладывает в поле того, что сама именует французским структурализмом и постструктурализмом.

Эта магистраль может быть поименована следующим образом: «французский постструктурализм как продолжение традиции западного рационализма».

В данной статье я попробую проанализировать плюсы и минусы такого подхода, причем ограничусь рассмотрением философии одного Мишеля Фуко, хотя многое из того, что мне пришло на ум по поводу автора «Слов и вещей», может быть отнесено и Жаку Деррида, который, на мой взгляд, обнаруживает сильнейшую зависимость от первого.

Свою позицию в отношении философии Фуко Н.С.Автономова отчетливо противопоставляет «постмодернистским» прочтениям¹. Понятно, однако же, что здесь все зависит от того, как понимается «постмодерн». На странице 80 Н.С.Автономова отмежевывается от точки зрения В.П.Визгина, по которой «стержнем творчества Фуко выступает некая динамичная неоницшеанская интуиция бурлящего бытия, онтологической стихийности». Далее, на странице 81, она также выражает несогласие с Ф.Джеймисоном, который видит в Фуко постмодерниста, поскольку «он перемешивает все дисциплинарные и жанровые границы». Совершенно очевидно, однако, что если первое заявление об онтологической стихийности слишком загадочно и неопределенно, то второе – о смешении границ – явно недостаточно для определения постмодерна. Что же предлагает сама Автономова? «Напротив, я полагаю, что Фуко в той или иной, но существенной для его собственного пути мере, наследует структуралистскую проблематику анализа образований мысли и культуры через призму языка... Далее, я полагаю, что именно познание, познавательная установка, а не общеонтологические интуиции были для Фуко существенными и определяющими во все периоды творчества»². Первое, что бросается в глаза в этом фрагменте, это невынужденность слова «напротив», с которого он начинается. Исходя из всего изложенного на этих страницах, противоречие между позицией самой Н.С.Автономовой и точками

¹ На странице 80 Н.С.Автономова отмежевывается от точки зрения, по которой «стержнем творчества Фуко выступает некая динамичная неоницшеанская интуиция бурлящего бытия, онтологической стихийности». Далее она также выражает несогласие с Ф.Джеймисоном, который видит в Фуко постмодерниста, поскольку он перемешивает все дисциплинарные и жанровые границы.

² Автономова Н.С. Познание и перевод. М., 2008. С. 80–81. Далее ссылки на книгу Н.С.Автономовой даются в тексте.

зрения Визгина и Джеймисона как минимум неочевидно. И действительно, что мешает Фуко наследовать структуралистскую проблематику и развивать познавательную установку, тем более «в той или иной степени», и одновременно исследовать ницшеанское бурлящее бытие, т. е. становление, смешивая при этом дисциплинарные и жанровые границы? Тем более что у Фуко все примерно так и происходит.

И тем не менее этим своим замечанием я не стремлюсь опровергнуть ход рассуждений Автономовой в этой части ее исследования. По сути оно верно: и зависимость от Ницше, и игра с жанрами и дисциплинами³, вне всякого сомнения, являются признаками постмодерна. Просто есть более принципиальные его – постмодерна – характеристики, которые приходят с точкой зрения на Фуко Натальи Сергеевны Автономовой в более прямое и неминуемое, лобовое столкновение. Все дело в той самой познавательной установке, которую, как на том совершенно обоснованно настаивает Автономова, развивает Мишель Фуко. Что такое знание по Фуко? В зависимости от того, как мы ответим на этот вопрос, мы отдадим предпочтение либо термину «постструктурализм» в его прочтении Автономовой, либо термину «постмодерн».

Оговорюсь сразу: влияние структурализма на проблематику и язык Фуко бесспорно. Но что есть структурализм? Сама Автономова определяет его как метод: «Структурализм – это, полагаю, не философия, но, скорее, общая методология, имеющая определенные философские предпосылки»⁴. Для нас чрезвычайно важно это определение. Ведь коль скоро структурализм – лишь метод, то метод этот может быть использован в самых разных целях. То есть между терминами «структурализм» и «постструктура-

³ Интересно, что на такую игру она и сама укажет на странице 88: «Концепция Фуко – это философия, написанная в форме истории науки». Эта замечательная формула полностью соответствует постмодерну с его масками и травести. Философия Фуко надевает маску истории науки подобно тому, как философия Делёза надевает маску истории философии.

⁴ Здесь же Н.С.Автономова дает свое определение структурализма, фактически не изменившееся с ее ставшей уже классической работы «Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках»: «Акцент на отношениях, а не на элементах, на функционировании, а не на генезисе, на синхронных взаимодействиях, а не на диахроническом генезисе» (Автономова Н.С. Понимание и перевод. С. 29).

лизм», с одной стороны, и термином «постмодерн», с другой, есть разница в уровнях: постмодерн – термин более высокого класса, обозначающий новый тип мышления и культуры в целом, в то время как структурализм и постструктурализм как его аватар – всего лишь инструмент, который вполне может быть использован тем же постмодерном для решения собственных задач, как это и происходит в «структуралистских» текстах Фуко «Слова и вещи» и «Археология знания».

Автономова, разумеется, и сама это понимает. И тогда она предпринимает свой самый рискованный и спорный шаг: устанавливает строгое соотношение между структурализмом и рационализмом. Рационализм – термин уже более высокого порядка. Его проще противопоставить постмодерну, тем более что в истории философии уже были прецеденты в лице Хабермаса. То есть если Фуко – структуралист, а структурализм – это рационализм, а рационализм – не постмодерн, то Фуко – не постмодернист. На первый взгляд, эта логика очевидна. Главное – укоренить структурализм в рационализме. Сделать это, однако же, весьма непросто: слишком очевиден отход структурализма от базовых установок рационализма, как мы его знаем. Для отмежевания от того рационализма, с которым Фуко безвозвратно разошелся, Автономова вводит понятие «классического» рационализма, подразумевая, вероятно, что сам Фуко строит некий «неклассический рационализм» (с. 37), и, однако же, нигде прямо не употребляя такого термина. Одновременно она отмечает: «Отказываясь от одних тезисов классического рационализма (и прежде всего от абсолютизации европейских критериев рациональности как всеобщих и необходимых), от тезиса о тождестве бытия и мышления, структурализм заимствует и воспроизводит другие (тезисы классического рационализма. – *А.И.*) (прежде всего саму направленность на рационалистическое обоснование возможности гуманитарного знания)» (с. 37). Вслушаемся в эту фразу: «Структурализм воспроизводит тезис классического рационализма о рационалистическом обосновании возможности гуманитарного знания»! Послание, зашифрованное в этой строке, может быть истолковано так: гуманитарное знание возможно; такая возможность обоснована рационалистическими средствами; они принадлежат классическому рационализму. Безупречная тавтология. Вопрос о том, в чем заключаются эти средства, и по заверше-

нии тирады остается открытым. То есть совершенно непонятно, какие «другие тезисы» классического рационализма «воспроизводит структурализм». А значит, попытка привязать структурализм к классическому рационализму – во всяком случае на этот раз – проваливается. Впрочем, даже если бы она удалась, осталась бы следующая возможность возразить: даже если структурализм рационалистичен, в какой мере Фуко – структуралист? В той мере, в какой Фуко – философ, он всегда больше, чем структуралист, именно благодаря тому, что структурализм – только метод, даже если это метод – рационалистский. Посмотрим, однако, так ли это.

Вернемся к определению, данному нашим автором структурализму: «Общая методология, имеющая определенные философские предпосылки». Но что за философские предпосылки лежат в основе структурализма как метода? Что позволяет применять методы исследования языка к верованиям (структурализм Леви-Стросса и Дюмезиля), бессознательному (Лакан) или реальности вообще (философский структурализм Фуко, Деррида, а в определенной степени и Делёза)? Ответ самой Наталии Сергеевны Автономовой известен лучше, чем кому бы то ни было⁵: признание за всеми этими реальностями знаковой природы позволяет структурировать их как язык. Говорим ли мы о ритуалах, сновидениях или явлениях этого мира вообще, мы имеем дело со специфическим языком, семиотической структурой. Эта идея принадлежит еще Ницше, который, как и сама Н.С.Автономова, был филологом и сбежал отсюда в философию, а заодно и перенес в нее филологический метод. Водораздел между Ницше и научным структурализмом проходит по границе вопроса о референте. Структурализм изначально не смеет отрицать референт; Соссюр хоть и разрабатывает структурный аспект функционирования знака и связанную с ним проблематику различия, сохраняет и денотат, вещь как существенный, если не основной, источник смысла знака. Ницше идет дальше, он отрицает вещь как таковую, заявляя, что существуют лишь знаки и их интерпретации. И вот тут-то мы подходим к тому самому лобовому столкновению интерпретаций мысли Фуко, о котором я говорила вначале, т. е. к подлинному противопоставлению научно-

⁵ Она даже задается вопросом: «Не видим ли мы здесь слишком радикальный “перевод” проблемы человека на уровень бытия языка и функционирования знаковых конфигураций?» (*Автономова Н.С. Познание и перевод. С. 94*).

го структурализма и постмодерна. Если с точки зрения Соссюра, которую сохраняют и первые структуралисты, мир познается, то с точки зрения Ницше и постмодернистов мир создается!

Таким образом, отвечая на сформулированный выше вопрос, мы можем сказать, что структуралистский метод изначально введен рационалистами, но в силу своего нейтрального характера вполне может быть использован и вне рационалистских познавательных установок. Ведь чтобы к нему прибегнуть, достаточно установить знаковый характер той реальности, для исследования которой структурализм собственно привлекается. Вопрос же о соответствии знаков данной семиотической структуры неким «вещам в себе» остается за рамками структуралистской методики. А именно этот вопрос – о соответствии познаваемого познанию – является определяющим для выявления рационализма. То есть, рационализм и структурализм никак не связаны, хоть и совместимы.

Для Н.С.Автономовой, однако, в высшей степени важно оставить Фуко в объективно существующей и познаваемой реальности. Но может ли подобная попытка быть успешной, можно ли из Фуко и впрямь сделать рационалиста?

Рассмотрим вслед за Наталией Сергеевной фундаментальное понятие Фуко шестидесятых годов – археологии. Параграф, ей посвященный, Автономова начинает так: «“Археология знания” (1960-е гг.) – это прежде всего новый подход к истории, отказ от идей и концепций кумулятивного развития знания, основой которого был бы абсолютно надежный наблюдатель – трансцендентальный субъект» (с. 90). То, что кумулятивная модель знания у Фуко ниспровергается, – совершенно справедливо. Однако такую ли уж важную роль играет в ней трансцендентальный субъект? Главное условие возможности накопления знания – неизменность его объекта, тождественность познаваемого познанию. Если существует мир вещей в себе, неизменных и доступных познанию, то все, что истинно познано в отношении них в прошлом, сохраняет свою ценность и истинность навсегда. Главное – чтобы, помимо неизменных объективно существующих вещей, существовал непогрешимый метод познания. Вот, собственно, два необходимых и достаточных условия кумулятивного знания: стабильный объект познания и адекватный способ познания. Эти два условия есть одновременно условия рационализма. Собственно, непогре-

шимый метод познания и есть рационалистский. Он, кстати, предполагает и существование нелегитимных иррационалистических познавательных приемов, которые должны быть изобличены и отринуты. Кумулятивизм, рационализм и позитивизм – три аспекта одного и того же мировоззрения, три способа поставить акцент на определенном понимании познания. В случае кумулятивизма – на способности знания накапливаться, в случае рационализма – на наличии одного легитимного способа познания в противовес всем остальным, нелегитимным, а в случае позитивизма – на возможности опять-таки конкретными легитимными средствами строить высказывания, которые будут истинны всегда и лягут в копилку знания. Трансцендентальный субъект, конечно, тоже важен как носитель структур рационального мышления. Поэтому нельзя разрушить последнего, не усомнившись в надежности первых.

Теперь посмотрим, чем занят в своем археологическом проекте Фуко. О чем, собственно, «Археология знания»? На поверхности все та же проблема новой истории мысли, которая, в отличие от старой, работавшей на идею непрерывности саморазвертывающейся рациональности как основы суверенного субъекта, имела бы дело только с «общностью рассеянных событий». Проект этой новой истории уже в «Археологии знания» связывается Мишелем Фуко с Ницше и его генеалогией: «Перевороту, произведенному ницшеанской генеалогией, она (классическая история мысли. – *А.И.*) противопоставила поиски первоначального основания истории, которое бы позволило превратить рациональность в *telos* человечества и связать с сохранением этой рациональности, с поддержанием этой телеологии и с вечным необходимым возвращением к самому себе всю историю мышления»⁶. Генеалогический проект Фуко не противостоит археологическому и не сменяет его, как это пытается нам представить Н.С.Автономова. Генеалогия и археология взаимодополняют и поддерживают друг друга. Вкратце это выглядит следующим образом.

Археология исследует горизонтальные синхронные срезы знания, «реконструируя» принципы его функционирования в прошлом. То, как это может быть проделано, иллюстрирует работа «Слова и вещи». Но на самом деле – и с этой мысли начинается «Археология знания» – такая реконструкция сама укоренена в

⁶ Фуко М. Археология знания. С. 16.

конкретном поле дискурса с конкретным типом его организации и призвана решать задачи, актуальные для текущего момента. То есть каждый раз, смещаясь во времени, мы будем «обнаруживать» в прошлом все новые и новые «археологические пласты», выделять все новые и новые типы событий, с тем чтобы решить задачи, стоящие перед нами сегодня, ради чего мы и начинаем историческое исследование вообще. «По мере того, как настоящее какой-либо науки изменяется, рекуррентные перераспределения обуславливают множественность ее прошлого, многообразие форм сцепления, исходных иерархий, сетей определений телеологических схем»⁷. Таким образом, археология занята «реконструкцией» синхронных дискурсивных структур с целью «обнаружения» в конкретную эпоху нужных исследователю событий. Но само такое исследование будет не историей, а генеалогией, поскольку исследователь прекрасно понимает, что «такого рода единства ... установлены операцией, которую можно было бы назвать интерпретативной»⁸. Подобно тому, как Ницше, которому требовалось расшатать современную ему христианскую мораль, выстраивал ее генеалогию, то есть выводил ее происхождение из враждебных жизни инстинктов декаданса. Поэтому, когда исследователи начинают критиковать эпистемы Фуко, которые он описал в «Словах и вещах», они демонстрируют полное непонимание фундаментальных идей этого философа. Дело не в том, были ли Возрождение, Новое Время или еще какие-нибудь другие эпистемы. А в том, что Фуко требуется расшатать субъект. И чтобы показать его временный, текущий характер, ему нужно «реконструировать», то есть «обнаружить» в прошлом такие эпистемы, в которых дискурсивного события «субъективности», как мы ее понимаем, еще не было, а значит, и в будущем могут сформироваться такие типы дискурса или эпистемы, в которых его снова не будет.

Археология есть вспомогательный метод на службе более общего метода генеалогии. Поэтому для обеих главным понятием становится событие, которое в свою очередь есть эффект некоего взаимодействия сил. Дискурс – полевая структура, «место» игры сил, порождающих события. Археология налагает на этот позитивный хаос некую сетку в соответствии с задачами, которые

⁷ Фуко М. Археология знания. С. 8.

⁸ Там же. С. 26.

преследует генеалогия. Антифукианскими поэтому выглядят, например, такие заявления Н.С.Автономовой: «Она (археология. – *А.И.*) нацелена на взаимодействие субъективного и объективного, в результате которого возникают предметы познания, социальные практики, научные дисциплины» (с. 90). Субъективное и объективное у Фуко – временные дискурсивные события, нестабильные эффекты, время которых уже ушло. Как же можно на этих понятиях основывать археологию!

Сомнительно, однако, чтобы столь высококлассный исследователь, каким является Наталия Сергеевна, не замечал этих натяжек. Просто она отлично понимает вырисовывающуюся дилемму: либо Фуко – «приличный» человек, авторитетный ученый, можно даже сказать «историк», поддерживающий в целом здание научного знания, просто предлагающий небольшие лингвистические новации; либо он некто совершенно другой: еще один человек-динамит, чьих новаций наука в ее современном состоянии может, чего доброго, и не пережить. Поэтому Н.С.Автономова осознанно расставляет нужные ей акценты. Как, например, когда она пишет об «Истории безумия», обнаруживая в ней идею зависимости знания от «социальных обстоятельств» (с. 99). Но ведь главная идея Фуко в данном случае соотносится не с проблемой социального, а – уже! – с проблемой власти: психиатрия уже в «Истории безумия» не столько изучает, сколько фабрикует свой объект, не столько лечит, сколько контролирует. Это может быть выгодно и обманутой жене, и экономике всего общества, но дело не в этом. И доказательством этому – уже сформулированная Фуко проблема соотношения зрения и познания, уже отчетливо присутствующая тема дисциплинарных пространств, которую приходится признать и Н.С.Автономовой⁹. Следовательно, нет никакого раздвоения направления исследований Фуко в начале 1960-х, как это утверждает наш автор (с. 101). Фуко решает упорно и последовательно одну и ту же проблему, главную в своей жизни: безумен ли сам Фуко? Как возможно, что человека с безупречно работающим интеллектом объявляют безумцем? Какую познавательную ценность имеет этот вердикт? И ответом на этот вопрос является работа «История безумия» где уже отчетливо поставлена проблема соответствия медицинского слова и этой

⁹ Н.С.Автономова делает на странице 101 ссылку на наличие этой проблемы.

странной «вещи» – безумия. Далее, когда он приходит к выводу, что можно – в угоду ли экономическим, моральным ли запросам общества или отдельного человека – объявить человека безумцем, изолировать, Фуко должен ответить на второй вопрос, непосредственно вытекающий из первого: что в самих принципах функционирования знания позволяет знанию фабриковать свои объекты? И ответом, естественно, становятся «Слова и вещи», в которых Фуко показывает, как мы постепенно переселились из реальности вещей в реальность слов. Знаковый характер окружающей нас реальности позволяет, как это сказал еще Ницше, задавать любые интерпретации, формируя мир вокруг.

После того, как в «Словах и вещах» был провозглашен знаковый тип реальности под названием «дискурс», возник ряд технических вопросов, связанных с механизмами его функционирования, которые надо было также проработать. Этим Фуко занялся в «Археологии знания». Далее, в условиях, когда у него на руках была уже готовая концепция знания, он, вооруженный ею, мог дальше исследовать дисциплинарный характер знания, его сращенность с властью, результатом чего явились «Надзирать и наказывать» и «Микрофизика власти». Таким образом, с самого начала своей философской деятельности Фуко так или иначе занят одним: исследованием систем исключения. Безумец и преступник – два главных персонажа этой системы. Гомосексуалист Фуко чувствует себя и тем, и другим одновременно. Чтобы снять с себя эти ярлыки, ему необходимо обрушить всю систему знания, в которой эти ярлыки сформированы и присвоены. И вот из этого террориста от науки, мечущегося между ненавистью к отвергающему его миру и желанием признания и приятия, готового ради этого принести в жертву всю эту устойчивую, открытую адекватному познанию реальность, весь этот уютный, исправно функционирующий объективный мир, – из него пытается Н.С.Автономова сделать методичного, даже педантичного ученого, эдакого «университетского профессора», у которого объект продолжает исправно взаимодействовать с субъектом, а социальное – определять знание.

К тому же в подобном контексте рассуждений о мысли Фуко остается совершенно необъяснимым разворот к герменевтике субъекта, случившийся с ним в конце его жизни. А ведь все предель-

но просто. Фуко наконец добился того, ради чего начинал свою деятельность: он был признан, более того, стал настоящей философской звездой. Собственная кафедра в Коллеж де Франс была институциональным воплощением этого признания. Но главную проблему своей жизни, проблему познания, Фуко и здесь решил присущим ему способом: максима «Познай самого себя» переведена им как «создай самого себя».

Пропозиции и факты
Рецензия на книгу Джеффри Кинга
«Природа и структура содержания» (King J.C. The Nature
and Structure of Content. Oxford, 2007. 230 p.)

Объект и предмет исследования

Книга профессора философии Университета Южной Калифорнии Джеффри Кинга посвящена анализу смысла предложений (их объективного содержания). Проблема смысла является одной из центральных тем философии языка со времен работ Г.Фреге и Б.Рассела. С тех же пор философами, логиками и лингвистами обсуждается вопрос о природе и функции смысла предложений. Фреге и Рассел задали две важные традиции анализа указанной проблемы, которые развивались и дополнялись на протяжении всего XX в. и продолжают развиваться сегодня. Так, в частности, на определенном этапе развития аналитической философии в качестве специфической индивидулирующей характеристики содержания предложения стала рассматриваться его логическая и синтаксическая структура; данные подходы восходят, помимо прочих, к работам Р.Карнапа и Н.Хомского соответственно. В конце 1980-х – начале 1990-х появилась целая серия работ, в которых утверждалось, что именно синтаксис является ключом к пониманию специфики смысла предложений¹. Работа Дж.Кинга является исследованием в рамках именно этого общего направления, ибо совмещает приемы семантического и синтаксического анализа предложений и соответственно пропозиций.

¹ Например, *Cresswell M. Structured Meanings. Cambridge, 1984*; *Richard M. Propositional Attitudes: an Essay on Thoughts and How We Ascribe Them. Cambridge, 1990.*

Если воспользоваться стандартным определением тематики книги Кинга, то можно сказать, что ее объектом является метафизика смыслов (пропозиций), т. е. их онтологическая природа и строение. Предметом же исследования, т. е. его главной проблемой, является вопрос о том, что именно связывает воедино пропозиции и придает им структуру (р. 9). **Конкретно за счет чего предложения, термины которых указывают на одни и те же объекты и свойства или отношения, могут при этом выражать разные пропозиции, как это, например, имеет место в случае с предложениями «Коля любит Иру» и «Ира любит Колю», где используемые в них имена собственные указывают на одних и тех же людей, а глагол — на одно и то же отношение).**

Кинг утверждает, что пропозиции существуют (или что их следует принять в качестве существующих), но сразу указывает, что не будет рассматривать их как упорядоченные наборы объектов и свойств/отношений, т. е., например, в терминах тройки <Коля, Ира, любить>. По его мнению, структурированные пропозиции не тождественны упорядоченным наборам, а в лучшем случае представляемы последними (р. 8). **Также Кинг отказывается рассматривать пропозиции и в качестве обладающих онтологическим статусом возможных миров (позиция, довольно широко распространенная в современной аналитической философии языка).** Аргументирует он этот отказ тем, что такое истолкование не позволяет конкретизировать специфическую природу пропозиций, ведь тот, кто верит, что $2+2=4$, пишет Кинг, может при этом не верить, что исчисление предикатов первого порядка является неразрешимым, несмотря на то, что и то, и другое является истинным во всех возможных мирах (р. 2).

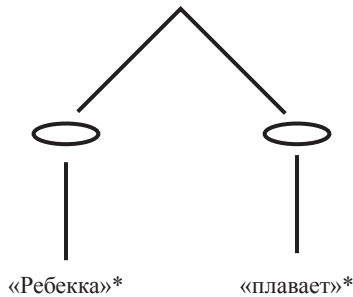
Изложение собственной концепции природы и структуры пропозиций Кинг предваряет кратким экскурсом в концепции Фреге и Рассела с тем, чтобы показать, что предложенные ими подходы к пониманию пропозиций оказываются неудовлетворительными. При этом его критика их концепций осуществляется по одной и той же схеме: он отыскивает в работах этих мыслителей пассажи, согласующиеся с его собственным подходом к пропозициям, а затем указывает на другие цитаты, которые противоречат первым или являются с ними несовместимыми, и на этом основании приходит к заключению о неудовлетворительности указанных концепций.

Концепция пропозиций Дж. Кинга

Свой собственный подход Кинг формулирует с опорой на базовые составляющие аппарата генеративной грамматики Н.Хомского. При этом он исходит из двух допущений: (1) схема, демонстрирующая логическую форму предложения, представляет синтаксическую структуру, (2) в такой схеме явно указана область действия кванторов и других соответствующих элементов (р. 27–28).

Одним из центральных тезисов автора является утверждение о том, что элементы (конституэнты) пропозиций связаны (структурированы) так же, как и сентенциональные конституэнты, т. е. термины внутри предложения. Иными словами, синтаксические отношения и структура эквивалентны пропозициональным.

Далее автор утверждает, что в предложении слова выполняют не только свою сентенциональную функцию, будучи соответствующим образом (отношением) связаны в предложении, но и свою референциальную функцию. Последняя заключается в том, что слова также указывают на объекты и свойства или отношения. Таким образом, предложение «Ребекка плавает» Кинг анализирует следующим образом (р. 30):

Две соединенные линии представляют сентенциальное отношение между терминами «Ребекка» и «плавает». Вертикальные линии – это референциальное отношение между термином и тем, что он обозначает, т. е. самой Ребеккой и свойством плавать, они отмечены звездочками. Овалы же на рисунке обозначают именно слова в том случае, когда они одновременно обладают и сентенциальным свойством, и референциальным.

К данной формулировке Кинг делает две поправки: (1) расширяющую данный подход для учета контекста использования (можно предположить, что именно на месте слов стоят овалы, ибо речь не идет исключительно об английских словах «Rebecca» и «swims»), (2) позволяющую утверждать, что в синтаксисе закодированы инструкции по установлению истинностного значения пропозиции относительно того или иного возможного мира.

Таким образом, искомое отношение, связывающее и структурирующее пропозицию, оказывается результатом совместной реализации (joint instantiation) сентенциального отношения терминов «Ребекка» и «плавает» и их референциального отношения. Проще говоря, по Кингу, с пропозицией мы имеем дело, когда есть объекты и свойства, связанные соответствующим пропозициональным отношением, эквивалентным сентенциальному отношению тех терминов, которые на них указывают.

За изложением критики Фреге и Рассела, а также самой концепции Кинга в книге следуют главы, анализирующие возможные возражения против сформулированной теории, и исследуется ряд связанных проблем, среди которых проблемы связанные с допущением пропозиций в целом и структурированных пропозиций, в частности, вопросы отношения модальных и временных операторов к пропозициям, а также их роль в разрешении парадокса анализа, т. е. проблемы отличия информативных тождеств от тавтологий. Однако в рамках данной рецензии я хотел бы воздержаться от масштабного анализа импликаций теории Кинга и остановиться лишь на тех ее аспектах, которые показались мне проблемными.

Факты и пропозиции

Интересной особенностью подхода Кинга является то, что пропозиции он также называет «фактами» (р. 26). Однако если все пропозиции – это факты, то не все факты – это пропозиции. Для иллюстрации того, о чем идет речь, рассмотрим все то же предложение «Ребекка плавает».

Автор пишет, что анализ пропозиции как упорядоченной пары <Ребекка, плавать> не удовлетворителен, и соответственно само по себе обладание Ребекки свойством плавать не является пропозици-

ей. Оно является фактом, который делает пропозицию истинной. Соответственно факт-пропозиция требует дополнительной компоненты для того, чтобы отличаться от факта. Таковой, согласно Кингу, выступает именно пропозициональное отношение, в котором состоят друг к другу указанные элементы и которое выражено сентенциональным отношением указывающих на них терминов. Получается, что факт-пропозиция существует независимо от наличия или отсутствия соответствующего факта. Последнее лишь оказывает влияние на истинностное значение факта-пропозиции, т. е. отсутствие факта делает факт-пропозицию ложным (р. 27).

Кинг, как я упомянул выше, критикует позиции Фреге и Рассела за спутанность. Однако что касается его собственной позиции, то она, как мне кажется, представляется не менее спутанной².

Это в первую очередь относится к его пониманию факта. На первый взгляд оно является стандартным. Однако если учесть, что пропозиции он тоже считает фактами, то тогда возникает затруднение. Ведь его утверждение о том, что факты делают пропозиции истинными, похоже, приводит к тому, что истина становится отношением между фактами разного рода. Соответственно, если пропозиции могут быть истинными или ложными, то тогда (по правилу экзистенциального обобщения) некоторые факты также являются истинными и ложными. Приписывание же семантической интерпретации сущностям, называемым «фактами», мне кажется неверным. Ведь это в свою очередь ставит вопрос о сфере применимости предиката «истинно», который оказывается применимым и к предложениям (лингвистическим сущностям), и к фактам (нелингвистическим и даже не психическим сущностям).

Данного затруднения можно было бы избежать, рассмотрев пропозиции не как факты, а как некоторые объективные сущности, сопоставляемые с фактами. Так это, например, делал Витгенштейн в «Логико-философском трактате», когда разводил факты и положения дел, утверждаемые в предложениях. Так это, похоже, делают и некоторые современные исследователи, считающие пропозиции возможными мирами. Однако Кинг, как уже говорилось выше, изначально отказывается от понимания пропозиций как возможных

² Если о позициях Фреге и Рассела вообще можно говорить как о чем-то едином, чего они придерживались на протяжении долгих лет своего философского развития.

миров. Относительно Витгенштейна он пишет, что тот оказал на него некоторое влияние (р. 27), однако какое именно, он уточнить отказывается.

Далее проблемным представляется утверждение Кинга о том, что пропозиции – это всегда известные нам факты. Это, как мне кажется, следует из следующего его заявления: «Если факты, которые суть пропозиции, являются фактами наличия действительных контекстов и т. д., то не будет суждений, конституэнтами которых будут объекты без имен, на которые никогда в действительности не было указаний с использованием контекстуально зависимых выражений» (р. 42). Ведь если так, то получается, что неизвестные нам пропозиции не существуют. Но тогда, похоже, вопрос о том, как осуществляется познание и схватывание новых пропозиций, остается без ответа. Более того, становится неясно то, как совместимо утверждение об объективности пропозиций с требованием их зависимости от нашего психического знакомства с ними.

Таким образом, исходя из данных сомнений, судить однозначно о том, насколько автору удалось предложить ясное и эффективное объяснение природы и структуры пропозиций, оказывается весьма трудно. Однако даже если Кингу и не удалось достигнуть той цели, которую он ставил в начале своей работы, то его книга в любом случае достойна ознакомления, поскольку является по своему стилю очень ясной, а по характеру полемической и провоцирующей мысль.

Е.В. Вострикова

**Как нам следует понимать значения?
Рецензия на книгу П.Богоссиана
«Содержание и обоснование»**

Книга профессора философии Нью-Йоркского университета Пола Богоссиана «Содержание и обоснование»¹ представляет собой собрание его работ за довольно-таки большой промежуток времени (самая ранняя работа – 1989 г. и самая поздняя – 2008-го). Несмотря на то, что книга является сборником статей, она представляет собой целостный последовательный текст, излагающий достаточно стройную концепцию значения, ментального содержания и их связи с вопросами знания и обоснования. Книга разбита на четыре тематические части: «Природа содержания», в которой рассматриваются вопросы о следовании правилу, натурализации содержания, нормативности значения, «Содержание и знание о себе», где исследуется вопрос о том, насколько прозрачно ментальное содержание для субъекта, «Содержание и априори», посвященная вопросу о том, можем ли мы иметь какое-то знание на основании одного только содержания, «Цвет: понятия и свойства» о природе цветовых качеств.

В целом подход Богоссиана можно охарактеризовать как классический, рационалистический, антинатуралистский, антиэкстерналистский и антиредукционистский. И в этом смысле он, конечно, отстаивает достаточно непопулярные тезисы в современной аналитической философии. Его представления достаточно хорошо характеризует фраза: «Свойства значения (семантические свойства)

¹ *Boghossian P.* Content and justification. Oxford, 2008. Далее ссылки на книгу П.Богоссиана даются в тексте.

представляются неэлиминируемыми, равно как и нередуцируемыми. Возможно, пришло время смириться с этим фактом» (р. 46). Такая позиция предполагает критику некоторых распространенных в современной философии концепций значения, ментального содержания и обоснования, поэтому сначала следует больше сказать об общем контексте проблем, обсуждаемых в данной работе.

Предложить какое-то стандартное определение ментального содержания или значения достаточно сложно в силу того, что при этом практически невозможно остаться нейтральной по отношению к той или иной концепции значения и содержания. «Содержание» или «ментальное содержание» – это термины, обозначающие содержание наших убеждений. В аналитической философии принято отождествлять это содержание со значением или смыслом (*meaning*) соответствующего предложения (в косвенном контексте). П.Богоссиан разделяет это допущение: «Я отождествляю значение слова с понятием, которое оно выражает, и таким образом я полагаю, что значение предложения “Вода мокрая” дает содержание убеждения, которое могло бы быть выражено буквальным утвердительным употреблением этого предложения» (р. 178). Следовательно, предполагается, что любые аргументы о сути значения затрагивают также наши представления об убеждениях (верованиях – *beliefs*) и соответственно наши концепции знания и обоснования, поскольку знание – это истинное обоснованное верование.

Традиционные представления о значении – реализм – восходят к Платону и Фреге в современной философии. Согласно Фреге, любое выражение может обозначать свое значение (так Фреге называл предмет) только благодаря своему смыслу, под которым понимал не сводимый к психологическим свойствам способ мышления о предмете. Это представление в XX в. стало объектом серьезной критики благодаря размышлениям о следовании правилу (Л.Витгенштейна и С.Крипке), о терминах естественных видов и роли самого мира, а не мышления в конституировании их значения (Х.Патнэма, С.Крипке), роли социума в формировании значения (Т.Бёрдж).

Крипке в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» формулирует скептический парадокс и предлагает скептическое решение его. Парадокс в данном случае представляет собой доказательство тезиса, который является очевидно неприемлемым, – о том, что не существует никаких фактов значения. Его

скептическое решение состоит в признании такой ситуации нормальной, в противопоставление нескептическому решению, которое бы показывало ошибку в аргументации. Крипке предлагает отказаться от идеи о том, что предложения обладают условиями истинности, и заменить их в теории значения условиями приемлемости. Аргумент Крипке получил большой резонанс, один из разделов данной книги также посвящен его рассмотрению.

Широкое распространение в современной философии также получил тезис Х.Патнэма об экстерналистской природе значения. Патнэм предложил мысленный эксперимент о Двойнике Земли, где моря и озера наполнены жидкостью, идентичной по внешним признакам нашей воде, однако имеющей другую химическую структуру XYZ. Патнэм утверждал, что слово «вода» на Двойнике Земли даже до того, как что-то стало известно о структуре вещества, имело другое значение, чем на Земле. Если значение отождествляется с содержанием наших убеждений, то этот аргумент имеет серьезные следствия для теории познания. Так, из этого следует, что содержание наших убеждений не является доступным и прозрачным для нас, что мы можем не знать, что думаем. Естественно, истинность этого тезиса имеет самые драматические последствия и для наших представлений о рациональности: ведь она означает, что человек может иметь два одинаковых или два противоречивых убеждения, совершенно не подозревая об этом. Хорошо известен пример С.Крипке о мальчике, усвоившем убеждение «*Londres est jolie*» при изучении французского в Париже, и убеждение «Лондон ужасен», по приезду в Лондон и поселении в одном из грязных районов британской столицы. Таким образом, если экстерналист прав, то этот мальчик одновременно придерживается двух противоречивых убеждений, и его никак нельзя назвать рациональным. Значительный урон традиционным представлениям о значении нанес У.Куайн своей критикой понятия аналитичности. Согласно его аргументации, не существует различия между аналитическими и синтетическими суждениями, поскольку не существует никаких предложений, истинность которых устанавливалась бы безотносительно к каким бы то ни было фактам. Критика Куайна имеет серьезные последствия для теории познания, поскольку традиционно основой последнего считаются предложения логики, истинность которых не может быть подвергнута сомнению именно в силу их аналитической природы.

Итак, отстаивая классические представления о значении, знании и обосновании, П.Богоссиан рассматривает аргументацию в пользу этих новых теорий, а также их следствия и демонстрирует ошибочность или ограниченность этой аргументации или неприемлемость этих следствий.

Аргументация, предлагаемая П.Богоссианом против крипкеанского представления о значении, очень близка той которая, предложена В.Ладовым в недавно изданной книге «Иллюзия значения». Так же, как и Ладов, Богоссиан рассматривает альтернативные «здоровому реализму» (**robust realism**) **концепции значения – ирреализм и редукционизм**, находит их неприемлемыми и делает вывод об истинности реализма. Он отвергает эти концепции примерно на том же основании, что и отечественный исследователь: сама формулировка тезиса о нефактуальности значения («Все предложения не имеют истинностных условий») предполагает те представления об истинности и истинностных условиях, которые этот тезис отрицает.

Богоссиан рассматривает также позицию, пытающуюся примирить экстерналистскую интерпретацию ментального содержания и доктрину о привилегированном доступе к сознанию. Он выдвигает тезис о том, что если эта концепция является истинной, то мы должны знать некоторые факты о мире априори (например, из факта, что у меня есть понятие воды, я должна была бы сделать вывод, что вода существует), что, безусловно, является неприемлемым следствием.

Не принимает Богоссиан и критики Куайном понятия аналитической истины. «С моей стороны, я никогда не понимал, как мы можем обойтись без этой идеи» (р. 4). Он предлагает провести различие между метафизической (тезисом об истинности предложения только на основании его значения) и эпистемической аналитичностью (тезисом об обосновании только на основании значения). Он показывает, что куайновская критика успешна только в первом случае. Истинность таких предложений, как «Квадрат имеет четыре стороны», зависит от фактов употребления и значения определенных слов. Но когда эти факты даны, предложения такого типа могут обосновываться на основании одних только значений («Пересматривая аналитичность»).

Книга П.Богоссиана предлагает ряд очень важных и оригинальных аргументов.

В частности, интересен и важен для понимания сути проблемы следования правилу его тезис о природе нормативности значения. Богоссиан подчеркивает, что последняя состоит не в том, как человек способен следовать одному и тому же правилу в разные моменты времени. Это представление о природе нормативности является достаточно распространенным. По всей видимости, и Крипке был склонен к такой интерпретации нормативности. Можно вспомнить его пример с квусом и плюсом: Крипке пишет, что если с человеком произошло затмение, то ничто не может подтвердить, что в прошлом он употреблял именно плюс в традиционном понимании, а не квус (формулу, в соответствии с которой следует действовать до 100 как с плюсом, а после ста квумма любых двух чисел равна 5). В ответ на это возражение можно сказать, как К.Макгинн, что для сохранения понятий следования правилу и значения достаточно отказаться от этого условия «затмения» и определить значение в терминах идеальной эпистемической ситуации или близкой к идеальной. Как совершенно справедливо показывает П.Богоссиан, сложная проблема нормативности состоит в различии между корректным и некорректным употреблением слова. И с этой точки зрения представляется оправданной его критика диспозициональной теории значения, которой, к примеру, придерживается П.Хорвич. В этом плане представляется, что проблема нормативности значения является существенной сложностью для теории значения как употребления, где значение слова понимается в терминах нашей склонности принимать или отвергать предложения, содержащие это слово. Непонятно в данном случае, как можно определить «нашу» склонность – в количественном или качественном смысле – достаточным образом, чтобы обосновать различие между корректным и некорректным употреблением.

Другой очень важный и, на мой взгляд, решающий аргумент содержится в главе «Натурализуя содержание». Он демонстрирует, что в рамках ни одной из предложенных теорий натурализации содержания – концепций, согласно которым значение или содержание можно объяснить в терминах законосообразной связи между символом и свойством предмета – невозможно показать, как символ может вызываться только одним свойством, тогда как каждый раз появление этого символа будет сопровождаться существованием в среде более чем одного свойства, коррелирующего с рассматриваемым.

Попробую также остановиться на моментах, которые, на мой взгляд, заслуживают критики. Как мне представляется, П.Богоссиан не совсем прав, когда принимает без дальнейшего обсуждения тезис о тождестве значения выражения и ментального содержания. Представляется, что невозможность развести их вынуждает Богоссиана принимать некоторые достаточно спорные тезисы. В частности, он утверждает, что никакое экстерналистское определение значения не совместимо с нашим пониманием рациональных практик и что мы должны отбросить либо одно, либо другое. Этот тезис следует из двух других его тезисов о том, что экстерналистская концепция значения не может быть совмещена с идеей о прозрачности, доступности для субъекта его собственных содержаний («Что экстерналист может знать априори») (р. 175–189) и что идея и содержания не может быть совмещена с нашим представлением о рациональности, согласно которому субъект на основе априорного анализа своих убеждений должен быть способен сказать, являются ли они противоречивыми («Прозрачность ментального содержания»), а в противном случае, мы никогда не сможем провести различие между подлинно противоречивыми убеждениями и теми, которые кажутся таковыми в силу незнания собственного ментального содержания (р. 175).

Принятие вышеобозначенного допущения о тождестве ментального содержания и значения делает позицию Богоссиана достаточно уязвимой для критики. Аргументация Патнэма в пользу тезиса о том, что значение зачастую определяется не сознанием, а миром, в некотором смысле постулирует нечто очевидное. Значение, безусловно, не всегда доступно высказывающему. В частности, сложно совместить это резкое отрицание экстерналистского взгляда на значение с его же (Богоссиана) собственным тезисом о нормативности последнего, которую нельзя объяснить фактами, касающимися конкретного человека и его содержаний (или диспозиций) или даже целого сообщества. По всей видимости, Богоссиан здесь оказывается предметом собственной критики – мы не можем объяснить, как внутренние по отношению к субъекту факты, пусть это и схватывание реальных значений, могут быть источником нормативности значения.

Ясно, что нам следует провести различие между значением слова и пониманием значения. Значение явным образом отчасти конституируется внешними факторами, в особенности в таких слу-

чаях, как имена или термины естественных видов. В этом смысле значение, конечно, не всегда доступно говорящему. Однако из этого не следует, что ему недоступно, что он имеет в виду, значения, которые он вкладывает, являются прозрачными для него, тем не менее они могут быть просто неправильными. Иными словами, никакое введение значений как нередуцируемых семантических единиц не объясняет, почему я не могу употреблять слово «собака» по отношению ко всем маленьким четвероногим млекопитающим. Из тезиса о внешней природе значения не следует тезис о внешней природе содержания наших собственных убеждений.

Ведь сам автор указывает, что понятие не помогает нам в решении проблемы следования правилу. Реализм относительно значения помогает нам решить проблему только «внутренних значений», но не «внешних».

Данная работа представляет собой блестящий образец современного аналитического мышления в философии, где строго и последовательно отстаиваются ясно и отчетливо сформулированные тезисы, а также всегда демонстрируется ограничения сферы действия собственных аргументов, рассматриваются возможные возражения. Книга, безусловно, будет интересна и полезна не только узкому кругу российских специалистов в области аналитической философии, а каждому, кого волнуют проблемы знания, обоснования, значения и понимания, поскольку она не страдает использованием сложного логического аппарата и не отягощена перечислением множества обыденных употреблений слова «знать», за которым легко потерять смысл рассуждения.

**Ощущение знания и социально-историческая
эпистемология
Рецензия на двухтомник М.Шульмана
«Ощущение знания»**

М.Шульман известен специалистам как человек, одним из первых заговоривший в России о социально-культурной обусловленности естествознания. В своей кандидатской диссертации и публикациях он поставил этот вопрос, с самого начала понимая, как легко впасть в вульгарный социологизм, и стремясь заложить в свою концепцию все способы противостоять такой опасности. В этих начальных шагах российской социальной эпистемологии были выделены как прямые, открытые, непосредственные (например, социальный заказ), так и латентные формы социального воздействия на естествознание, значимые для него. Среди причин преобладания вторых обозначались две: неспособность общества формулировать проблемы на языке науки и ограниченные возможности последней решить многие проблемы. Для характеристики связи её с обществом М.М.Шульман и Е.З.Мирская выделили три уровня воздействия: дисциплина, латентная социальная детерминация и социально-организационное окружение науки. Дисциплина задает способы деятельности ученых, характеризуя ее как социальную. Латентная социальная детерминация формирует такие приемы и идеализации, которые проявляются в правилах и стилистике научной деятельности, адекватных социальным условиям. А социально-организационный уровень имеет микросоциальное значение¹.

¹ Мирская Е.З., Шульман М.М. О характере социальной детерминации научного знания // Социология науки: вопросы теории и практики. М., 1982. С. 3–51.

Двухтомная монография М.М.Шульмана знаменует собой не только дальнейшее развитие социальной эпистемологии, но и выделение в ней исторического направления, выявляющего формирование идеалов рациональности научного естествознания в контексте смены исторических эпох и взаимодействия культур. Одновременно она является значительным достижением социальной антропологии и культурологии.

Проблема социально-культурной детерминации естествознания получает развитие с анализа индивида, который может выступить как познающий только в том случае, если он обладает субстанциональными свойствами – способностью быть не просто индивидом, но личностью. Книга в целом говорит о том, что и другие субъекты познания – научное сообщество или общество – должны также быть субстанциональными. Первое должно иметь научный этос, а второе – культурную идентичность. Все вместе они выявляют свою субстанциональность как агенты духовного производства.

Антиномия личностного и объективного знания выступает у автора исходной абстракцией исследования. Получение знания, его приращение и использование выстраиваются в книге в целостный процесс.

Предметом социоисторического эпистемологического исследования в работе Шульмана является европейское естествознание. Оно формировалось не только под воздействием наблюдения и эксперимента и желания быть с пользой примененным. Как пишет автор, «вместе с тем... идеал “разума”, понимание познавательной деятельности как неангажированного, бескорыстного, исходящего из нравственной установки искания истины вполне корреспондировали становящейся социальной системе науки как “республики ученых”»². В ней задавался идеал научности, отличный от норм деятельности в науке, отвечающий притязаниям понятия западноевропейской научности на универсальность. Автор монографии отмечает также когнитивный плюрализм в конструировании объективной реальности естествознания, показывая вместе с тем методологическую ущербность когнитивного редукционизма, отрицающего значимость многих других факторов, в том числе социокультурных и исторических. Влияние оказывают и атрибутивные, не сводимые к знаниям феномены религии, и интуиция, спасающая в условиях неопределенности.

² Шульман М.М. Ощущение знания. Ростов н/Д., 2009. С. 20.

Постепенно автор движется в сторону раскрытия логики культурного воздействия на процесс европейского научного знания. Он стремится описать в своей работе особенности европейского научного знания, присущего человеку, и знания, отделяемого от него, проанализировать когнитологические альтернативы, выявить порождающие модели европейских идеалов знания. Особый интерес проявлен к роли интерпретации Бога в культурной картине мире католиков и протестантов «как Высшего существа, как Сущности, как еще одной реальности в рамках известного человеку мира»³, в отличие от православия, иудаизма и мусульманства, в которых признается диалог человека с Богом как с надмирной личностью, раскрывающей глубины человеческого «Я».

В первом томе труда когнитивная альтернативность ищется в культурных истоках Средиземноморья, во втором томе в этом качестве выступают римская контекстуализация ойкумены, уроки школы Филона, ектесия ап. Павла, школы как порождающие модели. Охват воистину броделевский и интересный для рецензента этим сходством, ибо он внимательно изучал описание средиземноморского капитализма у Броделя, для которого мало-помалу наука становится фактором развития капитализма.

История европейского естествознания в Средиземноморье раскрывается через развитие форм рациональности, здесь протекающих из противоречия средиземноморской культуры, в основе которого он видит антиномию античного осмысления человека как существа общественного и авраамической традиции общения человека с Богом. Но в рамках каждой из сторон этой культурной антиномии он находит детально описанные когнитивные альтернативы. Тут все же различаются в целом «пастухи ветра» и «призванные делать»: «Знание уже перестает быть “святым наитием”, а “призванные делать” оборачиваются “людьми, не обремененными знаниями”»⁴. Здесь выявляются истоки западноевропейской рациональности как не только эллинистические и западнокристианские, а также авраамические, в полной мере присущие иудаизму, православию и мусульманству. Его подход позволяет выйти из привычных рамок «общество—человек» и раскрыть иные истоки формирования науки и рациональности, быть может, особенно

³ Шульман М.М. Ощущение знания. С. 35.

⁴ Там же. С. 58.

значимые для нас в религии как диалоге с самим собой как с потенциально высшим существом. Этот вошедший в западную культуру потенциал незападного видения, невольно осваиваемый и переживаемый Европой, вбирающей его в себя, – действительная когнитивная альтернатива, может быть, имеющая и новые перспективы.

Не будучи специалистом по истории, я не стану останавливаться на остальных когнитивных альтернативах, тем более что концепция заключена в «двухполярной средиземноморской традиции» – первой традиции западной современности и западного капитализма, а естествознание здесь – культурный феномен, принадлежащий этой традиции.

Материал книги столь обширен, что у специалистов – историков, религиоведов, страноведов – могут возникнуть некоторые несогласия. У философов замечание может вызвать не вполне адекватное масштабу исследование доминанты такого субъекта, как личность, и недостаточное внимание к научному сообществу и обществу как субъекту познания.

Но в целом читатель получит талантливое сочинение – плод десятилетнего страстного труда, который не может оставить безразличным.

«Знание-как»: между лингвистикой и эпистемологией¹

Книга профессора философии Ратгерского университета Дж. Стенли «Знание-как» посвящена критике некоторых идей Г.Райла, сформулированных им в работе «Понятие сознания». В этой книге Райл проводит различие между знанием-как и знанием-что, которое в целом можно обозначить как различие между практическим и теоретическим знанием. Основная идея Райла состоит в том, что когда человек знает, как выполнять какое-то действие, он вполне может не обладать соответствующим теоретическим знанием: «Если мы попросим остряка изложить те максимы или каноны, в соответствии с которыми он придумывает и оценивает шутки, то он будет в затруднении сформулировать ответ. Он знает, как создать хорошие шутки и как определить плохие, но он не сможет представить нам или себе самому какой-то рецепт их создания. Таким образом, практика остроумия не является клиентом теории остроумия»². Райл далее использовал это различие для критики чрезмерно интеллектуалистской, с его точки зрения, традиции описания сознания.

Основной тезис книги Дж. Стенли состоит в том, что не существует важного теоретического различия между знанием-как и знанием-что.

¹ Размышления о книге Дж. Стенли «Знание-как» (*Stanley J. Know how. Oxford Univ. Press, 2012*).

² Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. С. 213.

Данное различие настолько глубоко укоренилось в философии, что сложно представить, каким образом его можно подвергнуть сомнению. Кажется, что в нем схватывается некоторое интуитивно понятное различие между теорией и практикой. Прежде всего именно благодаря провокативному характеру основного тезиса книга Стенли представляет для нас большой интерес. Кроме того, любопытен метод исследования, используемый Стенли. Этот автор принадлежит к новому поколению аналитических философов, очень хорошо знакомых с современными работами в области формальной семантики и синтаксиса и применяющих этот научный подход к анализу предложений естественного языка для решения важных проблем эпистемологии и метафизики.

Стенли обосновывает свой основной тезис, главным образом опираясь на современные исследования в области формальной лингвистики. Обороты, начинающиеся со слов «что» и «как», не являются единственными или исключительными в своей способности выступать в качестве аргумента глагола «знать». Мы также используем следующие предложения:

- (1) Он знает, где лежат деньги.
- (2) Она знает, почему он не пришел.
- (3) Вася знает, кто взял деньги.

Эти же слова могут стоять в начале вопросительных предложений:

- (4) Где лежат деньги?
- (5) Почему он не пришел?
- (6) Кто взял деньги?

Данное наблюдение дает основания полагать, что анализ предложений, содержащих «знает, как», должен совпадать анализом значения для предложений (1)–(3) и, возможно, иметь какое-то отношение к анализу предложений (4)–(6). В действительности, унифицированный анализ для этих предложений был сформулирован в работах лингвистов. Он восходит к работе 1973 г. С.Л.Хэмблина «Вопросы в английском Монтегю» и дальнейшее развитие получил в работах Р.Хоссера (R.Hausser), Л.Карттунена, Дж. Грёнендейка и М.Стокхофа. В основе этой теории лежит идея о том, что значение вопроса – это класс возможных ответов на него.

Например, в теории Р.Хоссера вопросы представляли собой лямбда-абстракции. Значением вопроса «Кто решил проблему» является класс людей, которые решили проблему. В такой интерпретации разные типы вопросов принадлежали разным семантическим типам.

(7) [[Кто решил проблему?]] = λx [решил (x, проблему)]

(8) [[кто решил проблему]] = {Ваня, Маша, ...}

В теории, предложенной Карттуненом, а также Гроенендиком и Штокхофом, вопросы представляют собой классы пропозиций (правильных ответов на данный вопрос). Обычные вопросы и подчиненные предложения с вопросительным словом анализируются в рамках этих подходов одинаково. В работе Грёнендейка и Стокхофа³ 1982 г. дается унифицированный анализ придаточных предложений «кто пошел на вечеринку» и «что Хана пошла на вечеринку». Их значение – это функция от индексов (возможных миров) к пропозициям. Она берет возможный мир в качестве своего аргумента и возвращает полный ответ на вопрос в качестве своего значения.

Если вопросительное слово «кто» осуществляет квантификацию по объектам, то «как» – это квантификация по способу осуществления действия.

Не вполне формально этот анализ можно представить в следующем виде:

(9) [[Как плавает Билл]] = $\lambda p \lambda w$ ($p \ \& \ p$ = пропозиция, что Билл плавает способом- w).

Таким образом, с точки зрения языка и знание-как, и знание-что представляют собой отношение к пропозициям.

Аргумент Стенли в поддержку его главного тезиса можно представить следующим образом.

(посылка) Предложения «знать, как» и «знать, что» следует анализировать одинаково как отношения к классу пропозиций.

(заключение) Следовательно, и «знание, как», и «знание, что» являются примерами пропозиционального знания.

Данный аргумент вызывает сразу несколько вполне очевидных вопросов и возражений, и я начну с анализа ответов на них, предлагаемых Дж. Стенли. Затем остановлюсь более подробно на собственно лингвистической части исследования Стенли, которая представляет особый интерес вне зависимости от того, удастся ли автору обосновать свой основной тезис.

³ *Groenendijk J., Stokhof M. Semantic analysis of wh-complements // Linguistics and Philosoph. № 5. 1982. P. 175–233. Хорошее изложение этих идей см.: Groenendijk J., Stokhof M. Questions // Handbook of Logic and Language. P. 1055–1124. Elsevier, 1997.*

Итак, наиболее очевидные возражения можно суммировать следующим образом.

(1) Какое отношение анализ предложений естественного языка имеет к вопросу о структуре верований? Возможно, лингвистически анализ, на который опирается Стенли, является верным для предложений обычного языка. Возможно, что наш язык не предполагает серьезного различия между знанием-как и знанием-что, но разве из этого следует, что те состояния сознания, которые мы называем «знанием-как» являются пропозициональными?

(2) Данный анализ не отражает интуитивного различия между практическим и теоретическим знанием, которое существует и которое нельзя отрицать. Более того, различия, близкие к этому, проводятся и используются в когнитивной науке.

Удается ли Стенли предложить убедительный ответ на вопрос о том, почему для эпистемологии или метафизики может быть интересен анализ лингвистической структуры предложений? На мой взгляд, его работа не позволяет дать однозначно позитивный ответ на данный вопрос. В любом случае тезис о том, что структура предложений о верованиях является ключом для анализа структуры самих верований, имплицитно принимается большинством исследователей в современной аналитической философии, и интересна уже сама попытка Дж. Стенли эксплицитно обосновать этот тезис.

Он пишет: «Семантические дискуссии часто фактически являются метафизическими дискуссиями, представленными в формальном виде. Когда семантисты дают объяснение предложениям, содержащим косвенный вопрос, объясняют ли они, что значит стоять в отношении к вопросу, или они дают объяснение значению определенных предложений? Правильный ответ состоит в том, что они выполняют обе задачи одновременно; именно поэтому так часто лингвистические семантисты рассматривают философские дискуссии как вклад в формальную семантику»⁴. Ясно, однако, что данное рассуждение нельзя рассматривать в качестве аргумента. Лингвисты в действительности часто обращаются к работам философов, в особенности, когда философы анализируют язык, но сложно понять, почему из этого следует, что любая работа по семантике является одновременно работой по метафизике.

⁴ Stanley J. Know how. Oxford Univ. Press, 2012. P. 148.

Стенли приводит такой аргумент: при построении семантики мы используем следующую схему:

«S» истинно, если и только если S,

где S – это предложение. Конечно, есть и исключения из этой общей схемы, например, случаи, когда в предложении есть контекстуально зависимые элементы, такие как «я».

Стенли утверждает, что ученые не могут открыть, что знание, как делать что-то, это не то, что выражается предложениями, в которых прописывается знание, как это делать.

Эти рассуждения оставляют больше вопросов, чем ответов. Лингвистическая семантика не исследует реальность саму по себе, а то, что предполагается структурой наших предложений. В этом смысле лингвистический анализ предложения «Он знает, как плавать» может быть интересным и полезным, но только для того, чтобы пролить свет на то понятие знания, которое предполагается в нашем языке.

Если мы хотим исследовать сами состояния сознания, в частности состояния знания (практического или теоретического), то должны применять совсем другие методы исследования и исследовать совсем другой объект.

Стенли рассматривает такой вариант. Он допускает, что то представление о состояниях сознания, которое приписывает наша народная психология, окажется бессодержательным, как это произошло в физике с понятием флогистона. Возможно, что когнитивная наука откроет, что не существует никакого состояния, соответствующего знанию-как.

Однако он полагает, что такой сценарий маловероятен в когнитивных науках. В качестве аргумента он указывает на то, что когнитивисты, исследующие это или сходные различия – между имплицитным и эксплицитным, между декларативным и процедурным знанием, считают преимуществом приверженность уже устоявшемуся употреблению. Как мы видим, большая часть аргументов, которые приводит Стенли в ответ на первое замечание, являются скорее аргументами от истории науки, чем серьезными и содержательными.

Вопрос о том, отражает ли структура предложений о знании структуру состояний нашего сознания, остается открытым. Если рассматривать аргументы Райла в лингвистическом ключе, как аргументы о том, что в нашем языке понятия «знания-как» и

«знания-что» строго различаются, то те лингвистические факты, на которые опирается Стенли, действительно имеют силу и представляют серьезный аргумент против анализа Райла.

Остается лишь вопрос о том, существуют ли какие-то более сильные аргументы в пользу различия между знанием-как и знанием-что, помимо тех, которые опираются на наше словоупотребление. Обратимся теперь к ответу, который предлагает Стенли на второй аргумент.

Автор указывает на то, что данное различие зачастую путают с другими, действительно важными для когнитивной науки. В частности, его нельзя отождествлять с различием между процессуальным и декларативным, имплицитным и эксплицитным, вербальным и невербальным знанием.

Различие между процедурным знанием, которое предполагает специальную процедуру вывода (например: «всегда, когда видишь человека, представляй его в качестве смертного»), и декларативным – теоретическим знанием, представленным в виде общей декларации, возникло в исследованиях по искусственному интеллекту. Стенли утверждает, однако, что это различие не между двумя типами состояния знания, а способами его достижения. Содержания знания в любом случае все равно являются пропозициями, однако в случае процедурного знания – пропозициями о какой-то деятельности.

Данное различие часто путают с различием между вербализуемым и невербализуемым знанием. Однако процедурное з также может быть вербализовано. Например, вербализация может быть представлена в такой форме: «Вот так я наношу удар левой рукой». Возможность такой вербализации не превращает данное знание в декларативное. Совершенно необязательно, что если человек обладает умением, то он не способен дать его описание в более развернутом виде, чем в вышеприведенном примере. Далее, многие исследователи в области когнитивной науки подвергают критике еще одно различие, которое часто путают с различием между знанием-как и знанием-что, – между имплицитным и эксплицитным знанием.

В заключение мне хотелось бы обратиться к одному моменту в лингвистическом анализе Дж. Стенли предложений о знании-как. Он справедливо обращает внимание на тот факт, что зачастую такие предложения включают в себя инфинитивный оборот.

(9 Он знает, как остроумно пошутить⁵.

Соответственно, важной частью анализа таких предложений является понимание того, как устроены эти инфинитивные обороты. Большинство современных лингвистов полагают, что в структуре таких предложений есть неизменяемый элемент PRO.

(10) Он знает, как PRO остроумно пошутить.

Отношение между неизменяемым PRO и его антецедентом называется контролем. В некоторых случаях PRO обязательно зависит от своего антецедента, например: Джон хочет PRO выиграть (= Джон хочет, чтобы он выиграл). Такие случаи называются контекстами обязательного контроля.

Предложения с инфинитивами с вложенными вопросами не являются случаями обязательного контроля. В таких случаях, PRO может либо контролироваться субъектом главного предложения, как в случае (11), либо получать обобщенную интерпретацию, как в предложении (12).

(11) Джон спросил Билла, как PRO поступить в данной ситуации.

(12) Он знает, как PRO_{arb} вести себя на приеме у королевы.

В таких случаях, как (12), PRO интерпретируется как PRO_{arb}, и инфинитивная конструкция приобретает генерическое (обобщенное) прочтение. Такого рода конструкции предполагают наличие оператора GEN, который осуществляет квантификацию по объектам-индивидам. Этот оператор связывает PRO_{arb}. Речь в данном предложении идет о неопределенном произвольном субъекте.

Дж. Стенли предлагает особый анализ для случаев, когда значение PRO зависит от своего лингвистического антецедента.

Для таких случаев, как (11), существует две основные теории в литературе. Первая является предикативной. Согласно этой теории, PRO представляет собой не местоимение, а λ -абстракцию. Фразы с инфинитивными оборотами, содержащими PRO, обозначают, таким образом, свойства. Согласно второй, PRO представляет собой местоимение, значение которого зависит от антецедента, в таком случае инфинитивные обороты, содержащие PRO, обозначают пропозиции.

Стенли обращает внимание на тот факт, что предложения с инфинитивными оборотами, если они имеют не генерическое прочтение, обязательно должны интерпретироваться как отношения *de se*.

⁵ Эти аргументы несколько сложно представлять на русском языке в связи с тем, что для знания-как в нем существует специальное слово «уметь».

(13) Джон хочет стать врачом.

Это означает, что предложение (13) нельзя интерпретировать просто как (14).

(14) Джон хочет, чтобы Джон стал врачом.

(14) может быть истинно, к примеру, если у Джона серьезные проблемы с памятью, и он читает письмо, где человек пишет о том, как сильно он хочет быть врачом, и искренне желает этому человеку стать врачом, забыв о том, что он сам написал это письмо. Предложение (13) не может употребляться в этой ситуации.

Дэвид Льюис⁶ предложил анализировать такие предложения как те, в которых субъект приписывает себе некоторые свойства.

Стенли формулирует несколько аргументов против этой концепции и выдвигает свою концепцию PRO. Мне хотелось бы предложить некоторые соображения против его аргументации.

Одним из аргументов в пользу предикативного анализа является контраст между предложениями (15) и (16):

(15) Ване хочется, чтобы он стал врачом, и Сергею тоже.

(16) Ваня хочет стать врачом, и Сергей тоже.

Предложение (15) может иметь строгое (strict) и нестрогое (sloppy) прочтение. В первом случае оно будет означать, что Сергею тоже хочется, чтобы Ваня стал врачом, а во втором – что Сергей сам хочет тоже стать врачом. Предложение (16) может быть понято только в нестрогом прочтении, согласно которому Сергей тоже хочет стать врачом. Предикативная концепция объясняет это тем, что элемент PRO является λ -абстракцией.

Однако Стенли обращает внимание на такое предложение:

(17) Вася хочет стать врачом, но его мать не хочет этого.

Наиболее естественной интерпретацией (17) является то, что мать Васи не хочет, чтобы Вася становился врачом. Если же мы принимаем пропозициональную теорию Стенли, то «этого» будет указывать на вложенную пропозицию «Вася становится врачом».

Однако, на мой взгляд, этот аргумент может работать и против идеи Стенли:

(18) Каждая дочь Саши хочет стать кухаркой, но Саша не хочет этого.

Конечно, (18) не значит «Каждая дочь Саши хочет, чтобы каждая дочь Саши стала кухаркой, но Саша этого не хочет».

⁶ Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // The Philosophical Review. Vol. 88. № 4. 1979). P. 513–543.

Если же мы интерпретируем вложенную клаузу как «чтобы она стала кухаркой», то опять-таки «этого» не может указывать просто на эту пропозицию:

(19) Каждая дочь Саши хочет, чтобы она стала кухаркой, но Саша не хочет, чтобы она стала кухаркой.

Таким образом, этот пример представляет собой сложность и для предикативного анализа, и для анализа Стенли.

Возможно, «этого» и в первом, и во втором случае указывает на «этого события», и данное выражение понимается прагматически из контекста предложения, а не как прямая указание.

Другой его аргумент касается поведения местоимения «я» в сходных контекстах.

(20) Я хочу, чтобы я стала врачом, и Вася тоже.

«Я» всегда имеет прочтение *de se*, однако предложение (20) имеет строгое прочтение (Вася тоже хочет, чтобы я стала врачом). На мой взгляд, этот аргумент не является сильным. Теория контроля PRO не должна ставить своей задачей объяснение поведения местоимений, таких как «я», во вложенных клаузах.

Стенли предлагает свой вариант анализа элемента PRO, который основывается на фрегевском подходе. Он полагает, что некоторые пропозиции включают в себя «способ представления от первого лица» (R_1) в качестве конstituенты, и именно она делает их мыслями *de se*.

(21) S думает об S' во время t , благодаря $R_1(S, S', t)$

Инфинитивная клауза предложения «Вася хочет стать врачом», таким образом, будет содержать следующие конstituенты: Вася, $\lambda x \lambda y (R_1(x, y))$ и значение выражения «стать врачом».

Однако опять-таки неясно, каким образом этот анализ будет применяться к более сложным предложениям, таким как:

(22) Большинство людей мечтает разбогатеть.

Если аргументы Стенли могут быть подвергнуты критике, то у сторонника различия знания-как и знания-что может остаться возможность отстаивать его. Он может утверждать, что если предложения типа (23) могут не иметь генерическое (обобщенное) прочтение, а рассматриваться как приписывание себе свойства *de se*, то такие состояния знания не должны интерпретироваться как пропозициональные.

(23) Я знаю, как играть на гитаре.

Книга Дж. Стенли «Знание-как» представляет собой замечательный образец современной лингвистической философии. Идеи, которые автор отстаивает в своей книге, впервые были опубликованы в совместной статье Дж. Стенли и Т.Вильямсона⁷ «Знать, как» в 2001 г. Эти идеи вызвали очень обширную дискуссию, было написано множество критических отзывов на эту работу. Во многом благодаря ей проблема знания-как вновь стала одной из наиболее обсуждаемых в эпистемологии. Поэтому знакомство с данной книгой будет интересно и полезно для всех, кто интересуется современной эпистемологией, даже для тех, кто не разделяет основных посылок и подхода Дж. Стенли.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 12-06-00386а.

⁷ Stanley J., Williamson T. Knowing how // Journal of Philosophy. 2001. 98(8). P. 411–444.

**Фантазия – ключ к интерсубъективному единству.
Размышления о книге В.Ю.Кузнецова «Мир единства»¹**

«Мир единства»² – очень смелая книга. В особенности по своей исследовательской цели. А цель ее по сути кантианская – определить мировую реальность через культурные условия возможности ее тематизации. И ключевым условием такой тематизации оказывается... фантастика. Мысль эта, разумеется, не везде проведена прямо, но будет преследовать читателя на протяжении всей книги – сложно не почувствовать основной мотив, определивший и посыл: «Реальность фантастична, фантастика реальна».

Проблема

Храбрости автора можно позавидовать. Ну кто сегодня, помимо аспирантов провинциальных педуниверситетов, да «новорожденных» теологов, возьмется за разработку столь дискредитированной темы – единства мира? Чтобы как-то компенсировать это, автор, возможно, и выбирает необычный ракурс обсуждения – дистанцируется от традиционного представления проблемы, создает свой особый стиль «мягкой и гибкой мысли» (с. 8), который я бы назвал поэтической операционализацией тавтологий:

¹ Статья написана при поддержке фонда РГНФ, проект № 10-03-00085а, а также проект № 11-03-00672а.

² Кузнецов В.Ю. Мир единства. М., 2010. Заглавие не должно вводить читателя в заблуждение. Боле точным было название «Единство мира», но такую книгу, видимо, уже написали.

«Неустранимость сцепленности разнообразнейших вещей... раскрывает универсальность, связанность любой предметности... и вязкость проблематики. Будучи рассеянной, она незаметна; проявляясь всюду, она очевидна; лишенная устойчивой формы, она пребывает в бесконечном движении; не обладая собственным голосом, она беззвучна» (с. 9). «Она» – это тотальность, трансцендентность, искомая реальность единого. И в конечном счете эта очевидно дискредитированная тема оказывается беспроблемным способом представления самых произвольных исследовательских проектов. Скажем, требуется известная фантазия(!), чтобы последнее – замыкающие монографию и представляющие сами по себе наиболее добротными и интересными – исследования в области «непрямой референции», «перформативности», «модернизации», «речевых актов» подвергать под заявленные тему и проблему.

Содержание

И все-таки единство мира не сделало единой книгу как в стилевом, так и в тематически-проблемном отношении. Начнем с того, что монография сопровождается загадочным по своей функции предисловием К.А.Свасьяна, минимально реферирующим к содержанию монографии и представляющим собой местами остроумное, местами бесноватое стариковское брюзжание по поводу молодых авторов, которых «всосала в себя фантомно-советская дрящность» и «которые дергаются в пионерско-комсомольском, татаро-монгольском бессознательном...». Скорее всего, загадочная функция «предисловия» в том, чтобы задать некий фон безрыбья, как непрямой и в этом смысле весьма позитивной референции к рецензируемому автору и труду. И действительно, книга поражает эрудицией. На 190 страницах распределены ссылки на 620 (фактически и зачастую неоднократно) процитированных работ, причем львиная доля приходится на первую часть книги, где цитатная эквилибристика автора раскрывает его незаурядные способности философского диск-жокея. Однако к середине исследования пропорционально уменьшению интенсивности цитирования авторская позиция, а вместе с нею и увлекательность существенно усиливается, и к завершению труда читаем другого автора, квалифицированного специалиста в области

современной философии языка, феноменологии, теории коммуникации, разбирающего частные проблемы и предлагающего их нетривиальные концептуализации.

Нужно отдать должное и скрупулезности автора, то и дело сомневающегося в адекватности самой своей проблемопостановки, в возможностях ее внятного формулирования (с. 17), призванного как-то отразить две несоизмеримые мировые характеристики – неисчерпаемость и целостность. Впрочем, трудности проблематизации единства мира преодолеваются развиваемым автором методом фиксации полярностей или полюсов, неких экстремальных значений, анализ которых собственно и приводит нас в область культурнозаданных условий возможностей фиксации мирового целого. И за примерами полярных фиксаций мирового единства не надо далеко ходить: хаос-космос, инь-ян, Осирис-Сет, Рамазд-Ахриман – примеры можно множить бесконечно. Единые в своей полярности и культурно-инвариантные оппозиции, по мысли автора, и указывают на искомую целостность: «лампы разные, но свет один». Впрочем, автор не забывает и (в стиле В.С.Стёпина) указать на непосредственную корреляцию с научными подтверждениями древних мистицизмов: «Все источники фотонов – есть один источник с определенным пространственным распределением»³.

Конечно, поначалу многие аргументы автора выглядят несколько старомодными. Как, например, попытка обосновать единство мира «методом от противного»: «Гипотетическое отрицание единства мира... предполагает... возможность говорить обо всем мире в целом, что представляет форму перформативного противоречия» (с. 22). Трудно предположить, что автор не знаком с расселовским решением проблемы «несуществующих объектов». Впрочем, в защиту автора и аргумента «от противного» заметим, что проделать ту же аналитическую процедуру с «единым миром»,

³ В сноске заметим, что – словно в подтверждение процитированной мысли Свасьяна – нет-нет, да и прорывается в первой части книги сверх всякой меры заезженные назидательные и тавтологически-неинформативные реминисценции в стиле диаматовских учебников: «Мировоззрение – это воззрение на мир, миро-воззрение, некоторая картина мира в целом, видимая из какой-то позиции... и предполагающая, как правило, некоторое отношение к миру. Конечно, существует и философское мировоззрение, т. е. мировоззрение, выработанное с помощью философии. Однако одна из важнейших задач философии – рефлексивный анализ мировоззрений и их оснований» (с. 21).

которую проделал Б.Рассел с «лысым королем Франции», – задача далеко не тривиальная; и не будем требовать от разработчика метафизической проблемы столь абстрактного порядка отказа от дорогих его сердцу «несуществующих (= фантастических) объектов». Возможно, такого рода аргументы появляются, видимо, в силу своеобразия поставленной автором задачи – поисков единства мира без обращения к субстрату, к качественно однородным единицам, будь это кварки или иные апейроноподобные сущности, которые в разного рода картинах мира выступают носителями элементарных (субстанциальных) мировых свойств. Этот программный отказ от поиска элементарных единств и толкает автора на экзотические решения, в частности заставляет его обратиться к концепции «магмы» Касториадиса как некой “безосновной основы мира”.

Ниже, однако, словно недовольный собственными трудно операционализируемыми «словесными па», автор неожиданно отходит от метафорически-метафизического представления мирового единства, обращаясь к его научно-физическому описанию, к проблемам «барионной асимметрии» частиц и античастиц, как известно, отвечающей за появление и сохранения вещества или материи. Наивный читатель тут же предположил бы, что автор, оставив метафизический спекуляции как не оправдавшие себя метафоры, наконец-то возвращается к научным описаниям реальности. Но физическое описание единства, как и многое в этой книге, оказывается востребованным совсем для другой задачи – для обоснования и утверждения... фантастики и фантазии: ведь именно благодаря тому, что «...задается эталонный горизонт научности ... истинной картины мира – остальные воззрения трактуются в качестве фантастически-искаженных» (с. 27). Здесь наука оказывается неким условием возможности фантастики и в этом смысле низводится до скорее служебно-подчиненной роли.

На протяжении всей книги автор предлагает самые разные пути и способы выйти к предмету собственного интереса – фантазии и фантастике. В результате та же судьба «прислужниц фантастики» отводится и многим другими формам мышления и принципам аргументации: и «антропный принцип», и логические исчисления «возможных миров», «моделируемые в произведениях фантастики», и эффекты виртуальности, и теории и имплементации искусственного интеллекта, интернет и видеоигры, киберкуль-

туры и даже психические состояния (опьянение, сон, транс) – все предстает формами локализации фантастики в реальности как ее поистине трансцендентальное условие возможности.

От единства мира к единству культуры

Итак, единство мира кроется в единстве артефактов, единстве культуры, каковое в свою очередь порождается воображением и фантазированием. Этот тезис, сам по себе не особенно проблематичный, применяется и к самому себе. А едина ли сама культура, обеспечивающая единство мира (глава вторая), – задается вопросом автор. Возможности позитивного ответа он вполне в традиционном ключе – связывает с набором неких «социокультурных констант» (главным образом с ценностями), а невозможность эксплицировать их как инвариантные и культурно-универсальные компенсирует фиксацией (как и в случае с мировым единством) полярных значений, указывая прежде всего на оппозицию *естественное/искусственное*. И уж с такой культурной универсалией действительно не поспоришь. Вопрос только в том, не является ли эта универсалия лишь тавтологией, указанием на то простое обстоятельство, что всякая культура является культурой и не является «натурой». И хотя автор, безусловно, подходит к вопросу более тонко и наполняет эту оппозицию богатым содержанием, апеллируя к *естественности/искусственности* языка, освещения, питания, материалов, религий, интеллекта и т. д., он тут же релятивизирует ее, представляя ее в качестве «гипотетических полюсов более или менее непрерывного континуума» (с. 36).

Ощущая проблематичность и недостаточность своего решения поиска единства культуры через культурно-инвариантные оппозиции, автор разрабатывает и вспомогательную аргументацию. Таковым основанием культурного единства, полагает он, может служить и методология герменевтического круга; в любое явление культуры заложены сходные принципы единства: элемент (страница книги) содержит целое (всю книгу), и коммуникативные принципы общения, и алфавитный принцип, распространяемый им не только на тексты, но объемлющий «спектры выразительных возможностей вообще, будь то ...цветоустановочные таблицы, фазы

движения человека или... обертона какого-либо тембра» (с. 39). И все-таки надо признать, что не всякий читатель согласится с тем, что единство культуры фундировано настолько глубоко и обосновывается физиологической структурой восприятия.

Наконец автор нащупывает, как ему кажется, окончательный способ зафиксировать искомое единство, заключенное, по его мнению, в «разнообразии взаимодействий» (с. 47). Они сводятся и осуществляются в рамках пяти фундаментальных «доминионов»: в философии, науке, религии, искусстве и мистике, каждый из которых описывает весь мир целиком, но непременно своим неповторимым образом. Этот список постулируется как исчерпывающий. Почему сюда не вошла мораль, равным образом способная своим специфическим образом характеризовать любые события, действия или переживания и в этом смысле являющаяся универсально-специфическим описанием? И разве право и политика не налагают свои специфические коллективно-обязательные описания практически на любые фрагменты и реалии культуры и природы? Несправедливо, как мне кажется, забыты и массмедийные описания реальности, способные в своей универсальности и охвате поспорить с любым иным доминионом.

Поставив проблему поиска единства культуры, во второй части книги автор переходит к фактическим реализациям такого рода поисков (глава «Проекты и проекции философии»), несколько не стесняясь ставить себе самые грандиозные задачи:

«Во-первых, задача заключается в том, чтобы схватить мыслью философию в целом, во всем много- и разнообразии ее проявлений». Эту не самую простую задачу автор, вслед за Мамардашвили и Стёпиным, решает, прибегая к известной классификации классического, неклассического, постнеклассического стилей мышления и подробнейшим образом анализируя когда-то воспринятую как откровение «статью трех авторов», о которой вспоминают ныне разве что пенсионеры Института философии. Думается, можно было бы и обойтись без этой навязшей в зубах схематизации, даже безотносительно ее адекватности или неадекватности. Любопытно здесь и то обстоятельство, что после такого реверанса в сторону мэтров непосредственно примыкающая глава («Философия между властью и обществом») не обходится и без укола так называемой «институциональной философии», под которой без труда угады-

вается тот же ИФ РАН. Признавая «необходимость философских институций», автор замечает, что «такого рода институт... начинает действовать по принципам распределения власти, порождая... соблазн следовать только формальным ритуалам в стремлении к ... общественному статусу» (с. 80).

Анализируя конкретную структуру обособившихся доминионов, автор в рамках общего принципа культурного единства провозглашает тезис сближения некоторых из них. В частности указывается на взаимное сближение между искусством в форме литературы, наукой в форме критики и философией. При всем справедливом указании на философствующий характер русской литературы, на лингвистический поворот в философии XX в., на литературство французских экзистенциалистов, все-таки этот тезис вводится несколько *ad hoc*. Зачем же они обособились, чтобы потом сближаться? Происходит ли таковое сближение, скажем, между искусством и религией, мистикой и наукой, а если нет, то почему это сближение оказывается контингентным?

Впрочем, не исключено, что особое внимание к сближению доминионов, синтезу научных предметных описаний и художественной фикциональности в очередной раз подводит автора уже на более конкретном уровне к предмету его главного интереса – фантастике: «оказалось, что обычными средствами можно говорить не только о существующем... но и о не существующем еще будущем, о несуществовавшем прошлом – так оформляется фантастика» (с. 81).

В третьей главе автор продолжает свой дерзкий проект, обращая взор на проблему «преодоления метафизики». Преодолевая ее в стиле Хайдеггера⁴, отбрасывая «путанные определения» «Новой философской энциклопедии» (с. 95), автор смело вводит глобальные терминологические дистинкции и требует:

– «Философию оставить как общепринятое наименование для мыслительных традиций... (включающих образцы не только западные, но и восточные; не только рациональные, но и мистические; не только классические, но и современные; не только на-

⁴ Хайдеггер различает два способа преодоления: *Verwindung* и *Ueberwindung*. В первом случае (как, например, в случае преодоления боли) преодоленное остается с нами, никуда не исчезая. В.Кузнецов, несомненно, преодолевает ее в этом ключе.

стоящие, но и будущие), и в этом смысле... отказ от философии не может сам не быть философским жестом... к прошлым способам философствования...»

– «Онтологией обозначить фундаментальную философскую дисциплину (учение о бытии), составляющую основу любой философской концепции вместе с гносеологией и аксиологией... – три главные аспекта любого философского подхода»

– «За метафизикой закрепить исторически конкретный набор западноевропейских стратегий... классического периода» (с. 95–96).

Однако эта не лишенная изящества фундаментальная классификация, конечно же, не срабатывает применительно к ее собственному статусу. Куда она относится, к чему принадлежит? На первый взгляд, именно философия представляет наиболее фундаментальный уровень, включающий и онтологию, и метафизику. Однако сама предложенная классификация, очевидно, является онтологической. И классифицируя все существующее на классы и рода, теперь уже именно эта онтология-классификация Кузнецова определяет место как философии, так и метафизики, претендуя на статус базового мета-учения или мета-философии.

Читатель ждет дальнейших движений в заданном ритме жестких формулировок и четких дистинкций, поначалу определяющих тон третьей главы. Однако в трактовке своеобразия текущего философского момента как кризисного формализаторский стиль автора (возможно, сообразно самому моменту) неожиданно ломается, и на место схематизатора заступает поэт, словно буреветник, черпающий силу в энергиях философской бури. Не удержимся и приведем парадный образец такого стиля кризисной рефлексии:

«Да, профессиональных... философов стало... неприлично много, исследования ведутся в промышленных масштабах, количество публикаций грозит завалить все живое... поступательность традиции взламывается все ниспровергающим и все разрушительным порывом модернизма, штормовой ветер которого гасится не только все примиряющими ироничными волнами постмодерна, но и всепожирающим политкорректным академизмом ...а жестокий террор дискурса снимается прихотливым дизайном словесной вязи... Ничего совершенно необычного в философии не происходит» (с. 101–102).

От преподавания к фантастике

Третья часть исследования объединяет в себе два далеко не явным образом согласующихся предмета авторского интереса⁵: «философию преподавания философии» и «философию фантастики». В отношении преподавания и его главной проблемы («Как встроиться в традицию») посыл автора формулируется не без патетики: «Учительство в философии больше похоже на жреческое посвящение или мистериальную инициацию, нежели на трансляцию знания и прием в научное сообщество» (с. 123). Это посвящение требует реализации двух (взаимодополнительных, если не взаимоисключающих) принципов: «принципа вектора» и «принципа путеводителя». Первый требует отказа от обучения заданным эталонам и стандартам философствования. В дискуссиях со студентами следовало бы задавать лишь приблизительные направления. Второй же реализует представляющееся скорее противоположным намерение познакомить с элиминированными ранее эталонами и стандартами, предложить учащимся некий «путеводитель по уже проложенным путям и тропинкам мысли, помогающим освоить метрику и топологию концептуальных пространств».

Однако лишь вторая глава третьей части несет в себе основную идейную нагрузку. Собственно, все предшествующие рассуждения о предназначении философии можно, конечно, с некоторым упрощением рассматривать как интродукцию в эту тему, как «оператор, примененный к фантастике как феномену». Фантастика, убеждает автор, вовсе не является антонимом действительности, не есть нечто бесплотно-трансцендентное, но – плоть от плоти, часть реальности, причем конституирующая ее часть, ее фундаментальное условие. В сопоставлении с фантастикой и реализм оказывается даже в каком-то смысле менее реальным, «реализм в полном и точном смысле слова... вообще невозможен». Реализм фантастичен, ведь образы реальности суть воображаемые *per definition*. Она в этом смысле гораздо менее необходима, чем фантастика. Последняя выступает в этом смысле неким аналогом математики: рожденная как фикция, она подчиняется жестким внутренним ограничениям и законосообразностям, обладает четким функцио-

⁵ В.Кузнецов более двадцати лет преподает на философском ф-те МГУ и является признанным экспертом в области философии фантастики.

налом и, определяемая как онтологически-реальная, помимо десятков прочих функций решает две существеннейшие когнитивные и коммуникативные задачи:

во-первых, она обозначает «границы смысловых пределов и естественных интуиций», определяет, таким образом, рамку интерпретативных возможностей; обеспечивает рефлексию и осознание ограниченности наших когнитивных ресурсов: нерефлексивно применяемых оппозиций открытое/изобретенное, реальное/выдуманное, истинное/ложное;

во-вторых, создает, скажем, конструируя фиктивные космические сообщества, возможность виртуальной апробации процессов понимания, что может служить продуктивным подходом к решению, лингво-аналитической проблемы (не)переводимости.

На этом представление книги можно и закончить. Третью часть завершает ряд скорее частно-философских приложений: анализ проблем философии языка, прямой и непрямой референции, феноменологии времени, перформативности в коммуникативной теории, не вполне укладывающиеся в канву общего замысла, но сами по себе небезынтересные. Поздравим Василия Кузнецова с тем, что ему удалось создать смелый по замыслу и оригинальный по исполнению интересный продукт, который, несомненно, украсит библиотеки тех немногих читателей, кто еще не перешел на формат электронных книг. Книгу ждет *фантастический* успех.

**Реальность значения
Рецензия на книгу В.А.Ладова «Иллюзия значения.
Проблема следования правилу в аналитической
философии»**

Проблема следования правилу была впервые сформулирована в работах позднего периода Л.Витгенштейна, и до сих пор не утихают споры не только по поводу того, как решить её, но и того, что же, собственно, хотел сказать Витгенштейн в отношении этого вопроса, что связано с афористичным стилем его философствования.

Суть этой проблемы состоит в том, что у нас всегда есть лишь ограниченный опыт применения правила, тем не менее оно должно содержать директиву на все возможные случаи своего употребления. Эта тема возникает у Витгенштейна в контексте его критики традиционного представления о языке, обнаруживаемого и в его собственной ранней работе «Логико-философском трактате», согласно которому слова обозначают предметы внешнего мира. В применении к языку проблема следования правилу предстает как вопрос о том, существует ли некоторое значение, которое мы схватываем раз и навсегда, когда обучаемся употреблению слова.

Широкое внимание философской общественности к этой проблеме привлек С.Крипке, который в своей книге «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» (1982) сформулировал аргумент, демонстрирующий, что никакие факты внутренней ментальной истории или внешнего поведения отдельно взятого человека не способны служить обоснованием следования правилу. Он предложил мысленный эксперимент о «плюсах» и «квусах», в котором воображаемый скептик ставит под сомнение вычисление $68+57=125$. Скептик говорит, что поскольку при обучении вы

не рассматривали этот конкретный случай, то весь ваш прошлый опыт сложения может рассматриваться как следование правилу «квуса», а именно: «Действуйте как с плюсом с числами менее 57, а с числами более 57 сумма любых двух чисел равна 5». Человек оказывается неспособным дать ответ скептику, поскольку нет никакого факта, на который он мог бы указать в качестве доказательства того, что он изначально подразумевал «плюс». Крипке распространяет свой скептицизм на язык и значение в целом и показывает, что мы не можем даже приступить к разрешению данной проблемы, не пересмотрев наше традиционное представление о языке, согласно которому предложениям должны соответствовать факты в мире. Он предлагает вместо условий истинности говорить только об условиях утверждаемости (уместности) предложения, определяемых данным социальным контекстом. Соответственно, согласно Крипке, совершенно изолированный индивид не был бы способен обучаться и следовать правилам.

Работа В.А.Ладова «Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии» является одной из немногих книг, написанных на русском языке и выполненных в стиле аналитической философии. Уже один только этот факт придает данной работе безусловную значимость.

Общая задача книги состоит в том, чтобы продемонстрировать, как, казалось бы, частная проблема аналитической философии имеет непосредственное отношение к самым фундаментальным проблемам эпистемологии и онтологии, и предложить направление для ее решения, критически проанализировав уже существующие варианты. Ладов вполне успешно реализует этот проект, тем более, что он не провозглашает ни в качестве цели, ни в качестве результата своей работы полное и окончательное разрешение проблемы следования правилу. Он лишь стремится показать, что некоторые популярные варианты решения, в которых сам феномен значения называется «иллюзией», должны быть исключены, поскольку имеют неприемлемые следствия. Основной тезис автора, который он убедительно обосновывает, состоит в том, что любая позиция, предполагающая отказ от классического представления об истинности и утверждающая, что значение предложения определяется случайными условиями утверждаемости, принимаемыми одним коллективом и не принимаемыми другим, имеет своим

следствием релятивизм и антиреализм. В свою очередь последний наталкивается на ряд хорошо известных логических и эпистемологических противоречий. В целом мне очень близка его оценка теорий такого типа: «Либо высказывание антиреалиста не говорит о том, о чем оно должно говорить, либо (и, скорее всего, происходит именно это) антиреалист опровергает свое собственное основание и высказывает самый что ни на есть реалистический тезис»¹.

Ладов начинает свое исследование с постановки проблемы и выдвигает тезис о том, что проблема следования правилу является ядром проблемы значения в целом. Автор анализирует различные виды семантических теорий и приходит к выводу, что только значение, понятое как универсалия, способно выполнять роль правила, поскольку правило должно быть директивой на все возможные случаи. Затем он переходит к анализу скептической аргументации и утверждает, что Крипке недостаточно четко и радикально сформулировал свой аргумент, поскольку представил его так, как будто мы испытываем сложность только с применением правила в будущих случаях, с которыми не сталкивались до этого. На самом же деле проблема состоит в том, что мы не можем здесь и сейчас отдать себе отчет, каким правилом руководствуемся, поскольку наше конечное сознание не способно схватывать универсальные сущности целиком. Завершает свое исследование Ладов критикой существующих решений проблемы следования правилу и изложением собственного. Автор предлагает решение только этого конкретного примера со сложением, обращаясь к идее математической индукции в арифметике Пеано, которая обосновывает возможность говорить о *любых* положительных числах при формулировке правила сложения, т. е. использовать квантор всеобщности. Тем не менее Ладов признает, что скептические сомнения могут быть возобновлены на новом уровне. «Мы даем только умеренное решение: несмотря на то, что мы не обнаруживаем средств для экспликации опыта интеллектуальной интуиции, в котором происходит схватывание универсальных концептов, мы утверждаем, что теории, пытающиеся описать процесс познания без обращения к таким концептам, несостоятельны» (с. 309).

¹ Ладов В.А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск, 2008. С. 251. Далее ссылки на книгу В.А.Ладова даются в тексте.

Что касается работы в целом, то, во-первых, хотелось бы отметить тот огромный материал, который был осмыслен и привлечен автором для обсуждения проблемы следования правилу. В.Ладов критически анализирует абсолютное большинство работ, написанных по этой теме, вводит для российского читателя множество малознакомых имен, таких как Г.Бейкер, П.Хакер, Н.Малколм, Ш.Шиффер, Г.Эббс, П. ван Инварген, Р.Фогелин, К.Райт, К.Пикок и др. Помимо этого, Ладов ставит проблему следования правилу в широком контексте проблемы значения, обсуждая аргументы Х.Патнэма, Д.Деннета, Н.Хомского, Т.Берджа, Н.Гудмена, Дж.Серла, Д.Дэвидсона и др.

Во-вторых, большим достоинством книги является стиль философской работы автора. В.Ладов действительно демонстрирует аналитический метод в действии, самым скрупулезным образом рассматривая сложности разных постановок и решений вопроса о следовании правилу и значении, указывает, где неясности изложения или многозначность терминов становятся причиной затруднения, отделяя один аспект аргумента от других.

Признавая положительные стороны этой работы, хотелось остановиться на некоторых положениях автора и высказать несколько критических соображений: в частности, мы рассмотрим понимание автором задач семантической теории и содержания проблемы значения, его анализ роли сообщества в решении проблемы следования правилу, а также используемую им терминологию.

В.Ладов утверждает, что витгенштейновский перенос внимания с идеи значения на идею следования правилу не представляет собой какого-то радикального сдвига в понимании языка, поскольку любая теория значения, согласно мнению автора, и есть ответ на вопрос о том, что выполняет роль правила. Так, «универсализм» предполагает, что правилом является абстрактная сущность, «референциализм» – что эту роль выполняет сам объект, «квалитативизм»² – субъективное психическое переживание.

Автор высказывает тезис о том, что «любая теория, чтобы предоставить адекватный отчет о значении, должна ответить на вопрос о правиле, а значит, должна содержать в себе элементы диспозиционального анализа» (с. 68). Он говорит далее, что на роль

² Я указываю эти термины в кавычках, потому что не совсем согласна с их употреблением Ладовым, о чем будет сказано позднее.

правила может претендовать только универсалия. Соответственно мы можем сделать вывод, что автор интерпретирует понятие «диспозиция» как «правило» и как «универсалию».

Мне хотелось бы обратить внимание на то, что здесь мы имеем дело с понятием «диспозиции», которое отличается от того, как этот термин традиционно употребляется в аналитической философии. Так, Г.Райл, на кого ссылается и Ладов, противопоставляет диспозициональные выражения выражениям, обозначающим отдельные события. Диспозиция – это предрасположенность вести себя определенным образом в определенных условиях. Рассмотрим, например, убеждение в том, что из окна не следует прыгать. Диспозициональный анализ предполагает, что нет никакого одного события ни в голове, ни где-либо еще, соответствующего этому убеждению. Последнее предполагает множество вещей, к примеру, что человек будет использовать для выхода дверь или что на предложение: «а что если нам выйти в окно?» – ответит отказом. А в интерпретации Ладова это убеждение должно представлять одно событие схватывания универсалий.

Мое несогласие с Ладовым в данном моменте не является чисто терминологическим. Эта неясность отрицательным образом сказывается на постановке основной проблемы книги – проблемы значения. Исходный тезис автора о том, что любая теория значения должна быть диспозициональной, т. е. предлагать анализ в терминах предрасположенностей, и что все существующие теории значения укладываются в эту схему, мне представляется неочевидным и требующим обсуждения.

Большинство теорий значения не ставили своей целью дать анализ предрасположенностям или правилам употребления слов. Рассмотрим, к примеру, теорию значения в логическом атомизме Б.Рассела. Его совершенно не интересует, как кто-то лично предрасположен употреблять какое-то слово, для него важно только то, что логический анализ значения, пределом которого станут логические имена, обозначающие чувственные данные, вообще в принципе возможен. Таким образом, здесь мы имеем дело с теорией, которую можно назвать «квалитивной», если воспользоваться термином автора, но она тем не менее не является диспозициональной, что противоречит его тезису о том, что квалитивная теория значения является разновидностью диспозициональной.

С другой стороны, аргументы скептика оказываются просто нерелевантными каузальной теории референции, согласно которой референция выражения задается его каузальной связью с предметом. Все они нацелены на то, чтобы показать, что у отдельно взятого индивида недостаточно ресурсов, чтобы предоставить однозначный отчет о значении. Сторонник рассматриваемой теории не видит в этом никакой проблемы, более того, он может утверждать, что у всего общества в целом может быть на определенный момент времени недостаточно знания, чтобы однозначно определить значение термина. Аргументы Х.Патнэма, такие как Двойник Земли, как раз и имели целью показать, что никакие индивидуальные предрасположенности к употреблению вообще не имеют отношения к феномену значения. Хотя путешественник на двойнике Земли предрасположен употреблять слово «вода» к веществу со структурой XYZ, только по внешним признакам напоминающему воду, это никак не меняет того факта, что слово «вода» продолжает обозначать только H₂O на Земле.

Поэтому критика этих теорий Ладовым на том основании, что они не способны дать адекватный диспозиционный отчет о значении, мне представляется не совсем справедливой.

В соответствии с этим также очень спорным кажется тезис о том, что диспозиционная теория является наиболее влиятельной теорией значения в философии языка (с. 68).

Следует также заметить, что диспозиция – это все-таки термин философии сознания, а не философии языка и тем более не семантики. Главной задачей семантической теории все же является не решение частного вопроса философии сознания о том, насколько способен индивид осознать значение термина и каким образом формируются его предрасположенности к употреблению. У семантики есть свой круг вопросов и задач, которые она исследует и выполняет.

Например, понятие «смысл» в семантической концепции Г.Фреге решало ряд важных проблем. Во-первых, это проблема выражений, обладающих смыслом, но лишенных референта. Во-вторых, проблема существования выражений с разным смысловым значением, но одинаковым референтом. В-третьих, это проблема косвенных контекстов. В свою очередь каузальная теория референции, в том числе и представленная в работах С.Крикке,

ставила своей задачей решение других семантических проблем, в частности проблемы употребления имен в контрфактических высказываниях.

Теория значения, согласно которой значением любого слова является универсалия – понятие, которую отстаивает Ладов, сама наталкивается на ряд существенных *семантических* сложностей. Такая теория не учитывает важные различия между типами семантических единиц, такими как имена собственные и общие термины. Например, если содержанием имени «Аристотель» является некое понятие, такое как «последний философ античности», то предложение «Аристотель мог бы не стать последним великим философом античности» должно было бы рассматриваться как противоречие, тем не менее оно таковым не является. Эта и другие сложности рассматриваемой теории значения были продемонстрированы в работах Б.Рассела, С.Крипке, К.Доннелана, Х.Патнэма и др.

Иными словами, утверждать, что любая семантическая концепция должна быть диспозициональной, объяснять, как и почему индивид предрасположен употреблять слова определенным образом, означает по меньшей мере упускать из сферы своего внимания важнейший пласт собственно семантических проблем.

Сомнению можно подвергнуть и решение проблемы следования правилу, предлагаемое В.Ладовым. Он признает силу скептической аргументации, утверждающей, что мы никогда не способны отдать себе отчет о том, в каком значении используем слово. Однако в заключение книги он утверждает, что нам следует признать возможность схватывания значения, поскольку это единственный способ избежать релятивизма. Таким образом, он не дает читателю возможного разрешения скептического сомнения относительно значения.

Возможно, это отчасти связано с тем, что автор не совсем обоснованно слишком во многом уступает гипотетическому скептику. Можно согласиться с Ладовым, что если скептику удастся показать, что значение – это иллюзия, которая создается в каждом акте коммуникации, то следствием этого тезиса стал бы релятивизм. Тем не менее мне не кажется, что аргументы скептика настолько сильны.

Все, что удастся показать скептику, – это то, что один человек, рассматриваемый в изоляции, не обладает достаточными ресурсами, которые всегда позволяли бы ему точно определить значение

употребляемых им терминов. Многие авторы, в частности сам Крипке, полагали, что введение точки зрения социума как инстанции, фиксирующей значение термина, могло бы решить проблему следования правилу. Представляется, что такое введение социума по меньшей мере способствовало бы преодолению скептицизма относительно значения терминов обыденного языка.

Согласно же позиции В.Ладова, конвенциализм, т. е. теория о том, что значение формируется при участии явной или неявной социальной договоренности, не может служить здесь ответом, поскольку его неизбежным следствием является самопротиворечивый релятивизм (с. 76). Однако один только тезис о том, что значение фиксируется социальными институтами, не влечет за собой релятивизм. Релятивизм требует дополнительного тезиса о том, что слова и предложения не относятся к внешнему миру, что истина не состоит в соответствии предложений фактам. Если же речь идет только о проблеме фиксации правила, то конвенциализм мог бы выполнить эту задачу.

Очевидно, что в значении терминов обыденного языка силен конвенциональный элемент, но из этого не следует, что все значения задаются социумом совершенно произвольно. Позиция сообщества не исключает роль внешнего несоциального мира для формирования значения, ее влияние может быть более сильным в отношении таких вещей, как «стол», менее сильным в отношении таких вещей, как «вода». Иными словами, конвенциализм в отношении фиксации значения не исключает того, что слова и предложения относятся ко внешнему миру. Речь идет о том, что сообщество может случайно решить называть эту прозрачную жидкость «водой» и рассеять ваши индивидуальные сомнения о том, следует ли называть «водой» также и спирт. Но однажды зафиксировав значение этого термина, оно не меняет его произвольно, а ориентируется на то, что имеет место в мире. Все сообщество в целом может не владеть полным значением слова «вода» и уточнять его, когда мы сталкиваемся со сложными случаями, вроде двойника Земли.

Таким образом, тезис о том, что любое отступление от универсалистской семантики в пользу позиции сообщества относительно терминов обыденного языка имеет своим следствием релятивизм, представляется необоснованным. В.Ладов, конечно, не единственный, кто отстаивал данную позицию, одним из наиболее ярких примеров здесь

может служить Г.Фреге. Он, как и Ладов, полагал, что платонизм является единственной альтернативой релятивизму. Но его аргументация была другой: Фреге считал, что смысл не может рассматриваться как набор индивидуальных психологических представлений, поскольку никто не может разделить со мной моих переживаний. Каждый в такой ситуации, по Фреге, говорил бы только о своем и не мог понять другого. В данном же случае, если общество является условием фиксации и усвоения смысла, такая проблема отчасти исчезает.

Ладов выдвигает очень сильный тезис о том, что из аргументов Крипке следует самый радикальный скепсис: речь идет не только о том, что человек может совершить ошибку в употреблении слова, но и он сам может совершенно не понимать, что хотел сказать: «Поскольку понятия, которыми мы пользуемся, до конца не определены, постольку, употребляя слово, мы не знаем в точности то, что мы имеем в виду» (с. 80). Конечно, позиция сообщества, состоящего из индивидов, не понимающих, что они имеют в виду, не может решить проблему следования правилу.

Как мне кажется, для того, чтобы приступить к решению скептического парадокса в такой формулировке, требуется пересмотр не классического представления о языке, где слова обозначают предметы, а предложения (по меньшей мере некоторые) – факты, а представления, с которым соглашается автор, о том, что «лингвистический опыт является основополагающим для процесса познания» (с. 40). Это представление о роли языка в познании происходит из убеждения о том, что никакое мышление вообще невозможно без языка, как будто бы без него мы не были способны отличать одни предметы от других и весь мир представлялся бы нам цветными пятнами и набором шумов. Такая картина по меньшей мере не согласуется со всем, что нам известно о поведении существ, не обладающих языком, и их способности ориентироваться в мире. Понятие о предмете не является абстрактным правилом о том, как употреблять слово, обозначающее этот предмет (класс предметов). Проблема же с аргументацией скептика состоит в том, что даже если ему удастся показать, что два предложения «снег бел» и «трава – зеленая» в каком-то идиолекте могли означать одно и то же, и об этом мог не знать человек, произносящий одно из этих предложений, из этого не следовало бы, что мысли о снеге и о траве могли бы быть абсолютно неразличимы.

В завершение этого обзора хотелось бы кратко остановиться на терминологии, используемой В.Ладовым. Мне представляется не совсем оправданным введение и использование без обоснования некоторых терминов. В частности, возникает ряд вопросов о неологизме «онтоэпистемический»: идет ли здесь речь о том, что автор не признает различие между онтологическими и эпистемологическими вопросами? Множество сомнений вызывает и термин «референциализм»: имеется ли в виду только каузальная теория референции или любая экстерналистская концепция значения? Можно ли отнести теорию Фреге, который считал, что значением имени является предмет, к референциализму или его теория является «универсализмом», поскольку он считал смысл универсалией? То же самое можно сказать о терминах «квалитивная теория значения», «ментализм» и др.

Иногда такая терминологическая неясность отрицательно сказывается на понимании читателем тезисов автора. Например, в тезисах о том, что теория значения Х.Патнэма ведет его к принятию антиреалистской позиции (с. 240) и что критикуемая им традиционная теория значения не может рассматриваться как проявление реализма (с. 241), непонятно, идет ли речь о «реализме» в отношении универсалий или в отношении внешнего мира. Поскольку если речь идет о реальности внешнего мира, то оба эти тезиса представляются слишком сильными: большинство исследователей, напротив, полагают, что следствием патнэмовского экстернализма является реализм, и традиционная теория значения реализм не исключает (опять же можно в качестве примера привести Г.Фреге).

В заключение хотелось бы сказать, что работа Ладова, будучи одной из немногих не историко-философских исследований по аналитической философии в России, безусловно, представляет собой существенный вклад в обсуждение этой проблематики. Автор не только формулирует ряд интересных и провоцирующих дискуссию тезисов относительно самой проблемы следования правилу, но и демонстрирует ее место в общем контексте исследований в области семантики и эпистемологии, что делает книгу интересной для более широкого круга читателей. Кроме этого, по объему исследованного и привлеченного материала с данной книгой на сегодняшний день вряд ли сможет сравниться какая-либо другая работа, изданная на русском языке и посвященная проблеме следования правилу.

Список авторов

Антоновский Александр Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Игнатенко Антонина Сергеевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала «Эпистемология и философия науки»

Касавина Надежда Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН

Колпаков Владимир Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Микешина Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии МПГУ.

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Научное издание

Эпистемология в XXI веке
Новые книги, справочные материалы, рецензии и обзоры
(2000–2011)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректоры: *А.А. Гусева, Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 25.09.12.

Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,00. Уч.-изд. л. 10,21. Тираж 500 экз. Заказ № 032.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
<http://iph.ras.ru/arhive.htm>